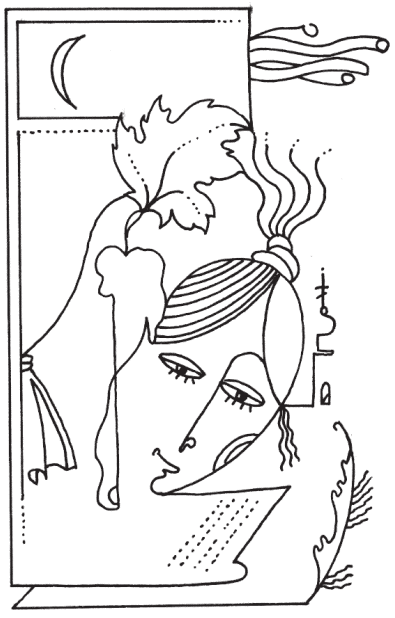
Литературный Журнал

Ежемесячный литературно-художественный журнал «ЛУЧ»
№ 3 - 4
(275 - 276)
2016

Учредитель
Союз писателей России
Союз писателей Удмуртии

Журнал издается с 1992 года



Главный редактор
Николай (Е.) МАЛЫШЕВ

Редколлегия
Александр ВЕПРЕВ
Анатолий ДЕМЬЯНОВ
Валентина ЕРМИЛОВА
(отдел детской литературы)
Владимир ЕМЕЛЬЯНОВ
Маргарита КОВЫЧЕВА
(зам. гл. редактора)
Владимир КУЛИШОВ
Александр ХОДЫКИН
(ответственный секретарь)

Ирина ЮОЗАПАЙТЕНЕ
(секретарь редакции)

Художественное оформление и дизайн
Михаил Вахрин,
Александр Семенов
Фото Валентины Ермиловой

Адрес редакции, издателя: 426057,
г. Ижевск, ул. Пастухова, 13
Телефон: 8 (3412) 51-35-61
Телефон-факс: 8 (3412) 51-34-69
e-mail: lit-luch@udmnet.ru
(служебный);
lit-luch@mail.ru
(авторский);
malyshev49@mail.ru

www.litluch.ru

Рукописи принимаются в компьютерной распечатке, на цифровых носителях или по электронной почте объемом не более двух авторских листов
Не рецензируются и не возвращаются. Хранятся в редакции один год.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов. Мнения авторов и редакции журнала могут не совпадать. Редакция в переписку не вступает, а только сообщает авторам о своем решении. При перепечатке ссылка на журнал «Луч» обязательна.

Тексты принимаются в Word (формат doc), гарнитура Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал - одинарный. Просьба располагать текст не по центру, а по левой границе листа (три деления от края), в одну колонку. Это необходимо, чтобы избавить редакторов от трудоемкой работы по приведению присланных произведений к установленным в редакции нормам.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ж.В.ДВОРЦОВА,
заместитель председателя Центральной избирательной комиссии УР

П.В.ЕЛКИН,
народный художник Удмуртии,
заслуженный художник России

Г.Г.КАЛИНИНА,
директор Национальной библиотеки УР

К.А.КЕДРОВ
поэт, философ, кандидат филологических наук, доктор философских наук, член Союза писателей Москвы, член русского Пен-клуба, президент ассоциации поэтов России, редактор «Журнала ПОэтов», лауреат южнокорейской премии Манхе, дважды номинант на Нобелевскую премию (Москва)

В.Г.КОСТЕНКОВ,
священник Русской Православной церкви

С.Н.КУЗИЧКИН,
писатель, главный редактор журнала «Новый Енисейский литератор» (г.Красноярск)

В.В.СЕРГЕЕВ (Вячеслав Ар-Серги),
народный писатель Удмуртской Республики

Е.В.СТЕПАНОВ,
писатель, кандидат филологических наук, генеральный директор холдинговой компании «Вест-Консалтинг», главный редактор международного литературно-художественного журнала «Дети Ра» (Москва)

А.М.ФОМИНОВ,
председатель Общественной палаты Удмуртской республики

Учредитель редакции - Агентство печати и массовых коммуникаций УР
Учредитель СМИ - СП УР (свидетельство о регистрации № 013817 от 15 июня 1995 г.)
Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Журнал выходит один раз в два месяца (6 выпусков в год)
Распространяется на территории России
Цена одного выпуска в редакции 60 руб.

Подписано к печати 06.04.2016 г.
Формат 60 x 84 1/8 . Печать офсетная.
Печ. л. 11,0.
Тираж 500 экз.
Дата выхода в свет: 21 апреля 2016 г.
Отпечатано в АО «Ижевский полиграфкомбинат».
426039, г. Ижевск, Воткинское шоссе, 180.
Заказ № 0023

12+

© Составление и оформление. «Луч», 2016

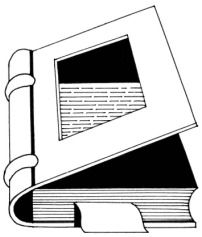
Содержание

проза

К годовщине Великой Победы

МЫ - ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВА (сочинения школьников на заданную тему):
Алексей ВОРОНЧИХИН, Даниил КОРЕПАНОВ, Полина РУССКИХ, Анастасия ЧИРКОВА 4

Александр ФИЛИЧКИН. СПАРРИНГ-ПАРТНЁР ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СЛУЖАЩИХ (рассказ) 13



Миры «Ф»

Виктор РЕДКИЙ. НОША ГОСПОДНЯ (фантастическая повесть)
КНИГА ТРЕТЬЯ. ДЫРА 27

Денис КОЖЕВ. СОННАЯ РАДУГА (рассказ) 57

Гостиная

Сергей ПЕТРОВ. ЦЕННЫЙ ГРУЗ (рассказ) 78

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА (попытка прозы):
Этэри ЧОЧИЯ, Софья ЧУЗОВА, Мария ПОНОМАРЕВА, Светлана ВАСИЛЬЕВА, Валерия ВАХРУШЕВА, Валентина МОИСЕЕВА 69

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРОЧКИ (попытка поэзии):
Наталья ВАХЛИНА, Никита ГЛЕБКИН, Екатерина КИБАРДИНА, Наталья МОСКАЛЕНКО, Светлана ПЕРЕВОЗЧИКОВА, Анастасия МИХАЙЛОВА, Елена КУЗНЕЦОВА, Людмила РУДИНА, Надежда ОРЛОВА, Татьяна МИХАЙЛОВА, Владимир КОТКОВ 63

поэзия

Сергей ВОСТРОКНУТОВ. ВРЕМЕНА ГОДА 11

Гостиная

Александр ЯКШИН. БЕЛАЯ НОЧЬ НА БЕЛОЙ РЕКЕ 25

Из поэтической почты

И НЕТ ВАЖНЕЙ БЕСЕДЫ:
Владимир МИРОШНИЧЕНКО, Юрий ТАЛАНКИН, Анастасия КУЛЁМИНА, Галина ЕРЁМИНА, Юрий НИКИТИН, Расима АХМЕТВАЛЕЕВА 54

Александр КОРАМЫСЛОВ. С ПЕРЕМЕННЫМ УГЛОМ ОТРАЖЕНИЯ ... 75

Дмитрий АРТИС. УЛЫБКА ГУИНПЛЕНА (о поэзии А. Корамыслова) ... 76

Локальный взгляд

Сергей СЕЛИВАНОВСКИЙ. ИЖЕВСК, 2060
(документальная фантастика) 82

К годовщине Великой Победы

В январе нынешнего года в Балезинском районе состоялся конкурс сочинений школьников «Во славу Отечества». Основная цель конкурса - гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Ребята писали сочинения на темы «Защитники Отечества в моей семье», «Я - будущий защитник Отечества», «Есть такая профессия - Родину защищать». Сегодня, накануне очередной годовщины Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, мы публикуем некоторые из сочинений.

МЫ - ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Алексей ВОРОНЧИХИН
13 лет
Муниципальное казённое учреждение
«Балезинский детский дом»

МОРЯКИ-ПОДВОДНИКИ

Это святая обязанность - любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать.
М. Шолохов

Защита Отечества - это священный долг каждого военнообязанного человека в нашей стране. Быть защитником всегда считалось в России великой честью. Многие мальчишки мечтают служить в армии. С самого раннего детства играют в танки, конструируют корабли и самолёты. Служить в армии - почетно! Как говорил Петр I, «государевы люди - это те, кто защищает свою родину, покой людей и счастье своих семей». Пока мы спим спокойно под мирным небом над головой, военные стоят и днём, и ночью на постах, на страже. Они отважно охраняют мирный труд своего народа.

Российский народ гордится боевым прошлым своей могущественной армии. Русская земля с её огромными просторами всегда была предметом зависти других народов. Наш народ никогда не сдавался, всегда защищал и отстаивал свою Родину, будь то татаро-монгольское иго, война с Наполеоном или Великая Отечественная война. В каких бы войсках не служил наш солдат: танковых, сухопутных, морских, воздушно-космических, он обороняет нашу Родину. Рискуя жизнью, он даёт нам возможность ходить в школу, общаться с друзьями, путешествовать и просто любить эту жизнь!

Не бойся жизнь за всё благодарить:
За радость встреч или за боль разлуки,
И за возможность просто мирно жить,
И за минуты счастья, и минуты муки.
(И. Рябых)

«Есть такая профессия - Родину защищать». Мне хочется рассказать про удивительную профессию моряка-подводника. Пошел бы я служить подводником или нет, мне говорить об этом пока сложно. Из всех военных профессий - служба на подводной лодке кажется для меня самой сложной. Может быть, в силу своего возраста, меня пугает страх морской глубины. Задуматься только, не каждый человек способен находиться в замкнутом пространстве, под огромной толщей воды длительное время, вдали от родных и близких людей. Для этого необходимо, прежде всего, желание, здоровье, выдержка и профессиональная подготовка. Это суровый и тяжёлый труд служить на огромном атомном подводном корабле, вооружённом ракетами и торпедами.

Профессия военного моряка-подводника окружена ореолом таинственности и романтики. Служить на субмарине идут только самые смелые и «влюблённые в море» люди, у которых романтика в душе и тяга к красоте и суровости моря. В юности хочется повидать другие страны, почувствовать себя настоящим мужчиной - побеждать стихию и технику. Как космонавты покоряют воздушное пространство, так и моряки-подводники покоряют глубину морей и океанов. Это сложная и опасная профессия. Рисков здесь много - это и случайный взрыв торпеды, и угроза затопления, и потеря связи с землей, и нехватка кислорода и многое другое.

«Каждый выход в море - это испытание не для слабонервных. Месяцами необходимо

находиться под страшной толщей воды или льда, без солнечного света, привычных пейзажей, в небольшом замкнутом пространстве, где путаются день с ночью, а главное, здесь никто не может знать, подведёт оборудование в этот раз или нет, и доведётся ли вернуться домой. Выбрать эту профессию могут немногие люди», - рассказывают подводники в отставке.

Командиры подводных кораблей - это особая категория военных. Нигде, кроме как на подводной лодке, нет такой близости командира к своим подчинённым. Здесь и матрос, и старшина, и командир чувствуют «плечо друг друга».

Приказ, боевая тревога,
Аврал, значит все по местам,
Подводная лодка уходит,
К глубоким и дальним морям!
(М. Львовский)

На рубеже веков, пятнадцать лет назад, произошла страшная трагедия для всего российского народа. Двенадцатого августа двухтысячного года, в предпоследний день учений Северного флота, в Баренцевом море на глубине ста восьми метров затонула подводная лодка «Курск», входящая в состав Северного флота России. На её борту находились сто восемнадцать членов экипажа во главе с командиром - капитаном первого ранга Геннадием Лячиным, все они погибли. Стало известно, что произошёл взрыв торпеды в носовом отсеке субмарины. Погиб лучший экипаж атомного подводного флота. На тот момент «Курск» считался самой современной подводной лодкой. Туда шли служить самые лучшие моряки-подводники. Лучшие сыны Отечества в одночасье погибли при исполнении служебного долга.

Вскипают волны, буйствует вода,
Безумно чайки носятся и стонут;
Сто восемнадцать жизней навсегда
С собою забрало Баренцево море.
(И. Нарижняя)

Настоящее горе пришло в семьи затонувших солдат-подводников. Кто-то потерял горячо любимого мужа, кто-то лишился достойного сына и брата, у кого-то морская бездна отняла любимого отца.

А на берегу жизнь осиротелая.
Мается, мается.
Рана стометровая.
Мука стопудовая - Баренцево море.
Господи всемилостный!
Как же это вынести?
Нету краю горю!
(Н. Янчева)

Спасательная операция длилась несколько дней. О судьбе моряков в первые дни трагедии ничего не было известно. Лишь спустя некоторое время до нас дошли письма тех солдат, которые погибли не в одночасье, а мучительно ждали неминуемую гибель. Письма эти читать без слёз невозможно. Внимательно всматриваешься в неуверенные очертания букв, пытаешься вникнуть в каждое слово. Предложения кажутся обрывистыми, но очень символичными. Мичман Борисов А. М. пишет: «Милые мои Наташа и сынок Саша!!! Если у Вас это письмо, значит, меня нет. Я Вас обоих очень люблю. Наташа, прости меня за всё. Сашуля, будь мужчиной. Я Вас крепко целую».

«Сашуля, будь мужчиной» - какая проникновенная фраза, послание сыну от отца, стоящего на краю гибели. Фраза краткая, но жизнеутверждающая. Вечная память! Моряки-подводники показали нам, современным школьникам, пример настоящего мужества и героизма. Все находившиеся на борту были посмертно награждены Орденом Мужества, а командиру корабля присвоено звание Героя Российской Федерации.

Эта трагедия тронула моё сердце и не оставила меня равнодушным. Мне захотелось ещё больше узнать о других историях, связанных с крушением подводных кораблей. Почему и как это происходит? И как с этим жить? На многие волнующие меня вопросы я нашел ответы в художественной литературе. В книге бывшего подводника Николая Черкашина «Пламя в отсеках» написано о гибели атомной подводной лодки «Комсомолец», затонувшей в Норвежском море в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. В этом произведении освещена почти вся правда о корабле, о людях, об их подвиге, об их спасении.

В книге Николая Черкашина содержатся следующие строки: «Из всех человеческих страхов самый острый - страх удушья. Без еды человек может жить неделями, без воды - сутками, без тепла - часами, без глотка воздуха не проживёт и пяти минут... Подводная лодка, прочный корпус - защитная оболочка одна на всех, общее тело всего экипажа».

К сожалению, сложно осознавать, что в мирное время гибнут наши солдаты. Эти моряки-подводники, отдавшие жизнь свою за родную страну, послужившие ей до самого последнего вздоха, это ли не пример высшего служения для всех нас? Мне очень хочется, чтобы люди не забывали о подвиге простых солдат, о подвиге, который многим не удастся совершить никогда, о подвиге, благодаря которому мы живём, и живём свободно и мирно и воспринимаем это как должное. Светлая память всем героически погибшим морякам-подводникам! Мы будем ещё и ещё всматриваться в ваши лица на фотографиях, не забудем ваши имена, будем смотреть фильмы и читать книги о вас. Клянёмся, что вырастем настоящими защитниками Отечества! Ваш подвиг, как вечный пример, всегда останется в нашей памяти и в нашем сердце!!!

Даниил КОРЕПАНОВ
13 лет
МБОУ «Воегуртская средняя общеобразовательная школа»

МОЙ ПРАДЕД И ЕГО ВОЙНА

Защитник Отечества - гордое званье,
В нём слышится отзвук далёких веков,
Когда с верой в Бога под вражьи проклятья
Герои отчизны громили врагов.
(И. Бутримова)

Люди говорят, что земля может накормить своим хлебом, напоить водой из своих родников, но защитить сама себя она не может. Это дело тех, кто ест её хлеб, пьёт её воду.

С древних времен на Руси почитались люди, которые защищали Землю-матушку, бились за её свободу, жертвуя собой. В песнях, легендах, былинах воспет подвиг таких людей. Для них всегда на первом месте были такие понятия как долг, честь, патриотизм, подвиг. Русские люди, мои соотечественники, остаются примером мужества, силы, справедливости уже на протяжении многих веков.

В фильме «Офицеры» один из героев говорит: «Есть такая профессия - Родину защищать». Я хочу рассказать о своей семье: о прадедушке, дедушке и отце. Я с гордостью о них могу сказать, что они - защитники Отечества.

Мы часто рассматриваем семейные фотографии, а среди них есть старые фотографии моего прадеда, отснятые ещё в далекие военные годы. Иногда моя бабушка, его старшая дочь, достает его ордена и медали. Они как будто светятся. А вот передо мной снимок, где стоит невысокий, но статный офицер в военной форме с орденами, это и есть мой прадед - гвардии старший лейтенант Абашев Василий Афанасьевич.

Мой прадед родился 8 февраля 1922 года в деревне Абашево Глазовского уезда (теперь это Юкаменский район). Юность прадеда, как и его сверстников, опалена войной. Когда она началась, ему исполнилось 19 лет. С самых первых дней войны прадед был призван в Красную Армию и направлен в пехотное военное училище в город Уфу. По окончании училища был направлен в действующую армию, где командовал взводом.

Как командир пехотного взвода прадед должен был первым поднимать бойцов в атаку, а потому и первым попадал под пули и снаряды врага, в результате был четырежды ранен. Однако после лечения в госпиталях, он каждый раз возвращался на передовую и принимал под командование очередной взвод.

Боевой путь прадеда, как в известной песне, пролёг через пол-Европы: он освобождал от блокады Ленинград в составе Волховского фронта, Восточную Пруссию, Польшу, форсировал реку Одер, с западного берега которой началась Берлинская операция, закончившаяся разгромом фашисткой Германии. Дослуживал прадед в Австрии и был демобилизован из армии лишь в 1947 году.

О том, как воевал мой прадед Василий Афанасьевич, говорят его награды: «Орден Отечественной войны 1-ой степени», «Орден Красной Звезды», медаль «За оборону Ленинграда», медаль «В память 250-летия Ленинграда»

и многочисленные юбилейные медали в честь 50-, 60-, 70-летия Вооруженных Сил СССР, в честь 20-, 25-, 30-, 40-летия Победы в ВОВ.

После войны прадед до 50 лет оставался на учёте в запасе. В первые послевоенные годы он работал в колхозе счетоводом, секретарём партийной организации. В 50-ые годы с семьей переехал на станцию Люк Балезинского района, где до выхода на пенсию работал лесником.

Из рассказов бабушки, прадед с горечью вспоминал своих однополчан, не вернувшихся с поля боя, многих помнил поимённо. Он был храбрым воином. Я преклоняюсь перед его подвигом на боевом и трудовом фронте.

Прадед умер от последствий тяжелых ран в возрасте 67 лет 16 декабря 1989 года, за десять лет до моего рождения. Но я, его правнук Корепанов Даниил, как и все его потомки, буду помнить его и гордиться им всегда.

Следующий герой моего рассказа - мой дедушка Корепанов Леонид Иванович. Родился он в тяжелые послевоенные годы - в 1949-м.

Как и все сверстники, служил в армии. Это было в 1968-1970 годы. Сначала он учился в сержантской школе в Даурии. Это недалеко от Китая. Оттуда его перевели в город Читу в пограничную авиаэскадрилью. Служба была нелегкая и ответственная: дед и его товарищи охраняли нашу границу. Трудность заключалась в том, что здесь был резкоконтинентальный климат: летом жара 40 градусов С, а зимой холод 40 градусов С.

Из армии дедушка вернулся в звании сержанта. После армии работал на пилораме, в лесничестве, сварщиком. Труд моего деда отмечен государством. Он имеет звание «Ударник коммунистического труда». Сейчас он на заслуженном отдыхе. Но мой дед - человек, привыкший к труду. Он никогда не сидит без дела. Он любит рыбачить, занимается домашним хозяйством. Дедушка с бабушкой живут недалеко от нас, поэтому мы с братом частенько

бегаем к ним, чтоб помочь, спросить совета или просто поболтать.

В своем сочинении я ещё хочу рассказать о своем отце, потому что считаю, что мой отец - настоящий мужчина, настоящий защитник Отечества.

Мой отец, Корепанов Сергей Леонидович, как и многие, служил в армии. Это было в городе Тоцке Оренбургской области. Служил он в автобате в 1997-1999 годы.

Тогда служба длилась два года, но никто не ныл, не срывался. Отслужить в армии было делом почетным и престижным, не стремились «откосить», как многие сейчас.

После службы в армии отец учился в Ярском педагогическом училище. Получил профессию учителя технологии. Затем работал учителем в Балезинской школе № 3. Заочно мой отец получил высшее образование в Глазовском филиале Университета Российской академии образования.

Сейчас мой отец - майор полиции, участковый по поселку Балезино. Работает в ГУ «Отдел МВД России по Балезинскому району». Он стоит на страже безопасности людей нашего района. От его продуманных действий зависит не только порядок, но и жизнь людей.

Но профессия моего отца заключается не только в погоне за преступниками, как думают многие. Это ещё и работа с документами, которая отнимает много времени, но это тоже важная часть работы моего отца.

Мне кажется, что полицейским может стать не каждый. Многие думают, что самые важные качества обладателей этой профессии - физическая подготовка, выносливость, здоровье. Но это не так. Да, полицейский должен быть физически подготовлен. Но не менее важно, чтобы полицейский был психологом, человеком, не теряющимся в трудных ситуациях, очень ответственным. И это далеко не весь перечень человеческих качеств, которые нужны людям этой профессии.

Мы с братом очень гордимся своим отцом.

Я сейчас учусь в 7 классе. До службы в армии ещё далеко. Но для себя я твёрдо решил, что тоже пойду в армию. Мой младший брат Степан тоже об этом мечтает. Конечно, я не хотел бы быть участником боевых действий. Я не хочу убивать, сжигать, разорять... Это так страшно, когда один человек убивает другого.

Но мы живём в очень неспокойное время: и сейчас где-то идёт война, свистят пули, горят детские игрушки, рассыпаются дома... Есть вероятность попасть в боевую точку, и если придётся, то я постараюсь не подвести ни друзей, ни родителей, ни Родину.

Проходят годы и десятилетия. Одно поколение сменяется другим, меняются взгляды, мода, мировоззрение, техника и др., но одно остаётся неизменным: всегда будут в почёте защитники Отечества.

Я думаю, всегда актуальными останутся слова Г.Р. Державина: «Самое лучшее предназначение есть - защищать своё отечество».

Полина РУССКИХ
7-й А класс
МБОУ «Балезинская СОШ № 1»

ПИСЬМО ДЕДА

Война-а-а... эхом отозвалось в моей голове. Война-а-а... Как часто встречаю я это слово в текстах, разговорах других людей. Стоит мне произнести это слово вслух, внутри меня начинает что-то происходить. Будто гейзер, извергающий пар, подобно вулкану внутри меня начинают просыпаться давно не тронутые чувства. Все эмоции, переживания, тревоги начинают смешиваться и взрываются одновременно. И я чувствую, как по моему каменному лицу скатывается одна большая, солёная капля-слеза. Следом за ней стекает вторая, третья и меня прорывает, прорывает, как дамбу. Слёзы буйным потоком падают из моих глаз. Так хочется, чтобы с ними вышли все мои тревоги, переживания и сожаления. Почему? Почему? Зачем я была так глупа, слепа и недальновидна! Почему я опять об этом думаю??? Нет, нет! Я должна всё забыть! Но как? Как можно забыть часть своей истории, своей биографии? О, дед, объясни, зачем я всё это узнала? Зачем ты мне всё рассказал? Почему именно мне? Столько вопросов, но никто не даст мне на них ответы. И вот я снова вспомнила всё, что было тогда, в тот день, и, наверно, никогда не забуду это.

Всё случилось несколько лет назад во время летних каникул. Всё было как всегда. Лето выдалось жарким и солнечным, а мы с родителями решили съездить в деревню к моей прабабушке - бабе Наде. Мы были там все выходные, а когда собирались домой, я сказала, что хочу остаться. На следующий день мы с бабушкой занимались делами по дому, а вечером она позвала свою подругу, и мы проговорили весь вечер, но так продолжалось недолго. На следующий вечер я осталась с бабушкой один на один. Я всегда хотела узнать о своём деде побольше. Входя в зал и видя его портрет на стене, я всегда спрашивала себя: «Кто же ты на самом деле?». Сидя на лавочке, мы чистили картошку, и я решила попросить её:

- Бабушка, расскажи мне о дедушке.

- Хорошо, - ответила она и на минутку замолчала.

И вот после недолгой паузы бабушка начала свой рассказ:

- Стоял такой же тёплый июльский вечер. Мы с подружками возвращались из клуба. Были мы молоды, полны энергии, и каждая из нас мечтала о чём-то заветном. Но всё изменилось в то раннее страшное утро. Страх, слёзы, растерянность. Мы уходили на фронт.

Не буду рассказывать, что мы пережили, но одно могу сказать: «Война нас закалила». Но жизнь брала своё. И вот однажды я встретила его: высокий, широкоплечий, с выразительными глазами. Звали его Михаил. Конечно, шла война, мы служили в разных войсках, но каждое его письмо ко мне было пронизано заботой, любовью и ожиданием нашей встречи. «Жди меня, и я вернусь!» - заканчивал он каждое письмо. И мы встретились после войны. Создали семью, в которой Мишенька всегда был надёжной опорой. О войне не хочется говорить, слишком тяжела боль утрат и ран, но наше поколение хотело бы надеяться, что мы не зря проливали кровь, теряли друзей и любимых, чтобы вы, наше будущее, так бездумно тратили свои молодые годы. Наверно, поэтому он решил написать письмо и, я думаю, пришло время тебе его отдать.

Мы с бабушкой зашли в дом, и она отвела меня в комнату, которую всегда держала на замке. Сгорая от нетерпения, я спешила за бабушкой, но она шла очень быстро, и я еле поспевала за ней. Вот она открыла шкаф и достала оттуда старую, резную шкатулку. Сдув с неё пыль, открыла и передала мне. Трепетно взяв дорогую ей вещь, я увидела много старых фотографий, писем, адресованных бабушке, и одно не вскрытое. Оно лежало на дне, конверт был пожелтевший, и на нём было написано большими буквами «ЛЮБИМОЙ ВНУЧКЕ».

- Когда дед это написал?

- Он решил написать это, когда впервые увидел тебя. Взглянув на твоё личико, он понял, что именно ты должна узнать всю правду. Даже мне в письмах он не писал подробно о том, что происходило с ним там.

- Хорошо. Я открою его.

Аккуратно, чтобы не повредить письмо, я вскрыла конверт и достала письмо. Что было странно, почерк был настолько красив, что письмо завораживало только с одного взгляда, и я начала читать:

«Дорогая внученька...

Помнишь, когда ты была маленькой, ты нашла мою старую армейскую фотографию и, показав своим пухленьким пальчиком на неё, попыталась спросить: «Кто этот дядя?» Тогда я вспомнил: этот снимок был сделан в День Победы, девятого мая. И вот сейчас я готов рассказать тебе про себя и про историю, которая изменила мою жизнь. Может быть, это поможет тебе выбрать правильный путь.

Наверно, ты уже знаешь о Великой Отечественной войне, которая длилась четыре ужасающих года. Тогда я был старшим радистом, и эта специальность изменила всю мою жизнь. История эта произошла накануне победы, в сорок пятом году. В тот день мы с взводом двинулись в наступление. Фашисты, будто озверевшие, двинулись на нас и взяли в окружение. Мы сражались так, как могли, пытались вырваться, но они подходили всё ближе и ближе. Тогда наш командир, отдав свою жизнь, помог мне выйти из окружения и тем самым обеспечил нам победу в этом сражении. Ты спросишь: «Как это было?» Я отвечу. Под огнём врага полз тогда я по земле к наблюдательному пункту, был уже рядом. Но вдруг около меня взорвалась граната. Да, внученька, это было очень страшно, я уже мысленно попрощался с жизнью, но оказалось, что родился в рубашке: меня отбросило на несколько метров; и я только получил первое ранение в левую скулу. Решил: ползу дальше. В наблюдательном пункте мне сказали, что телефонная линия оборвалась. Под градом пуль я искал место её разрыва. Нашёл и обеспечил бесперебойную связь наблюдательного пункта командира с батареями. В тот день наша дивизия уничтожила два станковых пулемёта, более двадцати солдат противника и две его миномётные батареи. Это была маленькая победа. Весь взвод был рад ей, ведь мы вырвались из окружения, потеряли минимум наших солдат, и никто не остался в плену у врага.

До сих пор, внученька, перед глазами у меня стоит вся эта картина, а иногда и снится во сне.

За этот подвиг меня наградили медалью «За отвагу» и Орденом Красной звезды. Эта история заставила меня сделать выводы. Ты спросишь: «Какие?» А я рассказал тебе эту историю неспроста. Я хочу, чтобы ты никогда не опускала голову, не сворачивала с пути, даже если на нём встречаются преграды, как когда-то, в тот день, это сделали мы. Будь мужественной, уверенной и сильной, ведь только так ты сможешь найти счастье в этой жизни.

Война меня научила многому, но главное - это не мои медали и ордена, а способность верить в себя, в свои силы, возможности, умения и навыки.

Твой любящий дед

Миша»

Я перечитывала старый листок снова и снова. И каждый раз, замечая что-то новое, скрытое во время первого чтения, я задавала себе много вопросов, но ответ мог дать только он, дедушка Миша. Во мне смешались разные чувства...

А ночью мне приснился сон. Он был как на фотографии со стены: красивый, широкоплечий, в военной форме. Дед сел напротив меня и сказал:

- Здравствуй, внученька! Какой большой ты стала!

А я смотрела на него широко открытыми глазами и ничего не понимала.

- Не может быть! Это правда ты?! Дедушка. Дедушка Миша!!!

Не помня себя от счастья, я подбежала к нему и крепко обняла. В тот момент я была самым счастливым человеком в мире. Так хотелось, чтобы это длилось вечно! Он взял меня за руку, и мы пошли по аллее. Лёгкий ветерок дул нам в лицо, а мы шли ему навстречу. Мы мало говорили, но понимали друг друга без слов. От него шло столько заботы, тепла, уверенности. «Берегите то, что вам досталось. Война никому не приносит выгоды», - были его последние слова.

Я открыла глаза и поняла, что улыбаюсь, а рука ещё очень долго ощущала тепло руки моего деда.

Я часто вспоминаю своего деда, его слова. Война - страшное слово. Сейчас, когда она отдаляется от нас всё дальше и дальше, наступают новые угрозы, более серьёзные. И как хочется верить и надеяться, что нам никогда не придётся пережить страшные испытания, выпавшие на долю наших дедов.

Анастасия ЧИРКОВА
14 лет
МБОУ «Исаковская средняя общеобразовательная школа»

ГВОЗДИ

Очень хотелось пить. Жажда была мучительной, испепеляющей. Глоток воды, всего лишь один глоток... Так хотелось пить... Губы, чёрные от крови и потрескавшиеся от сухости, пытались произнести это слово: воды! - но не могли. Вырваться бы, доползти, добежать, успеть... И снова: воды-ы-ы... С этим криком, похожим на стон, я просыпаюсь. Пытаюсь себя успокоить: «Это же сон, всего лишь сон». Внимательно оглядываюсь по сторонам: темно, только лунный блик, пробившийся через занавеску, покоится на полу. И тихо. Тихо так, что слышно, как где-то недалеко мурлычет мой кот. Вокруг всё спокойно, всё хорошо. Лишь сердце, испуганно бьющееся в груди, напоминает о ночном кошмаре. Помню, я куда-то бежала, спешила, боялась не успеть...

Догадываюсь, почему всё это происходит со мной. Рассказ, прочитанный накануне вечером, затронул меня до глубины души. Вот и сейчас умываюсь, наливаю чай, завтракаю, а сама мыслями там, в Чечне, вместе с Сергеем из рассказа А. Борзенко «Пасха».

Снова и снова задаю себе вопрос: как бы я поступила? Смогла бы я так, как он?

Пулеметчик Сергей был взят в плен разведчиками боевиков. Уже пять дней в желудке сержанта не было ни крошки, но он не хотел есть. Сергей знал, что жить осталось совсем немного. Смерти он не боялся. Единственное, чего сейчас желал молодой боец, - быстрой и немучительной смерти. Он знал: боевики будут убивать долго, будут издеваться и ухмыляться над солдатом. Их «изобретательности» нет предела. Вот и смерть для Сергея и его сослуживца выбрали - распять на кресте в день святого христианского праздника Пасхи. Поразительно, каким жестоким может быть человек, как безжалостно может лишить жизни другого! «Гвозди оказались «сотка», крупнее не нашли на селе, поэтому вбивали их в руки и ноги по нескольку штук сразу. Сергей тихо стонал, пока прибивали руки. Ему уже было всё равно. Но громко закричал, когда первый гвоздь пробил ногу. Он потерял сознание, и остальные гвозди вколачивали уже в неподвижное тело». Выдержал. Не закричал. Не попросил пощады. Не доставил удовольствия гелаевцам посмеяться над ним. И даже перед самой смертью, когда Сергей почувствовал слабость, тяжелую сонливость от сильной потери крови, он приказал себе: «Нельзя, нельзя спать! Нужно помогать своим!»

Теперь я понимаю, куда так стремилась доползти, добежать во сне - к Сергею! Успеть вместе с нашими спасти молодого сержанта. Снять с креста, бережно положить на носилки и дать воды. А потом заглянуть ему в глаза... Наверное, у него голубые-голубые глаза, как то небо, которое он увидел перед смертью... Не успели, не спасли...

Я всегда плачу, когда смотрю фильмы или читаю книгу о войне. И не стесняюсь этого. Трудно сдержать слёзы, когда гибнут люди, гибнут герои - защитники Родины. А ещё я восхищаюсь их мужеством, преданностью, готовностью пожертвовать своей жизнью ради других. Болью отзывается в моем сердце горе матерей, потерявших своих детей на войне. Наверное, потому, что я когда-то стану мамой, мечтающей о счастливом будущем своих детей. А оно, счастье, невозможно без мира. Значит, защищал Сергей и меня, и моё будущее.

Я помню воспоминания Андрея Биянова, выпускника нашей школы, служившего в Чечне. В октябре 1999 года вертолетный полк, в котором он служил, оказался в горячей точке. Здесь Андрей и его сослуживцы и встретились впервые со страшными картинами войны. Группа остановилась в развалинах 5-этажного дома. «Нет никаких условий для нормального проживания. Холодно, воды нет не только умываться, но и пить. Вместо неё - снег. А воду, если и находили, обеззараживали - холера же не пожалеет. Как и враг. Даже ночью было очень страшно выходить. Выйдешь - не вернёшься. А наутро найдут твою голову в снегу...»

Вернувшиеся с той войны люди уже никогда

не будут прежними... Говорят, пройдя испытания смертью, человек меняется, он уже по-другому воспринимает мир, другими глазами смотрит на происходящее. Солдаты, что вели боевые действия, видели многочисленные смерти, неохотно рассказывают о прошлом, вероятно, хотят забыть то время, забыть, как страшный сон. Я видела их лица на встрече, которая была организована у нас в школе. На вид - обычные парни, шутят, улыбаются, вместе с нами с удовольствием фотографируются. Но как только начинают вспоминать те военные дни, их лица становятся серьёзными, слова - взвешенными, эмоции - скупыми, всё, как у настоящих солдат. Это - герои, настоящие герои, защитники Родины, которые готовы пожертвовать собой ради слабых, беспомощных, беззащитных. Эти люди достойны бесконечного уважения и благодарности за мирное небо над нами.

В последнее время с тревогой наблюдаю за тем, что происходит в мире. Очень неспокойно на планете. Не перестают громыхать взрывы, всё так же раздаются выстрелы, гибнут люди. Со всеми вместе переживаю за наших лётчиков, которые сейчас в Сирии. Пусть они вернутся живыми и здоровыми!

В наше время всё больше и больше молодых людей хотят защищать Родину: после школы готовятся стать военными, солдаты остаются служить по контракту. Часто слышу разговоры одноклассников и друзей. Они рассуждают о войсках, в которых им предстоит служить, о трудностях армейской жизни. Действительно, вернувшись из армии, прежде слабые и хиленькие мальчишки становятся крепкими и подтянутыми мужчинами, настоящими защитниками Родины. Сейчас двое выпускников нашей школы учатся в танковом училище города Казани, чтобы в будущем стать офицерами. Они изредка приезжают домой, приходят в родную школу. В военных формах, подтянутые, с гордо поднятой головой! Видишь их и понимаешь, что если все военные такие, то нам нечего бояться, за нас есть кому заступиться, нас есть кому защитить. Девчонки смотрят на них с уважением, односельчане - с гордостью, а мальчишки - с завистью.

Но не только военные - защитники Родины. Я думаю, все мы являемся ими. Не обязательно быть мужчиной, служить в армии, иметь боевое звание. Главное - любить свою Родину. Нам надо учиться, работать, чтобы страна процветала, создавать крепкую семью, ибо без неё общество слабо. Научиться быть неравнодушным ко всему, что вокруг тебя происходит. И, конечно, с любовью относиться к своей Родине, а это отношение выражается во всём: не мусорить, не засорять природу, уважать старших, любить родителей, помнить и чтить традиции, уважать культуру, знать историю. В этом наша сила.

И пусть я не выберу профессию военного, не буду служить в армии, но я тоже считаю себя будущим защитником Отечества, и свою миссию вижу в том, чтобы, получив образование, профессию, все свои силы, ум направить на укрепление, процветание России, на то, чтобы больше нигде и никогда не слышны были выстрелы, взрывы.

Сергей ВОСТРОКНУТОВ

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Рождённый в уездной глуши,
Чайковский - великий талант
Природе внимал для души, -
Земляк, патриот, музыкант.

От звуков царящих вокруг
он взял вдохновения взлёт,
И каждый воспринятый звук
им вылился в радугу нот...

Знакомые пьесы звучат,
А Воткинск и ныне хранит
«былое» Петра Ильича,
«Что в думах у пруда сидит...»

ЗИМА

* * *

За крыши цепляясь и стены,
Внезапно утих снегопад.
О чём непонятные тени
С холодной луной говорят?

Метели по улицам длинным
Раздали дары декабря.
Сугробов широкие спины
Окрасит к рассвету заря.

Что ночь обещает с финалом
От прожитых вёсен вдали,
Где временно стужа пристала
И снежные ливни прошли?

* * *

Всё в предрассветном ожиданьи:
Дома и стылая земля.
Я под вуалью мирозданья
Смотрю на зимние поля...

Луны серебряные блики
Собой высвечивают ширь.
Ночные формы многолики,
И замирает снежный мир.

Ах, как приятно от затишья,
От этих ласковых начал!
Ни суеты, ни слёз не слышно...
Весь мир молчал и тихо спал.

ВЕСНА

* * *

Сжигая белые узоры,
Вновь синий мечется пожар.
Степенной поступью в мой город,
Расправив плечи, входит март.

Ах, жаль, то время миновало,
Когда я вёсны воспевал,
Но, может, всё начать сначала,
Вот только где найти слова?!

Весна, весна! Мечта и юность,
Вдруг в лету канула метель.
Как ледяной гитары струны,
Играет ранняя капель.

Об авторе. Сергей Вострокнутов (1975) родился в городе Воткинске. В детстве потерял зрение. Работает массажистом. Печатался в газетах, журналах, имеет пять сборников стихов: «И счастье хоть во тьме найду», «Осколок упавшей звезды», «Настальжи», «Для детей», «Ветер странствий». Член Союза писателей УР, занимается переводами стихов на русский язык с армянского, татарского.

Пускай прольются песнопенья
давно забытых мною фраз.
Спешу придумать поздравленье,
Купаясь в море чудных глаз.

* * *

Свежим запахом трав
Май над Воткинском встал.
Пряди волн разметав,
Пруд плотину обнял.

Город, ставший родным,
Ты - мой верный причал,
Пётр Чайковский твоим
Вдохновеньем дышал.

Только ты никогда
Не гордился собой
И неброской всегда
Славен был красотой.

Ты среди родников,
Как и прежде, стоишь
И дыханье лесов
В своём сердце хранишь.

ЛЕТО

* * *

А ночь повиснет паутиной...
Вот берег с прудом говорят,
Над ними лунная плотина
и догорающий закат.

Уже на дальние деревни,
Похоже, стелется туман,
И за холмами сосны дремлют...
Ах, как же мало надо нам...

Когда степенною походкой
Июнь спускается в поля,
И по душе тебе погода,
А мне - цветущая земля.

* * *

Июльский вечер, летний отпуск,
Дорога, дальний небосклон...
Прощай на время, город Воткинск,
Привет, знакомое село.

Что ждёт меня за горизонтом
В тени отвесных берегов? -
Там, возле Камы «храм» озона,
В дали приветствия судов.

Люблю задумчивость рассветов!
Зарю в тумане и прибой!
Пусть повторяется всё это
Пером и кистью неземной!

ОСЕНЬ

* * *

Я ещё отойти не успел
От твоих поцелуев и слов.
Нежный август,
Увы, отшумел
Лейтмотивом
Зелёных лугов.

И уже,
Как салют, листопад
Нас уводит
В смятенья свои.
Дремлет
В сумраке пламенный сад
Наших встреч
И забытой любви.

Ты оглянешься,
Знаю, не раз
Под свинцовым
Навесом небес.
И, возможно,
Ещё в сонный час
Буду я вспоминать о тебе.

* * *

Качнётся облако над нами,
Вздыхает хмурый небосвод.
Ещё жива о прошлом память,
А осень прячется под лёд.

Ноябрь, ноябрь, ложится первый
Несмелый и наивный снег,
Заботливо бинтует нервы
Деревьев, что живут во сне.

Там вновь морозные пожары...
И безмятежно смотришь ты
На тот киоск у
Тротуара,
Где покупали мы
Цветы.

Александр ФИЛИЧКИН

СПАРРИНГ-ПАРТНЁР ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СЛУЖАЩИХ

Григория сильно толкнули в спину и притиснули к стене товарного вагона. На этот раз парню несказанно повезло - он очутился возле маленького низенького окошечка. Правда, тесный проём оказался надёжно закрыт железной решёткой. Вдобавок ко всему, толстые прутья были опутаны ржавой колючей проволокой. Причем многочисленные петли лежали так плотно, что сквозь них едва-едва удавалось просунуть руку. Несмотря на всё это, парень скоро понял, что переменчивая фортуна опять одарила его своей скупой улыбкой.

Во-первых, из окна всё время поступал свежий воздух. Поэтому ему не приходилось дышать густым смрадом, висящим в середине вагона. Десятки красноармейцев были плотно набиты в тесную коробку и прижаты друг к другу. Жуткий запах был невыносим.

Во-вторых, в любое время он мог посмотреть наружу. Это давало хоть какое-то разнообразие взгляду - избавляло от непрерывного созерцания чьей-то сутулой спины или лица совершенно незнакомого тебе человека. Тем более, что физиономии всех пленных уже полностью заросли густой щетиной.

Однако и здесь обнаружилось одно весьма негативное обстоятельство. В нашей жизни постоянно всё так и происходит - одно уравновешивает другое. В довесок к чему-то хорошему всегда добавляется нечто совершенно невыносимое. Вот и на этот раз Григорию выпала особая, довольно-таки неприятная, привилегия.

Немецкие охранники загрузили в каждый вагон столько пленных красноармейцев, сколько удалось в него запихнуть. Время от времени кого-нибудь прижимало сходить до ветру. Пленным оставили пустые консервные банки, из которых заключенных поили на железнодорожной станции. Часть из них узники договорились приспособить под «утки». Почему-то именно этим простым словом называют отхожее судно в госпиталях и больницах.

В связи с тем, что Григорий оказался возле окна, ему постоянно приходилось принимать доверху наполненные самодельные горшки, протискивать сквозь колючую проволоку и решётку и выплескивать дурно пахнущее их содержимое. Зато, приподнявшись на цыпочках, парень в любое время мог хорошо рассмотреть то, что происходит снаружи.

Долгое время поезд шёл по территории СССР, оккупированной фашистскими войсками. Увиденная картина просто поразила Григория. Он почему-то думал, что это произошло только с Севастополем и его окрестностями, но он сильно ошибался. Практически все здания вдоль железной дороги оказались буквально стёрты с лица земли. Станции и вокзалы были разрушены почти до основания. Многочисленные поля и обширные пастбища давно заброшены.

Невероятная бойня, воистину мирового, можно сказать, планетарного масштаба прошлась по этим местам жутким огненным валом и безжалостно разорила всё вокруг. В течение нескольких месяцев фашистская армия, походя, уничтожила всё, до чего только смогла дотянуться. Всё то, что советские люди строили долгие годы и десятилетия.

Состоявший из товарных вагонов поезд продвигался на запад чрезвычайно медленно. Он постоянно останавливался на безымянных разъездах и пропускал встречные воинские эшелоны. Однако, в конце концов, он преодолел огромное пространство и покинул земли великой державы. Убогий состав пересёк никем не охраняемую границу и въехал в другое, совсем чужое, государство.

Вдруг выяснилось, парень - ближайший сосед Григория по вагону - раньше жил в западной Украине. Вдобавок ко всему, оказалось, что он вполне прилично говорит на польском языке. Боец увидел в оконце знакомые с детства надписи и хмуро сообщил об этом остальным заключенным. Лишь благодаря его словам, пленные узнали, что поезд прибыл в соседнюю страну.

К удивлению Григория, она оказалась совершенно нетронутой варварскими бомбардировками. Вокруг виднелись чистенькие, ухоженные городки и посёлки. Ничто не говорило

Об авторе. Александр Филичкин (1955) родился в столице Азербайджанской ССР городе Баку. В 1967 году семья переехала в Куйбышев, ныне город Самара. В 1978 году окончил инженерно-строительный институт. Все последующие годы работает архитектором в проектных организациях города Самары. Начиная с 2014 года его рассказы печатаются в журналах России и за границей. В 2015 году вышел его роман о войне «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной». Лауреат двух литературных конкурсов.

о том, что где-то рядом идут регулярные боевые действия. Лишь огромное количество немецких солдат постоянно попадалось на глаза. Только это и напоминало местным жителям о близкой кровопролитной войне.

Всматриваясь в вылизанные идиллические пейзажи, парень с горечью подумал: «Видимо, поляки не очень-то сопротивлялись немцам. Не то, что мы. Хотя... Мы-то вообще собирались воевать на чужой территории».

За прошедшую неделю фашисты лишь трижды покормили пленных жидкой свекольной баландой. Изголодавшиеся люди в один миг проглотили бурду, которую раньше давали только свиньям. Кроме этого жалкого пропитания, раз в день каждая теплушка получала пять вёдер сырой воды. К счастью красноармейцев, погода была не такой жаркой, как в родном Крыму. Поэтому жажда их мучила уже не так сильно.

В очередной, уже неизвестно в какой, раз поезд остановился на крохотной станции. Григорий выглянул в окно и увидел, что состав находится возле густого соснового леса. Двери теплушек с грохотом откатились в сторону, и пленным приказали срочно выходить из товарных вагонов. Измождённый голодом и теснотой парень равнодушно отметил про себя, что они ещё не пересекли границу Польши, а их уже выгружают. Хотя он прекрасно помнил слова эсэсовского офицера, сказавшего, что пленных отправят в Германию.

«Возможно, сейчас нас отведут во временный лагерь, а потом поедем дальше. Может быть, там будет не хуже, чем в вагоне», - подумал он и с трудом повернулся лицом к выходу.

Онемевшие от долгого стояния ноги отказывались служить сильно истощённым людям. При попытке шагнуть вперёд, колени у бойцов подгибались и заключённые кулями валились на бетонную площадку. Чтобы не оказаться погребёнными под телами тех, кто двигался следом, бойцы торопливо отползали в сторону от состава. Григорий увидел сумятицу, случившуюся у дверей, и почувствовал, что находится в таком же плачевном состоянии. Он понял, что едва может пошевелить сильно затекшими конечностями.

К тому времени половина бойцов уже вывалилась на перрон, и в теплушке стало немного свободнее. Парень ухватился руками за узкий подоконник. Превозмогая боль в суставах, он медленно присел несколько раз подряд. Выпрямлять согнутые колени было особенно мучительно. Поэтому парень скорее подтягивался на руках, чем вставал на ноги. Спустя минуту кровообращение ускорилось, мышцы стали чуть более подвижными.

Едва переставляя одеревеневшие конечности, Григорий ходульной походкой выбрался из теплушки и настороженно огляделся. Оказалось, что до этой станции доехали только два вагона, все остальные отцепили где-то в дороге. Вокруг тесного перрона стояли упитанные немецкие солдаты, вооружённые карабинами. Они с хохотом наблюдали за оборванными, донельзя худыми и грязными заключенными, бестолково копошившимися на пыльной земле.

Наконец все заключённые с трудом, но поднялись с земли. Не разбираясь по росту, пленные красноармейцы торопливо построились в одну длинную, неровную шеренгу. Многие бойцы были истощены так сильно, что едва стояли на непослушных, подгибающихся ногах.

Из маленького, почти игрушечного, здания вокзала появился холёный немецкий офицер, одетый в чёрную форму войск СС. Он встал перед строем и на хорошем русском языке крикнул: «Провести перекличку».

С правого фланга начался привычный расчёт, только на этот раз он не прерывался до самого конца. Всего набралось сто семь человек. Выслушав доклад замыкающего строй, офицер заглянул в какие-то бумаги. Удовлетворенно кивнул и громко сказал: «Сейчас вас отведут в пересыльный лагерь. Накормят и дадут отдохнуть. Затем распределят на работы. Должен предупредить, те, кто попытается бежать, будет расстрелян на месте! Колонна - налево!»

Измученные люди сделали неловкий поворот на месте. Некоторые не смогли сохранить равновесие, не удержались на ногах и мешками повалились на перрон. Общими усилиями соседей по строю упавших бойцов все-таки удалось поставить вертикально.

Последовала новая команда офицера: «В колонну по четыре - становись!»

Возникла очередная заминка. Отупевшие от голода и длительных мучений пленные кое-как разобрались по шеренгам и выстроились в походный порядок.

- Шагом марш! - приказал эсэсовец. Спустился с платформы, сел в легковую машину и куда-то уехал.

Услышав знакомую команду, красноармейцы не в ногу шагнули вперёд и нестройными рядами направились к краю короткого перрона. Дошли до конца платформы и спустились по бетонным ступеням. Ступили на чужую, уже польскую землю и, медленно переставляя ноги, двинулись по дороге. Через сотню метров просёлок привёл их в густой, по-европейски ухоженный, сосновый лес.

Нестройные ряды пленных красноармейцев сильно растянулись на марше. Как ни странно, немецкие солдаты не обратили на это никакого внимания. Они шли по обеим сторонам колонны и вели себя совершенно беззаботно. Едва офицер скрылся из вида, как фашисты небрежно закинули карабины за плечо и принялись шумно

переговариваться между собой. Охранники весело смеялись и подшучивали над каким-то весьма невезучим приятелем. На вчерашней вечеринке он дотла проигрался в карты, а потом сильно напился с горя.

Хорошо понимавший их беззаботный трёп, Григорий слушал пустую болтовню вертухаев. Он с удивлением размышлял о том, что немцы совершенно не смущаются от ужасного вида сильно измученных и оборванных красноармейцев. Кроме того, они абсолютно не опасаются военнопленных. «Впрочем, чего им нас теперь бояться? Нас сейчас даже слабым ветром качает. Ткни пальцем, и упадём. Так что, напасть на них мы просто не в состоянии», - огорченно подумал парень.

Неожиданно в голову пришла новая, совершенно неожиданная мысль: «Правильно говорили на политзанятиях, славяне для них всего лишь недочеловеки. Тупые, дикие животные, которым уготована одна единственная роль - служить рабами у чистокровных арийцев».

Очень скоро немцы устали обсуждать скабрёзные детали вчерашней попойки. Они прекратили балагурить, и какое-никакое развлечение для Григория закончилось. Потянулись долгие, однообразные километры совершенно пустой лесной дороги. Монотонное движение по густому нетронутому бору подействовало усыпляюще, и парень даже слегка задремал на ходу.

Лишь спустя пару часов ходьбы пленные наконец вышли к намеченному месту. Широкий хорошо утоптанный просёлок сделал резкий поворот. Лес неожиданно расступился, и они оказались на краю обширной продолговатой поляны. Утомлённый Григорий с трудом очнулся от дремоты. Вытянул шею и, выглядывая из самой середины строя, кое-как рассмотрел, что там находится впереди.

На уютной прогалине размещался совсем небольшой лагерь. Вдоль одной стороны ограждения стоял длинный приземистый барак, сложенный из потемневшего кирпича. Судя по всему, когда-то давно там располагалась обычная конюшня. Напротив размещался добротный одноэтажный коттедж, наверняка принадлежавший коменданту.

Рядом находилось кирпичное здание, сильно смахивающее на казарму. К нему примыкали какие-то однотипные сооружения, походившие на хозяйственные пристройки. Между бараком для заключенных и помещениями охраны раскинулся грунтовый, хорошо утоптанный плац. От жилой зоны немцев он был отделен высоким забором из колючей проволоки.

«Вот и весь лагерь, - уныло подумал Григорий. - Ни тебе производственных мастерских, ни какой-нибудь лесопилки. Скорее всего, раньше здесь был кордон местного лесника. Кругом растёт глухой бор, так что, скорее всего, нас заставят валить и трелевать лес».

Дорога, которая привела их сюда, здесь и заканчивалась. Она просто упиралась в широкие ворота и обрывалась. По бокам и с другой стороны странной зоны густой стеной стояли высокие корабельные сосны. Крохотную прямоугольную территорию окружал высокий, не менее четырех метров, забор из ржавой колючей проволоки. По углам площадки находились деревянные вышки, покрытые широкими дощатыми навесами. На каждой из них размещался ручной пулемёт и по два солдата, вооруженные автоматами.

Солдаты мгновенно подтянулись и стряхнули с себя всякое благодушие. Взяли оружие наперевес и, действуя по-деловому чётко, без суеты, повели пленных к охраняемому периметру. Шаркая ногами, заключенные устало подошли к ограде. Возвышающиеся на такую же высоту, что и ограждающий забор, единственные ворота оказались широко распахнуты.

Стоящие по бокам от входа фашисты подождали, пока заключенные прошли внутрь зоны. Затем навалились на широкие створки, сколоченные из массивных брусьев. Они густо и протяжно заскрипели. Медленно сошлись друг с другом и с громким шумом захлопнулись за спиной пленных красноармейцев.

У Григория вдруг сильно защемило сердце. С неожиданно нахлынувшей тоской парень подумал: «Выберусь ли я отсюда живым?»

Из уютного коттеджа вышел тот же немецкий офицер, который встречал пересыльный этап на маленькой станции. Не спускаясь с широкого крыльца, он громко распорядился: «Построиться в одну шеренгу!»

Пленные с трудом разобрались между собой и встали, как приказал эсэсовец. Последовала новая команда: «По порядку номеров - рассчитайсь!»

Провели ещё одну перекличку. Как ни странно, но до лагеря добрались все сто семь человек. Офицер довольно усмехнулся. Развернулся и вернулся в дом. Подбежали охранники и загнали пленных в кирпичный барак. Давно и прочно обжитое помещение было абсолютно пустым. На грубых двухъярусных нарах не оказалось ни одного человека. Хотя потёртые доски и сильно засаленные соломенные циновки говорили о том, что здесь недавно жили заключённые.

«Наверное, это всё-таки пересыльный лагерь, иначе здесь жили бы люди!» - с облегчением подумал Григорий, рухнул на первые попавшиеся нары и мгновенно уснул.

В семь часов утра надрывно завыла мощная сирена воздушной тревоги. В спящий барак ворвались немцы, и лающая речь вертухаев разнеслась по всему зданию. Сонные заключённые мгновенно слетели с жёстких неудобных постелей. Выскочили в проход и встали между двумя рядами

деревянных нар. Подгоняя пленных ударами прикладов, фашисты выгнали узников на пыльный плац. Заставили выстроиться в шеренгу и провели утреннюю перекличку.

Как оказалось, за прошедшую ночь никто из красноармейцев не сбежал и не умер. Начальник охраны благосклонно кивнул и продолжил свою работу. Открыл общий список узников и на ломанном русском языке прокричал: «Сейчас я буду зачитывать ваши фамилии. Тот, кого я назвал, должен сделать шаг вперёд. Я сообщу пленному его порядковый номер. Заключённый обязан запомнить эту цифру. Громко повторить и бежать на правый флаг шеренги. Там ему необходимо встать в строй рядом с предыдущим арестантом. В дальнейшем вы всегда будете строиться в этом порядке!

Шеф вертухаев стал громко выкрикивать фамилии пленных и присваивать им соответствующие номера. Григорий Степанов оказался в списке сорок третьим по счёту. Он трусцой перебежал в новую шеренгу и встал в строй. Повертел головой и запомнил своих соседей слева и справа. Это оказались такие же, как и он, неприметные парни, сильно истощённые и измученные немецким пленом.

Наконец охрана разобралась с новыми именами для пленных. Один из фашистов проскочил в ворота, отделяющие зону охранников от заключённых. Подбежал к коттеджу, стоящему в дальнем углу жилой зоны немцев. Взлетел на крыльцо и робко постучал в дверь.

Из дома вальяжной походкой вышел уже знакомый эсэсовский офицер. Встал перед строем и громко объявил: «Я комендант учебно-тренировочного лагеря! Здесь установлены следующие правила: за невыполнение приказов немецкого персонала - расстрел на месте! За невыход или опоздание на перекличку - расстрел на месте! За неопрятный вид, грязную и рваную форму - расстрел на месте! Сигналом к сбору на плацу служит звук сирены! Время на сбор тридцать секунд!

Офицер немного помолчал, давая пленным впитать в себя и осознать полученную информацию. Затем он продолжил: «Завтра из Германии прибудут инструкторы немецкой армии и их подопечные. Вы будете спарринг-партнёрами для этих служащих. Послезавтра утром начнём тренировки». - Офицер развернулся и ушёл в свой коттедж.

Начальник охраны вновь взял инициативу в свои руки: «Сейчас вы получите новую форму! Потом пройдёте в барак. Умоетесь и переоденетесь. Старое обмундирование приказываю аккуратно сложить на своей койке. Эти вещи вам ещё понадобятся. Затем вернётесь на плац. Номера с первого по десятый - налево! - отдал он приказ. - К интенданту шагом марш!»

Названные пленные молча повернулись и двинулись вслед за охранником, стоявшим с краю шеренги. Немец направился через плац, привёл заключенных к вещевому складу и поставил перед открытой дверью. Каждому из бойцов быстро вручили по комплекту ношенного советского солдатского обмундирования.

Вещи оказались хоть и старые, но совершенно целые и, что самое удивительное, чистые. Тем, у кого была очень плохая обувь, выдали портянки и потрёпанные сапоги. Вместе с одеждой каждый получил кусок белой ткани с номером, написанным чёрными чернилами.

Едва первый десяток успел получить форму, как его отправили в барак - умыться и переодеться. Его место занял второй десяток, за ним - третий и так далее до самого конца. Затем красноармейцев вновь построили. Начальник охраны придирчиво осмотрел бойцов и приказал: «Сейчас вас накормят! Подходить к кухне будете в том порядке, в котором вас называли. За нарушение этого правила - немедленный расстрел».

После раздачи пищи вернётесь в барак. Позавтракаете и пришьёте на левый карман гимнастёрки номера, полученные от интенданта. Потом займётесь своим старым обмундированием. Стирать будете в отделении для умывания. Заходить по очереди. Сначала первый десяток, потом второй и так далее. Долго в умывальной не задерживаться. Стирать быстро, воду без дела не лить. Охрана проследит за соблюдением порядка. Сушить одежду будете на своих нарах. А сейчас - налево!»

Бойцы повернулись и направились к дальнему концу барака. Там виднелась полевая кухня, дымящая закопченной трубой. Пленные дисциплинированно выстроились в очередь. Получили по деревянной миске перловой каши и ложке, вырезанной из обыкновенной липовой баклуши. Вернулись в барак, уселись на нары и принялись жадно поглощать скудную еду. После долгой голодухи даже эта грубая пища показалась Григорию настоящим лакомством, достойным стола королей.

Быстро проглотив свою порцию, один из парней неожиданно спросил: «Кто-нибудь знает, что такое спарринг-партнёр?»

- Это напарник, с которым ты проходишь обучение, - пояснил другой боец. - Например, твой противник в боксе или борьбе, - он немного помолчал и тихо добавил: - Наверное, диверсанты будут на нас боевые приёмы отрабатывать.

После этих слов все сильно приуныли, но делать было нечего, приходилось обживаться на новом месте.

Однако парень ошибся, речь шла вовсе не о диверсантах. Так что действительность оказалась ещё хуже. Намного ужасней, чем они могли себе представить даже в страшных своих кошмарах. Как уже видел Григорий, лагерь был разбит на две

зоны, разделённые высокой стеной из колючей проволоки. В одной части размещался обширный плац и кирпичный барак для пленных. В другой - находились жилые помещения охраны, склады и ещё какие-то странные приземистые сооружения.

Увидев великое множество зарешеченных дверей, Григорий сильно удивился. Все входы были расположены в длинной стене одного из зданий, непонятного предназначения. «Что это такое? - размышлял озадаченный боец. - То ли птичники, то ли хлева для мелкого рогатого скота? Интересно, зачем они здесь?»

Вдобавок ко всем несуразицам лагеря, на плацу стояли дощатые щиты и деревянные брусья. Всё это сильно походило на полосу препятствий в солдатской учебке. В начале своей службы её проходил каждый боец Красной армии. Все эти вопросы остались без ответов, и парень решил, что со временем всё само разъяснится. Так оно и вышло, и намного скорее, чем он ожидал.

На следующий день, ближе к полудню, Григорий вышел из барака. Там уже слонялись без дела несколько парней из его команды. Обещанные комендантом таинственные тренировки пока не начались, и заключенные были предоставлены сами себе. Отсыпались, латали старое обмундирование и бесцельно бродили по плацу. Как ни странно, но администрация лагеря этому совершенно не препятствовала.

В это время на территорию вертухаев въехало несколько крытых военных грузовиков. Григорий увидел, как брезентовые тенты над задними бортами быстро откинулись. Потом из кузовов на землю стали спрыгивать молодые ловкие немцы. Прибывшее подразделение сильно отличалось от охраны, в основном состоящей из сильно разъевшихся пожилых увальней. Все повадки фашистов говорили о том, что это сильные, прекрасно тренированные солдаты.

«Ну вот и спарринг-партнёры пожаловали по нашу душу, - подумал парень и неприятный холодок сжал его сердце. - Не убьют кулаком, так финкой зарежут. Как пить дать».

Некоторое время диверсанты энергично двигались и делали какие-то спортивные упражнения. Похоже, что фашисты приехали из достаточно удалённых мест. Поэтому теперь старались поскорее размять руки и ноги, затёкшие от долгого сидения на неудобных лавках. Затем солдаты дружно принялись вытаскивать из машин продолговатые проволочные клетки.

Когда Григорий осознал, что в переносных вольерах находятся огромные немецкие овчарки, он буквально остолбенел от страха. Сильный, по-настоящему животный ужас, заполнил всё его существо. Драться с людьми ему доводилось довольно-таки часто, поэтому он хорошо умел постоять за себя, а вот сражаться с такими крупными зверюгами ещё не приходилось.

Фрицы аккуратно ставили тяжёлые контейнеры на землю и открывали проволочные дверцы. Поспешно брали бойцовых собак на короткий поводок и выводили наружу. Едва удерживая беснующихся зверей возле себя, инструкторы с огромным трудом вели их в сторону приземистых бараков.

Матёрые псы так и норовили сорваться с привязи и сцепиться друг с другом. Поднялся оглушительный злобный собачий лай. Проводники всеми силами успокаивали своих разъяренных подопечных. Подводили к низким дверям. Открывали створки и вталкивали питомцев внутрь тесных помещений. Спущенные с поводка овчарки остервенело бросались на зарешеченные стенки своих вольеров.

Остальные красноармейцы тоже услышали невообразимый шум, поднявшийся на территории охраны. Они высыпали из барака и подбежали к забору, отделяющему плац от питомника. Бойцы увидели, кого привезли автомобили и застыли возле колючей проволоки. Всех заключенных охватила сильная, неудержимая паника. Округлившимися от ужаса глазами они смотрели на своих будущих спарринг-партнёров и не знали, что сказать. Вдобавок ко всему, собаки почуяли несвежий запах узников и разъярились ещё больше. Овчарки всеми силами пытались вырваться из своих клеток и броситься на пленных красноармейцев.

- Вот и немецкие служащие, которых мы будем тренировать! - удручённо вымолвил кто-то. В ответ никто не смог выдавить ни единого слова.

На следующее утро комендант лагеря вновь появился на половине заключенных. Прошёлся перед строем и совершенно спокойным голосом сообщил:

- Наш учебный лагерь находится в самой сердцевине огромного леса. Кроме дороги, по которой вы пришли, отсюда ведут ещё три неширокие просеки. Итого четыре пути на все четыре стороны света. Ближайшее жильё находится возле железнодорожной станции, на которой вас выгрузили из вагонов. Вы сами убедились, что до этого места несколько часов ходу. Так что бежать я вам не советую. Некуда.

С сегодняшнего утра мы начинаем ежедневные тренировки. Каждого из вас будут по одному выпускать из лагеря и направлять на какую-нибудь из дорог. Вы можете двигаться, куда захотите. Можете бежать по дороге, можете ломиться прямо через лес. Через тридцать минут по вашему следу будет пущена овчарка. Когда собака вас догонит, она на вас нападёт!

Комендант сделал короткую паузу. Немного подождал, чтобы до всех дошло только что сказанное, и заговорил дальше:

- Того, кто залезет на дерево, ждёт немедленный

расстрел на месте! Того, кто ударит собаку кулаком, ногой, палкой или камнем - ждёт немедленный расстрел на месте! Того, кто что-то сломает собаке: лапу, челюсть или ребро - ждёт немедленный расстрел на месте! - офицер опять замолчал.

Эсэсовец достал из нагрудного кармана френча золотой портсигар. Щёлкнул отполированной до зеркального блеска крышкой, достал сигарету и сунул её в свои узкие, кривящиеся губы. Никуда не торопясь, выудил из чёрных галифе изящную зажигалку, зажег длинный огонёк и с удовольствием прикурил. Сильно, со вкусом, затянулся и замер, наслаждаясь ароматом табака.

Выпустил дым из тонких, четко очерченных ноздрей и равнодушно добавил:

- Пока к собаке не подойдёт инструктор, вы можете её удерживать. Если сможете. Когда проводник возьмёт её на поводок, вы должны вернуться в лагерь вместе с ним. Того, кто не выполнит приказ инструктора, ждёт немедленный расстрел на месте! Того, кто нападет на проводника, ждёт немедленный расстрел на месте!

Комендант вновь прервал свою длинную речь. Немного помолчал, чтобы его слова в полной мере могли осознать все пленные, и равнодушно закончил:

- Номера с первого по двадцатый включительно, два шага вперёд! Шагом марш!

Первая группа заключённых неохотно выполнила команду. К ним подошли немецкие солдаты и увели их с собой. Остальных узников накормили скудным завтраком и предоставили самим себе. Как и многие другие, Григорий не находил себе места от волнения. Бродил по плацу и не мог думать ни о чём, кроме как о том, когда придёт его очередь бежать через незнакомый лес.

Через пару часов в барак вернулся один из красноармейцев, входивших в первую двадцатку. Он шумно ввалился в казарму и подскочил к баку, стоящему возле дверей умывальной. Зачерпнул полную кружку воды и жадно напился. Все пленные сгрудились вокруг запыхавшегося бойца и молча ждали его рассказа. Парень сел на нары, перевёл дух и с трудом начал говорить:

- Меня вывели за ворота и указали на просеку. Толкнули карабином в спину и приказали: «Форвард! Шнель! Шнель!»

Сначала я помчался прямо по дороге, потом немного подумал и свернул в лес. Топаю на север и через какое-то время слышу, за спиной раздался громкий лай. Я прекрасно знаю, что собака бегает гораздо быстрее человека - от неё не убежишь. Я и не стал стараться. Остановился на небольшой полянке и принялся ждать. Овчарка выскочила из леса и бросилась ко мне. Я слегка пригнулся и жду, что будет дальше?

Когда до меня осталось около трех метров, она оттолкнулась от земли и прыгнула. Причём, старалась вцепиться прямо в горло - тварь! Сам не знаю как, но я умудрился перехватить её на лету. Вцепился двумя руками в ошейник. А она тяжелая, откормленная! Врезалась в меня, сбила с ног, и мы кубарем покатились по земле. Но ошейник я так и не выпустил. Сжал его как можно крепче, она и захрипела. Тогда я чуть-чуть отпустил, чтобы не задохнулась. Так и держал, пока немец с поляками не прискакали.

Кто-то из слушателей недоверчиво хмыкнул:

- Тебе удалось удержать такую огромную зверюгу?

- Да я в своей деревне кузнецом был! - шумно возмутился рассказчик. - Как-то по-пьяни поспорил, что свалю с ног трехлетнего быка. И свалил! Врезал кулаком ему в лоб. Он и упал. Если бы можно было, я бы эту собаку двумя пальцами задушил. А так, пришлось её держать очень бережно, можно сказать нежно. Да только эта неблагодарная сука не поняла своего счастья. Она махала своими лапами и порвала мне всю гимнастёрку и штаны. - Он указал на большие прорехи в одежде. Сквозь них хорошо просматривались глубокие царапины от толстых собачьих когтей.

Несмотря на все расспросы, ничего нового к своему рассказу кузнец добавить уже не смог. Он устало рухнул на нары и прикрыл рукой глаза. Заключённые не стали его больше мучить и молча разбрелись в разные стороны. Григорий вышел на плац и увидел двух беседующих инструкторов. Один из них вдруг громко рассмеялся и ответил другому:

- Да мой Рекс загрыз зайца за пять секунд. Похоронная команда уже тащит труп сюда. А как твой Марс?

- Никак! Мой русак сразу залез на дерево! Так что пришлось пристрелить этого труса! Только третьей пулей удалось снять его с ветки.

Ошеломлённый услышанными словами, Григорий вернулся в барак и передал подслушанный разговор соседям по нарам. Через минуту весь барак уже знал о судьбе своих товарищей по несчастью. Немного спустя к забору подошли около десятка солдат без оружия, одетых в кители, совсем не похожие на немецкие. Они подтащили к воротам что-то тяжёлое.

Кто-то из пленных тихо сказал:

- Поляки! Их форма!

Немцы открыли одну створку. Похоронщики приволокли свою нелёгкую ношу на плац. Брезгливо бросили её на землю и поторопились уйти. С надрывным скрипом ворота захлопнулись за их сгорбленными спинами. Не сговариваясь, все узники бросились к проволочному забору. Вместе со всеми помчался и Григорий. Он подбежал и увидел на земле своих соседей по бараку.

Одного взгляда Григорию оказалось достаточно, чтобы понять - обоих парней сильно покусали немецкие овчарки. Практически вся

одежда на пленных оказалась изорвана в клочья. Во многих местах ткань насквозь пропиталась густой тёмной кровью. На оголённой коже виднелись рваные раны и глубокие следы от огромных собачьих зубов. Ребята слабо шевелились и тихо стонали. У одного, видимо, было сломано предплечье. Несчастных бойцов тотчас подняли с плаца и быстро перенесли в барак.

- Он стоял и смотрел, как собака меня рвёт! - едва смог прошептать парень со сломанной рукой. - А потом я потерял сознание ...

К полудню в лагерь вернулись остальные красноармейцы, ушедшие в первой группе. Из двадцати человек в живых осталось только восемнадцать. Некоторые из них были искусаны так сильно, что не могли идти самостоятельно. Их притащила похоронная команда, состоящая из поляков. У многих парней оказались страшные рваные раны от собачьих зубов.

Как и следовало ожидать, немцы не стали оказывать помощь раненным людям. Пленные сами, как могли, ухаживали друг за другом. Водой из-под крана промыли страшные раны покалеченных арестантов. Порвали старое обмундирование на ленты и использовали в качестве бинтов. Не имея под рукой никаких медикаментов, они наложили на укусы простые сухие повязки. Затем стали отстирывать кровь с одежды и штопать порванное обмундирование.

После полудня в лес ушла вторая двадцатка. К вечеру в барак вернулось лишь семнадцать человек. Их рассказы ничем не отличались от тех, что поведала первая группа.

Всё это время Григорий старательно вспоминал, чему его обучали в тренировочном лагере армейской разведки, расположенном под Севастополем. К огромному сожалению, ему так и не удалось пройти весь курс до конца. Началась война с Германией, и всех солдат срочно отправили на фронт, стремительно катящийся к Крыму.

К тому же, студентам давали только теоретические знания приёмов борьбы с собаками. Два практических занятия, на которых курсанты встречались с живыми овчарками, можно не принимать в расчёт. Парней надёжно упаковали в стёганые бушлаты и брюки из толстого многослойного брезента. Их одели так, чтобы не пострадали ни люди, ни животные.

Короткая ознакомительная программа не предусматривала бережного отношения к нападающим псам. Советские инструкторы преподавали лишь навыки быстрого и эффективного уничтожения собак всеми доступными способами. А здесь, в лагере, придётся осторожно удерживать овчарку, не давая ей возможности ни тебя, ни себя искалечить.

На следующее утро настала очередь двадцатки, в которую попал Григорий. Вооружённые карабинами охранники вывели парня за ворота лагеря третьим по счёту. Его тщательно обыскали и повели направо, вдоль забора из колючей проволоки. Втроём они обошли лагерь и оказались у начала просеки, подходившей к зоне с тыльной стороны.

Там уже стоял тот самый инструктор, который накануне хвастался псом перед своим приятелем. На поясе у поджарого немца висела кобура с пистолетом. Возле его левой ноги сидела огромная псина и злобно рычала на пленных. За спиной фашиста стояли четыре поляка из похоронной команды. Григория подвели к Рексу, и инструктор дал команду собаке: «Schnuppern!» Овчарка послушно обнюхала ноги арестанта и отступила назад. Немец приказал заключённому: «Вперед! Быстро! Быстро!»

Красноармеец развернулся. Рванулся с места и промчался по дороге, уходящей вглубь соснового бора. Пробежал в таком темпе около ста метров и свернул в лес. Спрятался за ствол самого толстого дерева, которое ему попалось на пути. Остановился и сел на землю. Быстро стянул оба сапога и снял с ног почти новые портянки, недавно полученные от немцев. Под ними оказались другие, старые, выданные родной Красной армией ещё месяц назад. Второй комплект он предусмотрительно намотал на ступни, перед самым выходом из барака.

Григорий тщательно обулся, встал и не спеша потрусил дальше. На бегу он аккуратно намотал два куска ткани на левую руку и тщательно уложил плотную повязку прямо поверх рукава гимнастёрки. Она закрыла всё предплечье и надежно защитила от локтя до ладони. Свободные концы обеих тряпок боец крепко зажал в кулаке. Не успел он закончить приготовления, как за спиной послышался злобный собачий лай.

«Как скоро! - удручённо подумал парень. - А фашист говорил, что собаку пустят через полчаса». - Григорий быстро осмотрелся по сторонам. Только сейчас он заметил, что лес словно вымели какие-то чересчур добросовестные люди. Нигде не было видно ни подлеска, ни даже опавших сучьев. «Это, чтобы мы не прятались в непролазных кустах и не отмахивались от собак толстыми ветками», - понял боец и продолжил осматриваться.

Чуть левее он заметил толстую сосну, одиноко стоящую посреди небольшой поляны. Боец кинулся к дереву и встал лицом к приближающейся погоне. Прислонился спиной к шершавому стволу и постарался успокоиться. Сорванное бегом дыхание уже почти восстановилось, но сердце никак не хотело умерить своё суматошное биение. Пульс частил с такой скоростью, словно парень только что вырвался из крепкой сумбурной драки.

И тут из леса живою стрелой выскочил матёрый пёс. Сильно разгорячённый азартной погоней, Рекс поднял голову от цепочки следов своей жертвы. Увидел Григория и огромными скачками бросился

к безоружному человеку. Зверь вихрем проскочил разделявшее их расстояние, оттолкнулся от земли и прыгнул на парня, целясь зубами в его голый кадык.

Неожиданно с Григорием произошло что-то совершенно невероятное. Такое, чего никогда с ним раньше не случалось. Вернее, не с ним, а с его индивидуальным восприятием окружающей действительности. Течение времени вдруг сильно замедлилось. Оно стало подобным тягучей, густой патоке, плавно льющейся из перевёрнутой банки.

Огромное тело немецкой овчарки вытянулось в струнку и словно бы повисло в загустевшем воздухе. Парень выставил вперёд левый локоть и закрыл им своё незащищённое горло. Распахнутые собачьи челюсти приблизились вплотную к нему. Боец затаил дыхание и собрал всё своё мужество в кулак.

Затем он протянул предплечье навстречу зверю и сунул в широко открытую пасть. Наполненные огромными острыми зубами мощные челюсти сжались с невероятной силой. В следующий миг Григорий почувствовал себя так, будто на его руке захлопнулся тугой волчий капкан. Сильная, нестерпимая боль пронзила все мышцы от кисти до самого плеча.

Несмотря на усилия, прилагаемые разъярённым псом, тот не смог прокусить две толстые портянки. Однако он всей массой летел на грудь Григория не замедляя скорости. В самый последний момент парень начал смещаться вправо и почти успел вывернуться из-под тяжёлого тела огромного Рекса.

Полсотни килограммов тренированных, сильных звериных мышц со всего маху врезались в худую, истощённую фигуру человека. Несмотря на то, что основной удар пришёлся вскользь, боец почувствовал, как затрещали его рёбра. К счастью, основную часть псовой энергии принял на себя ствол сосны, на которую арестант опирался спиной.

Не ослабляя хватку, собака упала на землю и всем весом увлекла красноармейца за собой. Резкое столкновение с деревом всё же слегка оглушило овчарку. На один миг Рекс потерял ориентацию и не успел вовремя вскочить на ноги. По какому-то наитию Григорий запустил правую руку в мягкое подбрюшье пса, схватил его за причинное место и сильно сжал. Зверь сильно дёрнулся и замер, но руку так и не отпустил.

Спустя несколько минут на поляне появился сильно запыхавшийся инструктор. Следом тяжело топали два охранника и похоронная команда - четыре поляка. Немец увидел Григория, прижимавшего собаку к земле, и несказанно удивился такому непривычному положению дела. Поводырь замер на месте и схватился за кобуру. Вытащил пистолет и лишь после этого вновь побежал к парню. Потрясённые охранники тоже взялись за оружие. Скинули карабины с плеч и взяли на изготовку.

Почуяв запах хозяина, Рекс тихо и жалобно заскулил. Ошеломлённый увиденной картиной фашист подскочил к заключённому и приставил пистолет к его голове. Левой рукой он привычно защёлкнул карабин леера на ошейнике и дал своему псу строгую команду: «Фу!» - зверь послушно разжал сведённые челюсти.

Немец сильно ткнул стволом пистолета в голову Григория и жёстко приказал: «Отойди от собаки!»

Красноармеец осторожно разжал пальцы правой руки и отпустил пса. В ту же секунду Рекс оказался на ногах. Длинным прыжком отскочил в сторону и принялся яростно лаять. Натянув поводок, овчарка стояла позади хозяина и прямо-таки захлёбывалась от бешенной, бессильной ярости. Однако напасть на бойца, лежавшего на земле, так и не решилась. Григорий прижал левую руку к животу и прикрыл её правой.

Инструктор не обратил на это никакого внимания. Он прекрасно знал, что такие тренировки не обходятся без тяжёлых травм. Поэтому решил, что Рекс сильно укусил пленного, прежде чем тот смог ухватить пса за самое уязвимое место. Немец отошёл в сторону и ласково потрепал своего питомца по мощному загривку. Пёс перестал дрожать от злости, но всё ещё продолжал рычать и лаять на заключённого. Фашист повернулся к арестанту. Спрятал пистолет в кобуру и приказал: «Встать! Марш в лагерь!»

Не делая резких движений, Григорий медленно поднялся с земли и пошёл назад. Левую руку он по-прежнему старательно прятал от инструктора. Немец с Рексом, два охранника и похоронная команда двигались сзади. Униженный человеком пёс никак не мог успокоиться и продолжал безостановочно лаять, но напасть на бойца не спешил.

По дороге в лагерь парень как можно незаметней размотал портянки. Аккуратно сложил, сунул их за пояс и тщательно прикрыл подолом гимнастёрки. Затем завернул рукав и внимательно осмотрел левое предплечье. Измятые зубами овчарки мышцы сильно болели. Кожа была в ссадинах и кровоподтёках, но, судя по всему, кости оказались целы.

Вернувшись в барак, он первым делом рассказал, как прошла его «тренировка» с немецким спарринг-партнёром. Но к тому времени у сорока заключённых уже был свой, собственный, и часто весьма печальный опыт. Да и мало знать, что необходимо предпринять в таких страшных обстоятельствах. Нужно ещё умудриться всё это проделать без сучка, без задоринки. Иначе не избежать тяжёлых травм и глубоких укусов.

В тот день из леса не вернулось ещё трое заключённых.

Поздней ночью у парня со сломанной рукой резко поднялась температура и началась сильная

лихорадка. К утру ему стало совсем плохо и раненый так и не смог самостоятельно встать с постели. Тогда к бойцу пришли на помощь соседи по нарам. Однако едва больного подняли на ноги, как он обмяк и потерял сознание. Пришлось уложить его обратно и оставить. Вот так и получилось, что красноармеец не вышел на утреннюю перекличку.

Когда очередь дошла до него, естественно, никто не отозвался. Этого не позволял номер, нашитый у каждого на груди. Комендант отдал короткий приказ, и охранники бросились в барак. Спустя минуту немцы за ноги вытащили больного на середину плаца и бросили перед строем.

Медленно прохаживаясь перед шеренгой военнопленных, комендант спокойным голосом объявил: «За невыход или опоздание на перекличку - расстрел на месте!» - Потом повернулся к солдатам и приказал: «Огонь!»

Один из охранников передёрнул затвор, вскинул карабин и выстрелил в голову парню, беспомощно лежащему на земле. Через минуту появилась похоронная команда из четырёх человек. Поляки подхватили убитого за руки, за ноги и быстро унесли мёртвое тело с плаца. Как ни в чём не бывало, немцы продолжили утреннюю перекличку.

Второй выход в лес едва не закончился для Григория самым печальным образом. Видимо, в тот несчастливый день судьба решила сыграть с заключённым очень злую шутку. К ужасу парня, его спарринг-партнёром оказался не обычный пёс, а сильная матёрая сука! Собака врезалась в грудь бойца и легко сбила его с ног. Они вместе рухнули на землю и, сплетясь в огромный клубок, покатились по жухлой опавшей хвое.

Всё было точно так же, как и с Рексом, вот только ухватить овчарку оказалось не за что. Придя в полное отчаяние, узник сжал в кулаке шкуру на животе злобной твари. Это не произвело на неё никакого впечатления. Яростно рыча, овчарка вскочила на лапы, вырвалась из захвата и принялась яростно мотать головой из стороны в сторону. В то же время она изо всех сил пыталась перекусить руку пленного, обмотанную вонючими портянками.

Стоя перед ней на коленях, Григорий ухватился правой кистью за ошейник и пытался удержать мощные рывки зверя. Боль становилась всё сильней, и, казалось, не было больше сил терпеть эту страшную муку. Потеряв самообладание, парень рассвирепел. Отпустил ошейник и кулаком ударил собаку в голову. В последний момент он всё-таки сообразил, что за нанесённую зверю травму его расстреляют. Он не смог остановить руку, летящую вперёд. Однако успел разжать пальцы и уже открытой ладонью врезал псине в её чёрный, блестящий нос.

Внезапно сука обмякла. Глаза у неё затуманились, и она безвольно разжала огромные челюсти. Григорий поспешил воспользоваться её оглушённым состоянием. Пока овчарка пребывала в лёгком нокдауне, парень схватил ошейник обеими руками и вскочил собаке на спину. Он буквально оседлал злобную тварь. Сильно сжал коленями её тело и всей своей массой придавил к земле. Быстро просунул левую кисть под широкий ремень, плотно сжал его в кулаке и потянул на себя. Широкое кольцо из толстой кожи пережало овчарке глотку, и она сдавленно захрипела. Затем Григорий схватился правой рукой за шкуру на загривке собаки и пригнул её шею к земле. Когда псина немного пришла в себя, она уже не могла даже пошевелиться. Любое неосторожное движение грозило ей опасностью свернуть себе шею. Овчарка замерла и без движения лежала на животе до тех пор, пока не появился озадаченный инструктор.

Смертельно опасные занятия со спарринг-партнёрами продолжались без перерыва. Вследствие чего с каждым днём в бараке оставалось всё меньше и меньше людей. Самые «счастливые» умирали на нарах, во сне. Остальных - едва живых, сильно ослабевших от ран и укусов, по-прежнему гнали на «тренировки». В лесу их быстро настигали и загрызали насмерть злобные сторожевые овчарки. Тех, кто не мог встать с нар и в очередной раз сыграть роль дичи, безжалостно расстреливала немецкая охрана.

Однажды утром очередная двадцатка ушла в лес. Часа через полтора Григорий услышал, как из лагерных репродукторов раздался раздражённый крик коменданта: «Всем свободным от вахты инструкторам с собаками и солдатам срочно собраться у въездных ворот».

Едва стих голос эсэсовца, как началась немыслимая суматоха. Из обрывков немецких разговоров Григорий сумел кое-как понять, в чём дело. Оказалось, что участвовавший в утренних занятиях проводник позвонил с резервного пункта на восточной дороге. Он сообщил, что кто-то попытался бежать. Комендант объявил общую тревогу. Солдаты и инструкторы с собаками быстро погрузились в автомобили и уехали.

Только после полудня все машины вернулись в лагерь. Солдаты быстро откинули брезентовый тент первого грузовика. Затем с жутким грохотом открыли задний борт и безжалостными пинками выбросили из кузова сильно избитого красноармейца. Он молча упал на землю и остался неподвижно лежать на спине. Подбежала польская похоронная команда и сноровисто оттащила его в сторону. Потом из автомобилей устало выбрались сами фашисты и инструкторы с собаками.

Раздался душераздирающий вой сирены. Находившиеся в лагере пленные выскочили из барака и выстроились на плацу. Ведущие на половину охраны ворота открылись и на плацу появился разъяренный комендант. За ним шли немецкие солдаты с карабинами на изготовку.

Поляки притащили пойманного беглеца и бросили его между строем заключённых и шеренгой охраны.

Парень слабо зашевелился. Перевернулся на бок и с трудом сел. Чтобы не упасть на спину, он прочно опёрся руками о землю позади себя. Григорий всмотрелся в бойца и едва узнал в нём всегда весёлого, добродушного кузнеца. Всё лицо красноармейца представляло собой огромный бурый кровоподтёк. Обе ноги пленного, похоже, были прострелены.

Стараясь немного успокоиться, комендант помолчал. Набрал в лёгкие побольше воздуха и возмущенно крикнул: «Эта русская свинья убила одну из лучших сторожевых собак. Затем он попытался бежать. Согласно правилам внутреннего распорядка нашего лагеря он приговаривается к немедленному расстрелу! - не поворачиваясь к охранникам, комендант бросил через плечо, но уже по-немецки: Курт! Пристрели эту славянскую тварь!»

Из строя фашистов вышел инструктор - проводник Рекса. На его потемневшем от злобы лице расплывался огромный фиолетовый синяк. Кузнец попытался сесть чуть поровнее и с трудом прохрипел: «Дерьмо был ваш Рекс, а не собака! Хотя я и не собирался его убивать. Чуток задел кулаком, а он и подох. А вот тебя, Курт, я точно хотел грохнуть! Жаль, не достал как следует!»

Трясясь от едва сдерживаемой злобы, инструктор подошёл к сидящему на земле беспомощному пленному. Выхватил пистолет из кобуры и, почти не целясь, выстрелил в упор. Пуля попала кузнецу точно в переносицу. Руки у парня подломились, и он мешком рухнул навзничь. Вытянулся во весь богатырский рост, содрогнулся своим огромным телом и затих.

Натаскивание немецких служащих продолжилось, словно ничего и не произошло. Оставшихся в живых людей оставалось так мало, что теперь им приходилось играть роль дичи по два раза в день - утром и после полудня. К тому времени Григорий уже успел хорошо «познакомиться» со всеми собаками, участвовавшими в «тренировках». После первой, весьма неприятной встречи с ним, собаки начинали себя вести совершенно по-другому.

Во время занятий овчарки с лёгкостью догоняли парня. Однако увидев, что он стоит, прижавшись спиной к дереву, звери больше не нападали на пленного. Каждой псине вполне хватало одного раза, чтобы понять - это не простой заяц, которого можно легко загрызть насмерть. С этим русаком лучше не связываться. Собаки кружили вокруг на безопасном расстоянии. Рычали и захлёбывались от лая до тех пор, пока не подходил инструктор. Потом делали вид, что выполнили свою работу, и затихали.

Через двадцать девять дней после начала «тренировок» из двадцати собак в живых осталось - восемнадцать, а из ста семи пленных красноармейцев - всего шесть человек! В этот вечер все выжившие бойцы, не сговариваясь, покинули свои привычные места и сбились в дальнем углу барака. Находиться в пустой казарме вдалеке друг от друга у них уже не было никаких сил.

Парни молча сидели на деревянных нарах, и каждый думал о том, что им принесёт завтрашний день. Чтобы прервать тягостную тишину, один из бойцов вдруг спросил соседа: «А что ты делал, чтобы справиться с собаками?»

Григорий понял, что обращаются к нему, и рассказал, как действовал в лесу.

- Я делал то же самое, только потом брал их за глотку! - ответил красноармеец. - Схвачу правой рукой за кадык, чуть-чуть придушу, они и перестают дёргаться.

Оказалось, что ещё двое парней действовали таким же образом. Оставшаяся пара пленных почему-то молчала. Любопытный красноармеец обратился к тщедушному белобрысому пареньку: «А ты чего молчишь?»

- Меня с детства все собаки очень любили, - потупившись, сообщил он. - Даже самые злые псы всегда ко мне ластились, словно к любимому хозяину. А эти спарринг-партнёры, - он кивнул в сторону питомника, - тоже хотели, чтобы я их погладил, но для них служба превыше всего. Поэтому они лаять лаяли, но кусать не кусали. - Он повернулся к последнему бойцу и как будто передал ему эстафету.

Хмурый, темноволосый парень пожал плечами и, словно через силу, очень неохотно выдавил: «Мой дед был потомственным знахарем. Так он своим взглядом разъяренного быка с ног валил. Взбесившиеся кони тоже становились, как шёлковые, едва он на них зыркнет. А про всякую мелкоту и говорить нечего. Кошки там, крысы или домашняя птица, так те могли даже замертво свалиться, если он на них случайно посмотрит. - Он помолчал и закончил: - Я-то намного жиже буду. Могу, конечно, волка или собаку к себе не подпустить. Будет вокруг скакать и рычать, но напасть не посмеет».

Подошёл конец бесконечно долгого, месячного срока пребывания в зоне. Этот день преподнёс заключённым очередной сюрприз. Ко всеобщему удивлению, в это утро традиционная утренняя сирена почему-то не включилась. Несмотря на это, один из выживших пленных проснулся в положенный час. Он, как всегда, открыл глаза точно в срок, назначенный внутренним распорядком лагеря.

Измученные тяжкой неволей, остальные парни спали, как говорится, без задних ног. Боец встал и в растерянности побродил по бараку. Разбудил пятерых «счастливчиков» и, первым делом,

объяснил, мол, он хорошо чувствует время. Затем смущённо добавил, что сейчас уже пора идти на утреннюю перекличку. Бойцы спорить не стали, быстро поднялись, вышли на плац и выстроились в шеренгу.

Григорий со своими товарищами стоял в коротеньком строю и напряженно ждал не известно чего. Вот только к заключённым никто так и не пришёл. Ни охранники, ни даже вездесущие подручные фашистов - поляки. Передвижная солдатская кухня тоже почему-то не дымила как обычно, а стояла совершенно холодная. Кормить их сегодня, видимо, никто не собирался. Время выхода на «тренировку» тоже уже прошло.

Ближе к полудню поляки стали выносить из здания казармы столы и стулья. Прямо под открытым небом, в зоне охраны, они соорудили длинный стол и накрыли его белыми скатертями. Расставили многочисленные бутылки и тарелки с закусками. Вокруг разместили разномастные стулья и табуреты. Потом появился комендант, немецкие солдаты и проводники собак. Все дружно расселись вокруг стола, и начался пир горой. Тосты раздавались один за другим. За фюрера, за скорую победу, за великий рейх.

Пленные переглянулись между собой и благоразумно решили, что не стоит мозолить глаза пьяным фашистам. Они медленно отступили назад и от греха подальше укрылись в пустом бараке. Едва парни расположились на своих нарах, как прибежали поляки из похоронной команды. Они подняли красноармейцев и приказали немедленно выйти на плац. К всеобщему удивлению, узников привели на половину охраны и поставили перед богато накрытым столом.

Будучи сильно на взводе, комендант взглянул на истощенных арестантов. Усмехнулся и весело крикнул: «Принести лопаты».

Стоявший возле стола поляк опрометью бросился к казарме. Притащил шесть заступов и вручил их пленным.

- Ройте себе могилы! - смеясь, приказал эсэсовец. - Вон там, у стены! - и он указал на кирпичный интендантский склад, находящийся позади заключённых.

Понурив голову, Григорий повернулся вместе с остальными парнями и медленно побрёл к низкому зданию. Конечно, можно было гордо вскинуть голову и презрительно плюнуть врагам в лицо, как это показывали в фильмах о пламенных революционерах. Однако, в отличие от довоенных кинокартин, за это его вряд ли сразу убили бы, а скорее всего, избили до полусмерти и бросили на растерзание собакам. Так что уж лучше не злить палачей и умереть быстро и почти безболезненно. По крайней мере, потом труп закопают, а не оставят гнить в лесу.

Каждый из пленных отмерил себе участок в три аршина. Затем начали копать. Земля оказалась очень сухой и неподатливой. К тому же, за долгие годы тысячи ног утоптали её до плотности монолитного бетона. Руки у парня болели, левая мучила особенно сильно. Избитые за время «тренировок» мышцы постоянно ныли. Стараясь не смотреть на заставленный едой стол, он повернулся лицом к стене. Так же поступили и его товарищи по несчастью.

За спиной заключенных продолжал шуметь весёлый гомон пьяной немецкой компании. Григорий постепенно втянулся в монотонную работу. Сами собой включились навыки, приобретённые за долгие годы жизни в деревне. Плотный слой утрамбованной земли скоро закончился, и копать стало немного легче. Когда могила углубилась до шеи, парень решил, что для него хватит. Прекратил копать и выбросил лопату наверх. С трудом вылез из ямы и встал перед ней.

- О! - восхитился охмелевший комендант. - Уже закончил работу? Молодец! Тогда помоги своему товарищу справа. Что-то он долго копается, - все немцы громко заржали над незамысловатой шуткой.

Красноармеец подошёл к соседу и заглянул вниз. На дне ямы он увидел массивный камень, превышающий своим размером огромное ведро. Парень окопал его со всех сторон, но вытащить наверх один не смог, и теперь валун здорово мешал ему рыть дальше. Григорий спрыгнул в могилу, и они вдвоем едва выволокли тяжеленный обломок известняка.

Кто-то из немцев радостно воскликнул: «Ну вот, теперь у них даже надгробная плита имеется». - Это жутко развеселило пьяную компанию.

Постоянно сменяя друг друга, парни закончили рыть яму вместе с остальными пленными. Григорий вылез сам и подал руку измученному товарищу. Помог ему выбраться наружу и отправился на своё место. Подошёл к куче рыхлой земли и воткнул в неё уже ненужную лопату. Встал в ногах могилы и повернулся лицом к веселящимся немцам. Все бойцы сделали то же самое.

- Очень хорошо! - сказал комендант и широко ухмыльнувшись, приказал: Фридрих, принеси сюда свою машинку!

Два немца вскочили с табуретов и, слегка покачиваясь, побежали выполнять команду начальника. Через минуту они притащили ручной пулемёт с откидными сошками. Установили его посреди стола и направили воронёный ствол в сторону пленных. Несмотря на сильный хмель, один из немцев четкими движениями открыл жестяную коробку с патронами. Вставил ленту в затвор и передернул рычаг.

- Встаньте так, чтобы после выстрела вы свалились в яму и нам не пришлось марать о вас руки, - развязно скомандовал комендант.

Григорий повернулся и взглянул на свежую

могилу. Прикинул траекторию падения своего, к тому времени уже мертвого, тела и решил, что ни в коем случае не промажет. Войдёт в яму без промаха, как патрон в обойму. Неожиданно он подумал, что нужно бы повернуться грудью к немцам. Русскому солдату просто необходимо встречать свою смерть достойно - лицом к лицу.

Однако встать как подобает свободному, гордому человеку, он, как ни старался, заставить себя не смог. У парня так и не хватило сил посмотреть в чёрный зрачок пулемёта и спокойно подождать, пока из него вылетит его скорая смерть. Придя в отчаяние от своей трусости, он скосил глаза вправо и влево. Все стояли так же, как и он! Лицом к могиле!

- Значит, не один я такой! - облегчённо подумал Григорий.

- Огонь! - раздалось сзади.

Несущее неминуемую гибель автоматическое оружие оглушительно загрохотало за спиной пленных. Длинная очередь ударила слева направо. Многочисленные пули впивались в стену сарая прямо над головами красноармейцев. Острая кирпичная крошка мелкой шрапнелью полетела во все стороны. Колени у Григория предательски подогнулись. Он инстинктивно пригнулся, втянул голову в плечи и прижал грязные ладони к лицу.

Сзади раздался гомерический хохот. Парень удивился, что до сих пор ещё может думать. Не веря себе, он медленно приоткрыл глаза и сквозь неплотно сжатые пальцы посмотрел по сторонам. Все его товарищи стояли так же, как и он. Все чуть пригнулись и закрыли голову руками. Однако все были живы, и никто из шестерых даже не упал на колени!

Отсмеявшись, комендант приказал: «Подойдите сюда!» - Пленные медленно развернулись и на негнущихся ногах направились к накрытому столу.

- Наш лагерь существует почти три года! - задумчиво сообщил офицер. - За это время мы воспитали огромное множество собак для концентрационных лагерей, разбросанных по всей Европе. В этом лесу, - он повёл руками, указывая на сосновый бор, - побывало несколько тысяч пленных из разных стран. И никогда! Никто! Не доживал до окончания полного курса тренировок!

Он на секунду запнулся, шумно сглотнул и продолжил:

- А тут осталось сразу шестеро русских. И что прикажете мне теперь с вами делать? В инструкции о тренировочном лагере ничего не сказано на этот счёт. Никто даже не предполагал, что такое возможно. Оставить вас на следующий курс я не могу. Наш лагерь переводится ближе к восточному фронту и тащить вас за собой я не вижу смысла.

Расстрелять вас, как отработанный материал, мне кажется не совсем справедливым. Вы не нарушали устав нашего лагеря. Не пытались бежать. Ни одна собака от вас не пострадала. Вы все храбрые и дисциплинированные солдаты! Очень жаль, что вы не согласились вступить в РОА. Такие стойкие воины очень бы пригодились Великой Германии.

Мне кажется, что со временем вы передумаете и пойдёте служить под командование генерала Власова. Поэтому я предоставлю вам ещё один шанс. Дам немного дополнительного времени на размышление. Я подумал и решил отправить всех вас в фатерлянд. Там очень много трудовых лагерей, и сильные, здоровые рабочие ещё пригодятся Тысячелетнему Рейху.

Ефрейтор Фридрих Баер будет вас конвоировать до места. Он родом из Гамбурга. Мой земляк. Хороший солдат и уже давно заслужил очередной отпуск для поездки домой. - Эти слова офицер повторил и по-немецки. Все фашисты одобрительно зашумели.

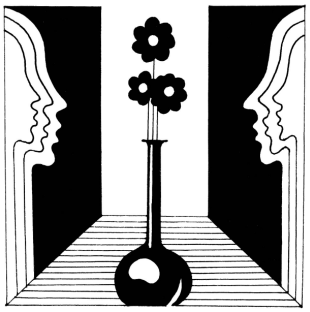
- Завтра утром вы получите документы и отправитесь в Германию! - он вновь перешел на русский язык. - Фридриху я дал письменный приказ: «За малейшее неподчинение - расстрел на месте! За побег одного - расстрел на месте ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ!» - он жёстко выделил голосом окончание фразы.

Офицер повернулся к столу и приказал солдатам по-немецки: «Дайте этим свиньям три бутылки шнапса, три буханки хлеба и три круга колбасы. Потом отведите их в стойло! А мы продолжим веселиться!»

Несколько солдат с радостью вскочили с мест и бросились выполнять приказ любимого командира. Пленных быстро отвели в пустой барак. Поставили на деревянные шконки подаренные бутылки шнапса. Рядом положили хлеб и колбасу. Развернулись и, весело гомоня, ушли на половину охраны, продолжать отвальный банкет.

Оставшиеся в живых шестеро парней облегчённо вздохнули. Нашли под нарами пустые консервные банки, откупорили одну бутылку и поровну разлили хмельной напиток. По давней русской традиции первый тост был за погибших. Красноармейцы, не чокаясь, подняли «стаканы» и дружно выпили по несколько глотков. Шнапс оказался довольно-таки дрянным пойлом. Однако ничего другого под рукой не имелось и неизвестно, окажется ли ещё когда-нибудь в ближайшем будущем. Прозвучал второй тост: «За собственное спасение!» Затем третий - «За победу!»

Голодные люди быстро разделили и съели без остатка весь хлеб и колбасу. После многодневной жизни впроголодь скромная еда показалась восхитительно вкусным деликатесом. Почти сразу у них началась обычная нервная реакция. От недавно пережитого волнения всех так сильно развезло, что красноармейцы еле-еле прошагали до нар. Они упали на голые доски и уснули мертвецким сном.



Александр ЯКШИН

БЕЛАЯ НОЧЬ НА БЕЛОЙ РЕКЕ

У обрыва

Ностальгия по крови и холодной воде.
Поминальные свечи по упавшей звезде.
Среди серого неба улетающий клин.
Я стою у обрыва, я сегодня один.

По железным дорогам ходят старые сны.
От безумия - к Богу, от весны до весны.
Значит, это так надо - по весне умирать,
Чтоб воскреснуть зимой и опять все начать.

Сохнут мокрые сети над холодной рекой.
Унеси меня, ветер, далеко-далеко.
Умерла моя вера, и надежда ушла.
Защити меня, ветер, чтоб беда не нашла.

Снова жёлтые звёзды, снова солнце в глаза.
Снова где-то за лесом поселилась гроза.
Снова музыку рельсов понесут поезда.
Вновь за красным рассветом голубая беда.

Из невидимых слов состоит приговор.
И святую бумагу очищает костёр.
Значит, это так надо - в жертву новой весне
Отмывать свою душу на холодном огне.

Сохнут мокрые сети над холодной рекой.
Унеси меня, ветер, далеко-далеко.
Умерла моя вера, и надежда ушла.
Защити меня, ветер, чтоб беда не нашла.

В маленьком городе

Пахнут рассветами хмурые улицы,
Крашеный ветер и крашеный лёд.
Хочется знать, что кто-то волнуется,
Хочется верить, что кто-то ждёт.

В маленьком городе,
В мраке и холоде
Мы взываем к Богу,
Чтоб найти себя

Наверно, из нас что-то нужное вынули,
И нас даже солнце уже не радует.
Мы словно дети, которых подкинули,
Мы словно листья, которые падают.

В маленьком городе,
В злобе и голоде
Взываем к Богу,
Чтоб найти себя.

Там, где проклятия станут прощением,
Там, где пророчества станут дождём,
Молимся, каемся, ищем спасения,
Любим, надеемся, верим, живём.

Всё в твоей власти, сделай нам счастье!
Всё в твоей власти, отведи напасти,
От праха и тлена,
От подлой измены,
От порчи и сглаза,
Греха и проказы,
От лишнего жира,
От спящего мира,
От взгляда пустого
Прими моё слово

В маленьком городе
С небом расколотым
Взываем к Богу,
Чтоб найти себя.

Ночь

Солнце за облаками,
Солнце снова в пути.
Можно потрогать руками,
А можно просто уйти.

Там, за костром из жёлтой листвы,
За лесом, спящим над тихой рекой,
За жизнью и смертью
Тебя ждёт покой.

Об авторе. Александр Якшин (1971) родился в Норильске. Окончил среднюю школу. Отслужил в армии. Вернувшись на родину работал слесарем, плотником. В 1998 году переехал в город Рубцовск Алтайского края. Устроился наладчиком КИПиА на тракторный завод, где занимался и программированием, что позволило поменять профессию. Занимался веб-дизайном, фотографией. Сейчас занимается обслуживанием корпоративных сайтов. С юности пишет стихи, издал сборник «Бегущий Орфей».

Уйди, если не хочешь петь.
Уйди, если не хочешь ждать.
Я буду смотреть,
Я буду молчать.

Она опять приходила,
Она смотрела в окно,
Она вспоминала, что было
Недавно и очень давно.

Она сказала: «Время идет,
И завтра будет не то, что вчера»,
Она сказала: «Не плачь над золой
Уставшего жить костра».

Уйди, если не хочешь петь.
Уйди, если не хочешь ждать.
Я буду смотреть,
Я буду молчать.

Кукушкины дети

Без дома, без крыши,
Никто вас не слышит,
Одни на планете -
Кукушкины дети,
Ложитесь с рассветом,
Встаете с закатом,
Как первого грома
Ночные раскаты,
Как первого солнца
Простые солдаты.

Я бы один согрел вас всех,
Если у мира не хватит тепла.
А ночь светла, и куски стекла
В дырах стен.
На родной земле добровольный плен.

Душа будто свалка -
Чужого не жалко.
В ней столько скопилось,
На всех бы хватило.
А лучшие годы
Унес тёплый ветер,
И нет у нас дома
На этой планете,
Никто нас не вспомнит,
Кукушкины дети.

Я бы один согрел вас всех,
Если у мира не хватит тепла.
А ночь светла, и куски стекла
В дырах стен.
На родной земле добровольный плен.

Белая ночь

Белая ночь, капли воды,
Обрывки бумаг, дым сигарет.
Белая ночь стирает следы
И гасит окна в пустом дворе.

Белая ночь идёт не спеша.
Белая ночь никого не ждёт.
И вместе с ней чья-то душа
Снова уходит в белый полёт.

Белый полёт над крышами спящих домов.
Костры до небес, огонь до утра.
Белый полёт - сотни не сказанных слов
Мутные звёзды, злые ветра.

Белая ночь кого-то разбудит,
Кого-то уложит спать навсегда.
Белая ночь скажет, что будет.
Белая ночь уйдёт без следа.

Рваные флаги, рваные вены,
Обрывки бумаг, дым сигарет.
Мёртвые руки, голые стены,
Последний голос. Ненужный ответ.

Белый полёт над крышами спящих домов.
Костры до небес, огонь до утра.
Белый полёт - сотни не сказанных слов
Мутные звёзды, злые ветра.

Белая ночь... капли воды....
Белая ночь... стирает следы...

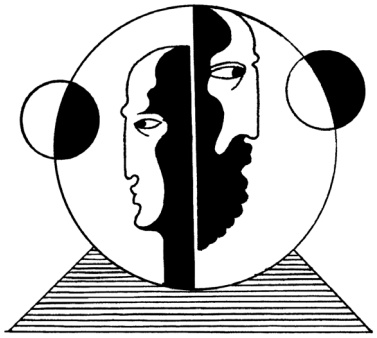
Ну о чем ты говоришь?

Ну о чём ты говоришь, пассажир плацкартный?
Может, лучше кофейку, мой случайный друг?
От себя не убежишь, разве - от инфаркта,
Знаешь, лучше помолчим под колёсный стук.

Что ты хочешь рассказать? Дом, семья, работа...
А вот нужно ли тебе про мою семью?
Я могу тебя понять, только неохота.
Я живу чужую жизнь, и узнать бы - чью.

Вот и езжу по стране - наобум, без карты!
И безмолвный к небесам посылаю крик.
Может быть, и он сейчас в темноте плацкарты
Пролетел во встречном мимо, Бог - большой шутник.

Да, надежда - не любовь, только может статься,
Что, пройдя весь долгий путь земного бытия,
Так и не случится нам жизнью обменяться,
Хоть на день, перед уходом в лучшие края.



Виктор РЕДКИЙ

НОША ГОСПОДНЯ

Фантастическая повесть

КНИГА ТРЕТЬЯ

(Книга первая - №№9-10, 11-12 за 2015г.
Книга вторая - №№1-2 за 2016г.)

ДЫРА

Я долго бродил по улицам родного города в поисках будущей резиденции для Властелина мира. Не день, не неделю, а, может быть, целый месяц.

Воображение работало на полную мощь и рисовало картины восьмого, девятого и последующих чудес света, по сравнению с которыми все ранее возведённые архитектурные произведения - чудеса человечества - казались бы старыми обветшалыми недоделками.

В редкие моменты осознанности мне открывалась правда.

Ведь вовсе не величественные апартаменты заботили меня. Мой мозг просто хотел отдохнуть и занимался необременительным для него делом - игрой в кубики. Он очень устал. Устал скрипеть извилинами, как перегруженный автомобиль скрипит своей трансмиссией. Устал думать не о том, о чём хочется, а о том, о чём думать необходимо. Устал входить в состояние, при котором руки и ноги превращаются в ледышки, а голова - в раскалённый докрасна камень. Устал! Устал!

«Какому идиоту пришло в голову возвысить обыкновенного Константина Матвеева до Властелина мира, - вопрошал мозг. - Сколько сил пришлось затратить, играя эту роль. А сколько энергии отняла борьба с Пожирателями планет?

Нет! Быть обыкновенным человеком, строить несбыточные планы, конструировать здания, которым никогда не суждено будет воплотиться в мраморе, просто мечтать о том, о сём, и никому ничем не быть обязанным, не нести на своём горбу непомерно тяжёлую ношу - вот истинное счастье».

Однако дуализм - неотъемлемое свойство ума. Другая его частичка тут же выуживала из информационного поля Земли всякую непотребность и, как бы дразня первую, цитировала её.

«Взялся за гуж - не говори, что не дюж. Любишь кататься - люби и саночки возить. Назвался груздем - полезай в кузов», - ничего не поделаешь: закон равновесия положительных и отрицательных энергий существует, и его никто не отменял.

В конце концов, немного отдохнув, ум сдался и принял существующее положение вещей таким, какое оно есть.

Властелин так Властелин. Нужно же кому-то играть и эту роль.

В одно прекрасное зимнее утро, после возвращения из мира грёз, я понял, что мне не нужны дворцы и свита, охрана и лакеи. Мне не нужны были даже армия и аппарат принуждения - ничего, что считают необходимым, без чего не мыслят своего существования обычные лжевластелинчики - президенты, короли и прочая шошь-ерошь.

Я был настолько велик и силён, что мог позволить себе существавать как самый заурядный и обыкновенный человек.

С того дня весь мир узнал, что моё поместье является отныне и резиденцией Властелина планеты Земля.

Я не устраивал приёмов, не проводил пресс-конференций, не давал званых обедов и не встречался ни с президентами, ни с председателями, ни с королями. Все законы и указы доводились до них постаринке - через средства массовой информации.

Справедливости ради следует отметить, что охрана у моего поместья всё-таки была. Высказанное вслух желание, незримо присутствуя в эфире, надёжно охраняло меня. Никто из посторонних или праздношатающихся не мог приблизиться ближе, чем на десять километров к моему родовому гнезду, независимо от причин, побудивших его к этому поступку. Чтобы мне не грозила опасность вне очерченной десятикилометровой зоны, было высказано желание, заставляющее всех тех, кто замыслил против меня недобрый акт, тут же расстаться с

Об авторе. Виктор Редкий (псевдоним) родился и живёт в Ижевске. В 1978 году окончил Ижевский механический институт и получил профессию инженера–механика. С 1979 по 1982 гг. проходил службу в Советской Армии в офицерском звании. Представленное вашему вниманию произведение было написано в 2006-2007 гг.

нехорошими мыслями, по крайней мере, на период моего пребывания в опасной близости.

Так, защищённый, как мне казалось, со всех сторон от любых неожиданностей я начал менять мир.

Наступило двадцать первое декабря. С того момента, как я вместе с Тамарой Ивановной и Домбровским получил Великие полномочия, прошло два года.

Многое изменилось за это время.

На земле воцарился мир.

Исчезли армии, питающее их смертоносное оружие, а вместе с ними и войны. Правительствам всех стран, однако, разрешено было иметь полицию для внутреннего употребления из расчёта один полицейский на три тысячи человек.

В своих улучшениях я не стал опускаться до бытового уровня и не расправился со всеми видами преступности, как планировал вначале. Пусть люди решают сами хотя бы некоторые из своих проблем. Мною не были изменены границы государств, даже ни один правитель не покинул своего насиженного трона. Единственное, что я позволил себе, так это уничтожить раз и навсегда систему титулов и званий, давно набившую оскомину простому люду. Отныне все, пребывающие во власти, от первого лица государства до самого низшего звена самоуправления именовались одинаково - жизнеустроители.

Каждый из жизнеустроителей служил в своём ранге. Первое лицо государства именовалось Жизнеустроителем первого ранга. И так далее, вниз по нисходящей. Система рангов давала простолюдину ясное представление о том, сколько нахлебников сидит на его шее. А название должности - «жизнеустроитель» - напоминало властьпридержащим об их прямых обязанностях: заботиться об устройстве жизни своих сограждан.

И вот эта моя реформа возымела успех.

Жизнеустроителям сразу стало как-то совестно летать на персональных самолётах, ездить на бронированных автомобилях, всюду таскать с собой вооружённую до зубов охрану или даже обыкновенных телохранителей, а так же воровать, вымогать и брать взятки. Не даром говорят: как корабль назовёшь, так он и поплывёт.

Многое произошло во второй год моего правления.

Однажды, когда я просто гулял по своему родному городу, мы встретились.

Рита пыталась втиснуться в переполненный автобус.

Повинуясь моему приказу, который я отдал шёпотом, чтобы не привлекать внимания прохожих, она оставила бесплодные попытки уехать от своей судьбы. Чудодейственная сила заставила Риту вспомнить всё то, что ей пришлось в своё время забыть.

Когда наши взгляды случайно встретились, она широко раскрыла глаза, выражающие крайнюю степень удивления и восхищения. Ни слова не говоря, Рита подбежала ко мне и бросилась на шею. Её руки нежно обнимали меня, будто я был и не мужчиной вовсе, а нежнейшей фарфоровой вазой, красивой и бесценной.

Слова сбежали от нас. Мы держали друг друга в объятиях до тех пор, пока люди, стоящие на остановке, не начали обращать на нас внимание: посмеиваться и осуждающе шушукаться.

- Пойдём ко мне? - не то предложил, не то спросил я.

- Да, мой Властелин, - пропела она.

- Постой! А откуда ты знаешь, что я ... - ум не мог сформулировать фразу, - ну, что я Властелин. Меня никто не знает в лицо.

- Теперь все будут знать, что ты мой Властелин, мой Царь, мой Бог. Я хочу поделиться этим со всем светом, - музыка ниспадала с её уст.

Я снял шапку и вытер выступившие на лысеющей макушке капельки пота.

Мы направились ко мне пешком, через лес, держа друг друга за руки и переполняясь энергией, которая начинала бурлить и клокотать в нас, совсем, как это было позапрошлой осенью.

Она не смогла найти в себе силы покинуть меня, а я не смог отпустить её.

Через девять месяцев у нас родился сын, и с тех пор моя усадьба стала иметь полное право называться родовым гнездом.

Мир быстро претерпевал изменения, причём в лучшую сторону.

Люди - странные существа - начали жить без войн и конфликтов, так, будто тех никогда и не было на Земле.

Я не переставал удивляться: почему они не сделали этого раньше, без моего вмешательства. Чудны дела твои, Господи!

Однако больше всего меня заботили не канувшие в лету войны, а состояние экосистемы на нашей планете, которая балансировала на грани жизни и смерти.

О причинах такого положения вещей я догадался сам, но не был уверен в своей догадке на все сто, и поэтому мне пришлось прибегнуть к проверенному способу и задействовать все ресурсы своего измученного мозга.

Я вновь испытал мучительный холод в руках, ногах и животе, а так же нестерпимый жар в голове, но в результате лишь получил подтверждение в правильности своих выводов.

Виной всему были не отсталые технологии, не

чрезмерные выбросы в атмосферу двуокиси углерода и прочей бяки, а банальное перенаселение планеты. Самые примитивные расчёты, которые под силу произвести любому второгоднику из первого класса, подтверждали это.

Если среднестатистический человек запихивает за одни сутки во входное отверстие своего организма один килограмм еды и примерно столько же источает, то семь миллиардов человек за один день съедают и выдают... Ого! А за год ...

Цифры ошеломляли. К этому надо добавить, что каждый из семи миллиардов стремится жить в отдельных, забитых до самой крыши барахлом, хоромах, иметь автомобиль... А лучше два или три! И яхту размером с «Титаник» и много-много ещё всяких ненужных и нужных вещей, без которых, по большому счёту, тоже вполне можно обойтись.

Всемирный Совет Жизнеустроителей первого ранга, который являл конгломерат покинувшей этот мир Организации Объединённых Наций и обыкновенного парламента, получил от меня предписание, согласно которому он должен был разработать и претворить в жизнь меры, обеспечивающие сокращение населения планеты до одного миллиарда человек. На такой радикальный шаг, равного которому в истории человечества не бывало, был отпущен весьма короткий срок - двести лет.

Каждый житель планеты был лишён права иметь в личном пользовании автомобиль, а так же любое другое средство передвижения, которое приводилось бы в действие при помощи тепловых источников энергии. Это был настоящий подарок природе и нашей матушке - Земле.

Я вынужден был пойти на такой шаг, так как всегда помнил дурацкий вопрос, который невпопад задал лаянцам Домбровский: что такое нефть? И мне навсегда врезался в память их ответ: нефть - это кровь Земли.

Конечно, большинство взрослых людей возопили от такого моего решения, но кого я буду спрашивать. Да и сами потом спасибо скажут.

Между делом я освободил от страданий несметное количество всякой живности, запретив показывать её в цирках, всякого рода передвижных зоопарках, а так же уличных представлениях.

Отныне зверей и птиц можно было увидеть только в зоопарках, которые по своему статусу и устройству не уступали Берлинскому, либо в специально созданных общепланетарных заповедниках. Последние, как следовало из моего указа, должны были занимать не менее десяти процентов от всей территории суши.

* * *

Я стоял на поверхности чёрной планеты, которая одиноко парила в межзвёздном пространстве. Она была сиротой. У неё не было ни братьев, ни сестёр, ни отца, ни матери - каких-нибудь захудалых светил, вокруг которых так хорошо можно было бы кружиться, подставляя свои бока их тёплым лучам.

Да и размером Бог явно обидел эту планетку. Она была совсем крохотной: не более десяти километров в поперечнике. На ней не было ни растительности, ни гор, ни морей.

Идеально круглый чёрный шар мог бы показаться совершенно никчемным, похожим скорее на ошибку природы, нежели на космическое тело, если бы не титаническое сооружение, одиноко стоящее на поверхности планеты. Оно напоминало пирамиду, закрученную в спираль. Из-за отсутствия светила я видел только первые сто или двести этажей этой пирамиды. Сколько этажей скрывала космическая темнота, можно было только предполагать.

Строение состояло из чёрных и белых кубиков, которые располагались в пирамиде без всякой системы. Иногда казалось, что целые этажи состояли из кубиков одного цвета, но, приглядевшись внимательно, можно было понять, что это всего лишь обман зрения.

Меня никак не покидало чувство, что кубиков белого цвета гораздо меньше, чем кубиков чёрных. Это не давало мне покоя, тревожило и тяготило меня. Мне почему-то нестерпимо хотелось восстановить равновесие и справедливость. Только понимание того, что я нахожусь не у себя дома, а на совершенно незнакомой планете, удерживало меня от решительных действий.

Внезапно я вспомнил, что ношу титул Властелина миров, и осознал своё приоритетное право на вмешательство в чужую жизнь.

Без раздумий я принялся исправлять допущенный кем-то перекос. Чёрные кубики покидали насиженные места. Я, что есть силы, отшвыривал их подальше от пирамиды. Тело не знало усталости, и гора чёрных кубов увеличивалась и росла.

Остановившись на мгновение, я окинул взглядом пирамиду и поразился тому факту, что чёрные кубики по-прежнему находились на своих местах, а белых становилось всё меньше и меньше.

Вдруг раздался громоподобный треск.

Тело пирамиды сотрясалось и начало разваливаться на моих глазах. Я не знал, куда бежать.

Страх и ужас раздирали меня. Паралич пригвоздил моё тело к самому опасному месту. Руки и ноги не шевелились, а кубики низринулись на меня с космических высот.

Мне стало невыносимо больно, и мой сон, мгновенно развалившись на кусочки, уступил своё место яви.

Я потёр глаза и сразу сообразил, что это было сновидение.

«Чёртовы мысли! Не дают покоя ни днём, ни ночью», - подумал я.

Сын безмятежно посапывал в своей кроватке. Рита полулежала, подперев голову рукой, и с нежностью смотрела на меня.

- Ты так мычал во сне, что я проснулась, - сказала она и погладила мои волосы рукой.

- Опять снился сон на производственную тему, - словно оправдываясь, пробормотал я.

- Пора тебе в отпуск. Надо отдохнуть от дел государевых, а то, неровен час, крыша съедет, и останемся мы без Властелина, - Рита тихонько засмеялась, боясь разбудить малыша.

- Властелины отдыхают только на небесах, - сказал я грустно и сделал робкую попытку встать с кровати. Однако Рита обхватила меня рукой за то место, где у девушек находится талия, и привлекла к себе.

Я не мог сопротивляться и попытался задушить её в своих объятиях. Она не оказала сопротивления и сразу сдалась на милость Властелина.

«Хорошая штука - жизнь», - подумал я спустя час, когда звонкий крик малыша возвестил о пробуждении ещё одного человека на этой планете и вывел меня из состояния устало-сладостной дремоты.

В тот день я взял отгул. Должность Властелина имела свои плюсы: не надо было писать никаких заявлений, убеждать начальство в том, что законный выходной нужен тебе именно сегодня, испытывать угрызения совести оттого, что подвёл родную контору, бросив её на произвол судьбы на пару дней.

Мы втроём путешествовали по лесу и наслаждались его ароматами. Шутливые разговорчики несколько отвлекали от невесёлых дум, но не настолько, чтобы ум совершенно перестал генерировать тревожные мысли.

А тревога моя вытекала из предчувствия, а предчувствие - из опыта: что-то всё складывалось уж слишком хорошо, чтобы продолжаться долго.

Если я прав, и закон равновесия энергий существует, если количество сотворённого положительного потенциала рождает одновременно равное количество потенциала отрицательного - жди беды. Она не за горами.

Жизнь - зебра. Творишь добро, возделываешь светлую полосу, а где-то в астрале твои деяния уже создают предпосылки для утверждения тёмных сил. И это происходит не потому, что я или кто-то другой плохой конструктор, нет, просто так устроена Вселенная. Каждое явление в ней опирается на свою противоположность. «Да» существует, только если существует «нет».

Мне очень хотелось бы убедиться в обратном. Я мечтал о том, чтобы кто-то указал мне на язык (пусть древний или исчезнувший), где имелось бы только слово «да» и не было бы слова «нет». Я бы опрометью бросился творить благие дела, и им не было бы числа. К сожалению, даже надежды на это не было. Здоровье в конечном итоге порождает боль, а боль - выздоровление. Солнечный день - это только прелюдия к тёмной ночи, а птичий гомон - к тишине.

Много раз я ставил себя на место Творца и в мыслях своих пытался создать мир, в котором бы не было противоречий. И всякий раз получалась такая вот туфта.

Ничего не поделаешь. Законы нашей Вселенной не изменить. Хочешь мира - готовься к войне, творишь благо - молись за тех, кому оно принесёт смерть.

Профессия журналиста сродни профессии сыскаря. Нужно иметь нюх. Нужно поступиться кое-какими нравственными принципами: научиться давать взятки, не лгать так лукавить, притворяться, нагло пролезать во все щели, вербовать осведомителей и приучить свою совесть не мучиться от этого всего.

Однако у этих двух профессий есть и различия. Главное из них состоит в том, что в момент беды, которые происходят с каким-либо живым существом, сыщик опрометью бросается на помощь, а журналист сначала достаёт фотоаппарат, делает снимки в различных ракурсах, затем на всех парусах несётся в редакцию. И лишь по пути, крича «Караул!», призывает на помощь.

Так вот, бесспорно, нужно было иметь определённый талант, чтобы узнать-таки, когда Властелин празднует свой день рождения. А как выследить его жену, не имея возможности самому проникнуть в десятикилометровую запретную зону, и всё-таки ухитриться преподнести ей пять огромных корзин с цветами - для передачи Властелину.

Такси, которое доставило Риту домой, было оплачено всё тем же журналистом. Среди бутонов роз в одной из корзин виднелась небольшая открытка, на обратной стороне которой была начертана всего одна фраза: «От журналистской братии с наилучшими пожеланиями и искренними поздравлениями!»

Такой акт внимания заставил меня улыбнуться и восхититься профессиональным мастерством неизвестного журналюги.

Однако цветы, хоть и не были отправлены немедля в силосную яму, не произвели на меня никакого впечатления. Собственно, это были и не цветы вовсе, а трупы цветов.

Странно, но люди редко дарят друг другу прекраснейшее творение Создателя - цветок - в первозданном, живом виде. Они сначала умертвляют его, отделяя стебель от корня и матушки-Земли, а потом предлагают труп растения в качестве подарка по тому или иному поводу. При этом принимающая сторона, согласно ритуалу, должна понюхать

трупик растения, затем блаженно закатить глаза и пробормотать что-нибудь нечленораздельное.

Странные мы существа. Никому ведь не придёт в голову познакомить молодого человека с юной красавицей, предварительно зарезав её. А с цветами мы поступаем именно так.

Когда-то человечество учредило праздник, длящийся всего лишь одно мгновение, и нарекло его Новым годом. Одни - сообщества встречают его в ночь с тридцать первого декабря на первое января, другие в день весеннего или осеннего равноденствия, третьи в середине лета - кому как нравится.

На самом деле это всего-навсего удобная точка отсчёта для производства летоисчисления, и ничего более. Праздником этот день сделало больное человеческое воображение да неистребимое желание рода людского повеселиться по любому поводу. С таким же успехом можно было учредить праздник прямого угла или устроить карнавал по поводу неистребимого числа «Пи». Всё одно!

Но существует настоящий, истинный Новый год, и у каждого человека он свой. Это день рождения. И важен не только день, но и час, и минута, и даже секунда, когда твоё тело впервые материализовалось в этом мире. Важна та точка бесконечной орбиты Земли, вращающейся вокруг Солнца, в которой твоё существо явилось этому миру. Миллиарды звёзд и планет создали в тот момент неповторимый рисунок мироздания, подобного которому не было и уже никогда не будет во всей истории Вселенной.

Миг рождения. С него начинается первый год жизни. Ровно через триста шестьдесят пять дней наступит Новый, второй год жизни, и это не обязательно будет первое января.

В этот день не надо рубить и украшать, подобно язычникам, хвойные деревья. Не надо напиваться до бесчувствия, не надо отплясывать так, чтобы у соседей снизу сыпалась штукатурка с потолка. Обозреть пройденный путь, сидя в безмолвии, гораздо полезнее любых возлияний. Затем необходимо воздать хвалу Вседержителю за то, что он позволил дожить до Нового, для тебя, года.

Так я и поступил, если не считать скромного семейного ужина с любимой женщиной и маленьким сынишкой.

* * *

Не знаю, случайно ли лаянцы появились в моём доме именно в первую ночь Нового для меня года, или эта встреча была вызвана чрезвычайными обстоятельствами, и правила приличия прекратили своё существование во Вселенной вплоть до особого распоряжения. Мне не известна лаянская логика, и я не постиг моральных устоев великой цивилизации. Тем не менее, они возвратились, хотя именно в этот день я их не ждал.

В ту ночь мне не спалось. Думы различных калибров, мечты о счастливом будущем нашей планеты, а также тревожные опасения роились в моей голове.

Рита сладко посапывала, лёжа на моей руке. Сквозь полупрозрачные занавески виднелся чёрный силуэт леса.

Мои глаза зафиксировались на нём, поэтому не сразу отреагировали на возникшее в комнате мерцание, а когда спохватились наконец, то микроскопические искорки уже начали складываться в ту самую знакомую и памятную мне картину.

Мгновением раньше я почувствовал онемение в теле. Попытка шевельнуть хоть чем-нибудь не увенчалась успехом. Присутствовало осознание того, что друзья-лаянцы решили проведать меня. Вместе с тем волнение, если не сказать - страх, всё более и более овладевали мною. Я отчётливо помнил, что лаянцы обещали не возвращаться до срока, до которого оставалось ещё почти пять лет. Значит, что-то пошло не так? Подумалось, что, может быть, я виноват в чём-то, может быть, мои действия привели к чему-то такому, что потребовало вмешательства галактических инженеров-строителей. Но через мгновение мысли уже не мучили меня. Наступило состояние полной осознанности, когда моя сущность способна была впитывать слова лаянцев, как губка воду.

Толстяки, как и прежде, парили на своём старом диванчике в дюйме от пола. Ни их опухшие веки, ни носы-картошки, ни двойные подбородки, ни тоги - одежды лаянских инженеров, совершенно не изменились за два с небольшим года. На их лысых головах не появилось за это время ни одного волоска.

Когда Толстяки подняли веки, они, как и прежде, превратились в Мудрецов. Бездонные, полные осознанности глаза говорили о высочайшем полёте великомудрой лаянской цивилизации.

- Созидатель да не оставит тебя, - изрекли все три лаянских тела одновременно.

- Здрасьте! - хотел выкрикнуть я в ответ, но всепоглощающая осознанность отвергла это желание и просто приняла приветствие лаянцев.

- Мы здесь, чтобы говорить. Ты - чтобы слушать и запоминать.

Величайший из Величайших, Отец нашей Галактики - Созидатель - направил нас к тебе до срока. Направил, чтобы предостеречь. Направил, чтобы предупредить.

Закон, установленный Созидателем, гласит: каждый объект галактики, проходящий испытание на эволюционную зрелость, должен быть изолирован от любых внешних влияний на всё время испытания. Это нужно для чистоты эксперимента.

Испытание объекта требует максимальной отдачи сил и энергии или, иначе говоря, полного освоения дополнительно полученного потенциала.

На время испытания объект как бы помещается в стерильные условия. Ничто внешнее не должно препятствовать внутренней трансформации.

Когда женщина вынашивает ребёнка, внешнее не должно вмешиваться в этот процесс.

Лаянская цивилизация призвана обеспечивать стерильные условия для таких объектов.

- А как же Пожиратели планет? Почему вы не оградили нас от них? - мелькнул и тут же растворился в пучине осознанности вопрос.

Лаянцы как будто уловили искорку моей мысли, а, может быть, так совпало, и они именно в этот момент хотели пролить свет на историю с Пожирателями планет.

- Это явление входило в обязательную программу испытаний. Оно было инициировано нами. Если бы вы не выдержали этот экзамен, то мы не стали бы препятствовать Пожирателям планет, и от Земли сейчас вряд ли бы что осталось.

Осознание беспристрастно зафиксировало зарождающийся внутри моего существа гнев. Он появился сначала в виде маленькой негодующей точки, потом достиг размеров беснующейся сферы, которая уже не могла более помещаться в моём теле и вот-вот готова была разорвать сдерживающие её силы и вырваться наружу. Внутри всё разрастающегося негодования возник план: взять лежащий возле кровати тапочек и запустить им в лаянцев.

«Это гнев!» - безразлично констатировал сторонний наблюдатель, которым в тот момент являлся я сам.

«Это тривиальный гнев!» - снова повторил он, наблюдая, как бесноватая энергия безуспешно пытается вырваться наружу.

Гнев понял, что его раскусили, расшифровали и ни при каких обстоятельствах ему не дадут завладеть человеческим существом, именуемым Константином Матвеевым. Поэтому он предпочёл не растрачивать понапрасну имеющиеся в его распоряжении запасы энергии, снова уменьшился до размеров точки, которая незаметно растворилась в моём существе.

- Однако сейчас вашей планете угрожает реальная опасность извне. И если бы это были Пожиратели планет, то мы с легкостью остановили бы их и перенаправили в другую историческую нишу. Но это - Пожиратели времени и пространства.

Отец наш - Созидатель сотворил Галактику, установил в ней свои законы. Он является Богом для всего сущего в созданном им мире. Многие его проявления не поддаются нашему пониманию, но и сам он, являясь лишь маленькой частичкой мироздания, не всегда может осознать суть явлений, исходящих из недр Непостижимого - того, кто сотворил Всё.

Откуда в нашей Галактике появились Пожиратели времени и пространства не знает даже Созидатель. Даже Он не может постигнуть их сути.

Любое явление, которое можно наблюдать, можно понять и объяснить. Можно экстраполировать будущее и найти возможность противостояния нежелательным воздействиям извне. В этом нет ничего особенного, ибо борьба за выживание - лишь один из способов существования материи. Так было, например, когда Пожиратели планет соприкоснулись с человеческой расой.

Ты видел их, понял их суть, быстро разобрался в происходящем и спрогнозировал будущее, в котором роду человеческому была уготована участь победителя. У тебя была информация, на основании которой ты предпринял определённые действия.

Пожиратели же времени и пространства никак не проявляют себя в нашем мире. Их нельзя увидеть или услышать, нельзя измерить, почувствовать, представить. Нет никакой информации, кроме той, что они пожирают время и пространство, некогда сотворённые Созидателем и, безусловно, принадлежащие нашей Галактике. Материя, которая является концентратом пространства и времени, также бесследно исчезает при соприкосновении с Пожирателями.

На вашей планете Пожиратели времени и пространства известны как Чёрные дыры. Их предсказание до недавнего времени было сугубо теоретическим, но современная астрономия Земли недавно сумела зафиксировать два таких объекта в глубинах космоса.

Пожиратели появляются в нашем мире в виде точки, которая в то же мгновение начинает поглощать пространство и время. Они не останавливаются ни на секунду и постоянно растут в размерах. Увидеть их невозможно, и мы определяем их местоположение только по потокам движущейся к ним энергии нашего мира.

Существуют Чёрные дыры, которые поглотили за всё время существования более миллиона звёзд вместе с планетами, которые вращались вокруг них.

Имеется некоторая вероятность того, что наша Галактика будет уничтожена этим непознанным явлением прежде, чем пройдёт весь эволюционный путь, предначертанный ей Созидателем.

Испытание, выпавшее на долю вашей планеты, может так и не закончиться.

Лаянцы замолчали, и мне показалось, что они печально вздохнули.

- Дело в том, что всего в двух парсеках от вашей солнечной системы образовалась Чёрная дыра. Пока это только точка, но она уже поглощает пространство и время. Скоро она достигнет в размерах воздушного шара, которым на вашей планете играют в игру под названием «футбол», и тогда вы начнёте ощущать мощь её гравитации.

Ни мы, ни Созидатель не можем помочь вам и не можем, согласно установленным законам,

прекратить испытание. Вы должны смириться с этим. Но у вас остаётся неотъемлемое право - побороться за свою жизнь. Попробовать.

В сложившихся обстоятельствах мы, конечно, предоставим в распоряжение землян все свои знания и всю свою силу, которые вам могут понадобиться в предстоящей борьбе за жизнь. А могут и не понадобиться. Никто не знает.

Ты можешь вызвать нас в любое время. Для этого необходимо просто высказать желание вслух.

Да пребудет с тобой Созидатель!

Сынишка за всё время разговора с лаянцами ни разу не пошевелился в своей кроватке. Рита ни разу не перевернулась с боку на бок, хотя обычно проделывала это раз по сто за ночь. Моё тело приобрело способность двигаться, осознанность улетучилась, как утренний туман, а ум вступил во владение существом, именующим себя Константином Матвеевым.

Первым делом он подумал о том, что всё плохо, очень плохо. Потом в его недрах родилась мысль: жить нам осталось совсем немного и, следовательно, прожить этот последний отрезок времени нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые мгновения, чтобы не жёг позор за мелкое подленькое существование. Попросту говоря, остаток дней нужно прожить с размахом, с помпой, на широкую ногу.

Появление лаянцев означало, что настал конец изнурительной и нудной работе по улучшению мира, и пришло время поиграть в свои божественные игры, какими бы бесшабашными они не были.

Пока ум генерировал свои провокационные мысли, лаянцы растаяли в темноте, и последняя искорка-звёздочка напоследок ярко сверкнула где-то у изголовья кровати моего сынишки.

Несмотря на то, что тело моё неподвижно лежало на спине, а глаза бесстрастно пялились в тёмный потолок, внутренне я бурно негодовал. Все фибры моей души отчаянно вибрировали, источая жгучую ненависть к лаянцам и их небесному отцу - Созидателю.

Ум не мог вместить в себя, как же можно бросить целую планету со всей обитающей на ней живностью и семью миллиардами человек на произвол судьбы, на верную погибель, ехидно пожелав при этом лишь более-менее удачно побороться за свою жизнь! Если нельзя справиться с Чёрной дырой, то можно переселить людей на какую-нибудь другую планету, да при этом ещё прихватить с собой каждой твари по паре.

Воображение рисовало постыдные картины: океанский лайнер проплывал мимо терпящей бедствие шлюпки с измученными людьми на борту, умирающими под палящими лучами солнца без воды и еды. Капитан судна, во всём белом, стоял вместе с пассажирами и командой, высыпавшими на палубу, держался одной рукой за поручень, а другой - приветливо махал умирающим и желал им успешно бороться за свою жизнь.

Картина вызывала омерзение и стыд за обесчестивших своё честное имя лаянцев.

Негодование росло, словно пена у закипевшего молока. Мозг усиленно работал над тем, как бы насолить лаянцам, да так, чтобы они запомнили этот урок на всю жизнь. Но на ум ничего не шло, кроме понимания той простой истины, что мы ещё дети, а они уже взрослые.

Успокоился я только к вечеру следующего дня. Мне стало предельно ясно, что к непомерно тяжёлой ноше, которую я уже тащил на своём горбу, добавилась ещё одна, да такая, что была уж совсем неподъёмной. Как бы не напрягалось моё существо, ему не перепрыгнуть через установленные Созидателем законы. Если уж творец Галактики пребывает в растерянности, то мне, человечишке по имени Костя Матвеев, остаётся лишь лечь на спину, подобно паучку, поджать ручки, ножки и засохнуть.

* * *

- Здравствуйте, Константин! - приветствовала меня Тамара Ивановна, когда я отворил калитку. Звук отъезжающего автомобиля говорил о том, что она не забыла дорогу к моему дому, и такси доставило её точно по адресу.

- Здрасьте, тетя Тома! - высунулась с крыльца озорная физиономия Домбровского, подставив свой чуб под весеннюю капель - порождение активно тающего на крыше снега.

- Здра-а-авствуй, Витенька! - улыбка Тамары Ивановны расползлась от уха до уха. - Как же я по тебе соскучилась, сынок.

- Прошу в дом, - я взял из рук гостьи сумку, и та, ковыляя, преодолев пару ступенек, забралась на крыльцо, отставила в сторону клюку, подошла к Домбровскому и обняла его нежно-нежно, как может обнять только родная мать. Блаженный взгляд её в тот момент был устремлён в синее весеннее небо и излучал полнейшее счастье.

Да, мои друзья снова были со мной. Но обо всём по порядку.

Тёща моя - мать Риты, добрейшей души женщина, с превеликим удовольствием приняла в своём доме родную дочь и горячо любимого внука. В этом, понятно, не было ничего удивительного.

Ей давно наскучило прозябать в одиночестве на ста квадратных метрах своей четырёхкомнатной квартиры. Квартиру ещё в наши застойные времена их семье, а уж если быть предельно честным - её мужу, выделило государство за его непомерно большой вклад в дело укрепления обороноспособности нашей страны.

Муж Зинаиды Михайловны - так зовут мою

тёщу - не дожил до рождения внука - умер в расцвете сил прямо на производстве. За это государство наградило его ещё одним, десятым по счёту орденом, разумеется, посмертно.

Зинаида Михайловна всегда считала раннюю весну чрезвычайно коварным временем года и очень боялась того, что её дочь, не будучи искушённой в воспитании детей, может по недосмотру, ненароком простудить малое дитя и тем самым подвергнуть опасности самоё продолжение её рода.

На природе дуют ветры. Из-под пола веет влажный воздух. Кошки бегают туда-сюда, вынуждая людей постоянно открывать-закрывать наружную дверь - сквозняк!

Всё это тревожило Зинаиду Михайловну, и она не раз предлагала нам с Ритой переехать к ней хотя, мне казалось порой, что если бы полезная площадь нашего родового поместья была чуточку больше, она с удовольствием переселилась бы к нам сама.

Вы когда-нибудь видели, как падает человек с десятого этажа? Это зрелище подкупает своей нелогичностью. Приговорённый к смерти, тот, кому осталось жить-то всего несколько мгновений, вместо того, чтобы смириться и устремиться камнем вниз, оставив поскорее позади затянувшийся ужас, барахтается, машет руками и кричит.

Он кричит, призывая на помощь, потому что надеется спастись или просто верит в то, что произойдёт чудо: невидимый крючок подцепит его за штанину и приостановит эту ужасную увертюру к смерти.

Таковы все живые существа. Все дрыгают ножками до последнего мгновения. Все на что-то надеются. Собственно, мгновение потому и называется последним, что до него ещё существует надежда. Я не был исключением.

Когда, проснувшись ранним утром, я смотрел на Риту, на нашего сынишку, на кошек, которые так любят спать рядом с нами, мне становилось страшно за их жизни.

Мыслеформы вселенской катастрофы одна за другой возникали в моей голове. Чёрная дыра умертвляла близких мне существ особо жестокими способами, отягощая своё злодеяние невиданной извращённостью и кровожадностью.

Осознание того факта, что скорая кончина неизбежна, как день Страшного суда, не только не подавляла волю к жизни, но наоборот, придавало силы и возбуждало желание провести последнее и, может быть, единственно настоящее сражение в моей жизни с полной отдачей сил и нанесением возможно большего урона неприятелю.

Я знал, что моё скромное жилище скоро станет похоже на центр управления полётами. Список аппаратуры, необходимый мне для сношения с внешним миром, уже зрел в моей голове.

Передо мной стояла дилемма: либо переехать в президентский дворец, а Риту с малышом оставить здесь и обречь их на тяжёлое существование, обусловленное отсутствием мужского начала в доме, либо отправить любимых домочадцев к тёще, а существующее родовое гнездо превратить в штаб людского сопротивления засилью Чёрных дыр во Вселенной.

О том, чтобы сделать свою жену помощником и соратником не могло быть и речи, ибо трудно представить себе горе матери, которая ведает о скорой кончине своего сына.

Никто, кроме жизнеустроителей первого ранга, не должен был знать о предстоящей кончине. По крайней мере, до тех пор, пока действие Чёрной дыры не станет ощущаться. Груз, свалившийся на меня, казался неподъёмным. Хотелось, чтобы рядом со мной находился хоть кто-то, кто бы мог помочь или поддержать морально. А кого можно выбрать из семи миллиардов человек? Только того, кто с первого дня был со мной у истоков испытания накануне еще неведомой тогда назревающей трагедии.

Так родилась идея вызвать на подмогу Тамару Ивановну и Домбровского.

Память вернулась к ним по моему велению. Вместе с ней в их сознание был внедрён приказ: немедленно прибыть ко мне. Как и в первый раз никому из родственников, знакомых или друзей Тамары Ивановны и Домбровского даже в голову не пришло спросить - куда это они направляются, а когда мой дом принял долгожданных гостей, то про них во всём мире уже не вспоминала ни одна живая душа.

* * *

- Вот такие дела, - закончил я свой рассказ о той беде, которая постигла нашу планету и о визите наших друзей лаянцев.

Тамара Ивановна тяжело вздохнула и изрекла:

- Так ведь мы, однако, помочь-то чем сможем? Сила-то наша теперь у вас, Константин. Да и знания наши с вашими не сравнить. Хотя и они не пригодятся, однако, коль скоро даже Созидатель не знает, как с этими дырами совладать.

- Но вы говорите, что нам нужно делать, мы всё и сделаем, - Домбровский, как мне показалось, значительно повзрослел за последние два года. - С Пожирателями планет вы же ловко расправились. Как знать, может быть, и на этот раз повезёт.

- Да делать-то особо ничего и не надо. Потому, что я понятия не имею, что нужно предпринять в данной ситуации. Да и сама ситуация ещё никак не наступила. Завтра здесь установят прямую связь со всеми жизнеустроителями первого ранга и со Всемирным Советом Жизнеустроителей. Вот тогда и начнём «тыкаться» все вместе, как слепые котята.

Повторим подвиг трёхсот спартанцев, которые знали, что всем им придёт хана, но оружия не сложили и погибли стоя, с чувством выполненного долга.

- А где, Константин, вы собираетесь аппаратуру-то размещать. Тут у вас и места-то нет, - Тамара Ивановна с удивлением оглядела комнату, как будто видела её впервые в жизни.

- Отсталый вы человек, Тамара Ивановна, - я улыбнулся, давая понять, что это шутка. - Сейчас двадцать первый век на дворе. Телевизор перенесём на кухню, а на его месте аппаратуру и установим. Плазменную панель повесим на стену, а пульт управления - вместо телевизора.

- Куда уж нам уж, - обиженно сказала Тамара Ивановна, - я с сотовым телефоном-то разобраться до сих пор не могу, а тут такое. Связь со всеми государствами.

Трезвая мысль, как известно, не может прийти в трезвую голову, а Домбровский, хоть и повзрослел, но от юношеской привычки расслабляться при помощи спиртного так и не смог отказаться.

- Не завалялось ли у вас, Константин, где-нибудь под кроватью бутылочки красного сухого вина, из тех, что мы пили в первую нашу встречу?

Я был и сам не прочь затуманить рассудок, хоть на время забыть обо всём происходящем и избавиться от навязчивых мыслей, тем более, что разговор о спасении Земли и войне с Чёрными дырами не нашёл продолжения и как-то тихо сошёл на нет.

- Того вина предоставить вам не могу, потому что не помню уже ни его названия, ни как выглядит бутылка, а вот ящичек коллекционного, лет восьмидесяти от роду - это мне по силам.

Я встал, прошёл на кухню, порылся в картонной коробке, в которой на первый взгляд не могло быть ничего, кроме прошлогодней картошки, и, словно маг, выудил оттуда четыре бутылки заморского раритета.

Стол сервировался быстро, будто бы сам собой. Старые знакомые - хрустальные фужеры со щербинками на краях - с удовольствием вспомнили молодость нашего общения и горделиво предоставили свои чрева для знакомства с невиданным напитком.

Когда процедура наполнения бокалов была закончена, я взял слово и по праву главы планеты произнёс тост. Тост получился куцым и вялым. Что-то не срослось в моих извилинах, а может быть, это просто был не мой день.

Тем не менее, слово было сказано, а вино было выпито.

Положенный мне по статусу Властелина Земли напиток удивил и разочаровал. Старьё есть старьё. Рубиновая жижа, вопреки ожиданиям, имела вкус обыкновенного уксуса. Давно канула в лету приятная былая терпкость, умер естественной смертью содержащийся в вине хмель - необратимые химические реакции сделали своё дело.

Домбровский и Тамара Ивановна, однако, не поняли этого или не показали виду.

Я поспешил исправить свою ошибку и вновь поскрёб по сусекам. На наше счастье, там оказалась бутылка первоклассного ямайского рома, которая и спасла положение.

Мы с Домбровским приговорили её за час, а Тамаре Ивановне пришёлся по вкусу розовый уксус, и она не переставала нахваливать его.

- Витя! А почему ты до сих пор не в армии? - задал я Домбровскому праздный вопрос.

- Так не взяли. Оказалось, что после укуса динозавра я бегать с полной выкладкой не могу. Мышцы на ноге не восстановились, а заросли соединительной тканью. Когда долго бегу, нога быстро устаёт, и я начинаю хромать.

- Повезло тебе, - ласково проворковала Тамара Ивановна, но спохватилась и добавила, - что в армию не взяли.

- Повезло! - согласился Домбровский. - Благодаря этому я дело своё открыл. Диагностику заболеваний практикую. Лечить не могу. Ни черта в этом не смыслю, а вот диагноз ставлю всегда правильный. Ко мне со всей области люди едут. Бывает, у дома очередь стоит. А недавно даже с Архангельска мужик приезжал. Рак у него. Недолго бедолаге осталось.

- А ты что же, Витя, вот так, однако, всем правду и говоришь? - доброе сердце Тамары Ивановны испытывало жалость к незнакомому человеку. - Люди ж разные бывают. Кто послабее и руки на себя может наложить.

- Нет, конечно. По людям смотрю. Кто, как мне кажется, действительно истину желает знать - правды достоин, а у кого страх в вопросе ощущаю - в того надежду вселяю.

Разговоры на медицинскую тему, особенно за столом, меня никогда не воодушевляли.

Во-первых, они заставляли задумываться о бренности всего сущего, а во-вторых, невольно проецировали медицинскую тематику на собственный организм, и те болячки, которые в суетной жизни отходили на второй план, начинали токать и пульсировать.

- А расскажите-ка мне, кто, сколько выиграл в ту, загаданную нами лотерею? Мне что-то вспомнилось, - так я ловко перевёл разговор в другую колею.

- У меня тыщщ сорок получилось, - с гордостью похвалился Домбровский.

- А у меня и десяти не вышло, - уныло констатировала Тамара Ивановна.

- Ну, не беда. Теперь вы больше не будете думать о деньгах, - обнадёжил я своих друзей. -

Друзья Властелина, благодаря которым он и стал тем, кем является, достойны безбедной жизни. По крайней мере, до тех пор, пока нас не слопает эта позорная Дыра.

Упоминание о дыре вырвалось непроизвольно и тут же испортило настроение всем.

Но цены не было Тамаре Ивановне! Мудрая женщина! Она быстро сообразила, что добрая встреча старых друзей может быть испорчена одним единственным неосторожно произнесённым словом, и, исправляя мою ошибку, скоропалительно попросила:

- Константин! Мы так давно не слушали ваших песен. Спойте нам что-нибудь.

Слегка окосевший Домбровский присоединился к её просьбе.

Я не заставил себя упрашивать, снял со стены гитару и с чувством предварил песню словами:

- Посвящается моей первой жене.

Рука нежно тронула струны. Голосовые связки, прочищенные ямайским ромом, издали весьма приятные звуки.

Я не могу показать тебе, как летит стрела
И не могу объяснить, что творится на Солнце
Я не знаю, как идут у жены президента дела
И зачем нам на крыше нужно слуховое оконце

Но нужна ли тебе жизнь другая
Ведь я одеваю тебя и кормлю
И в холод тебя согреваю
Всё, что есть, я тебе отдаю

И, может быть, не подарю
Дорогого тебе бриллианта
И картину не напишу
Просто нет у меня такого таланта

Но нужна ли тебе жизнь другая
Ведь я одеваю тебя и кормлю
И в холод тебя согреваю
Всё, что есть, я тебе отдаю

И уж точно, что нет за границей родни
И сбежать за бугор нам не светит
И не станут родными Парижа огни
И не будут похожи на них наши дети

Но нужна ли тебе жизнь другая
Ведь я одеваю тебя и кормлю
И в холод тебя согреваю
Хоть совсем я тебя не люблю

- Вот те раз! - сказала Тамара Ивановна, когда я закончил. Её, как и многих других из тех, кто слушал песню, смутила и немного расстроила концовка. - Вы что же, Константин, никогда не любили свою жену?

- Любил. Но лишь плотской любовью, - сказал я, и моё настроение испортилось окончательно и бесповоротно.

Установка систем спутниковой связи с Жизнеустроителями первого ранга - представителями всех двухсот сорока шести стран - продлилась неделю. Это доставило мне и моим друзьям немало хлопот: мужской части троицы пришлось ночевать на мансарде, а Тамара Ивановна по-прежнему гнездилась на кухне, ухищряясь расположиться среди множества электронных блоков и катушек с кабелями и проводами.

Расчёт мой был весьма прост. Я собирался расправиться с Чёрной дырой точно так же, как и с Пожирателями планет. Те пожирали материю, а эти - пространство и время. Одного поля ягоды. Мне казалось, что если внутрь Чёрной бестии вогнать космический зонд с десятком тонн антивещества, то ненасытная утроба может не выдержать гигантского количества энергии, выделившегося при взрыве, и лопнуть, разорваться на мелкие кусочки.

Правда, существовала опасность, что каждый из десятков тысяч образовавшихся мелких осколков образует новую Чёрную дыру, и вместо одной ненасытной сущности во вселенной их появится тьма тьмущая.

Но в нашем положении выбирать не приходилось. Лучше претворить в жизнь план, заранее обречённый на провал, чем сидеть, сложа руки, и ждать, когда гравитационные силы начнут раздирать Землю-матушку на куски, а заодно и нас грешных.

Но, кроме опасности возникновения множества Чёрных дыр, существовали и чисто технические трудности.

Во-первых, как зашвырнуть космический зонд на расстояние равное шести с половиной световым годам? Это вряд ли было под силу нашей цивилизации.

Во-вторых, меня одолевало сильное сомнение в том, что человечество способно создать установку, способную транспортировать несколько тонн антивещества на такое расстояние. Затраты энергии при транспортировке огромны, такими, какими не обладает ни один ядерный реактор в мире.

В- третьих, даже если бы удалось избежать вышеизложенных трудностей, то время вояжа космического зонда к Чёрной дыре на два-три порядка превысило бы время её роста и начала воздействия Чёрной дыры на Землю.

Но всё это были только мои собственные домыслы, а вердикт моему проекту могли вынести только специалисты - инженеры, учёные, экономисты и прочий цвет технократической элиты. Для этого я и должен был говорить с Всемирным Советом Жизнеустроителей.

* * *

Сеанс связи прошёл образцово. Каждый Жизнеустроитель первого ранга, как мне показалось, проникся перспективой грозящей нам скорой кончины, и я вправе был рассчитывать на то, что каждый из них приложит максимум усилий к тому, чтобы этого не случилось.

На сбор информации, о возможности запуска к Чёрной дыре космического зонда с антивеществом на борту, я отвёл Совету всего-навсего десять дней. А так как других мыслей о возможных способах расправы с грядущей угрозой в моей голове не наблюдалось, то я решил не тратить энергию понапрасну и попросту пожить эти десять дней вместе со своими друзьями.

К слову сказать, я ввёл гриф «Гиперсекрет» - высочайшую степень секретности, существующую в мире - на всю информацию, касающуюся Чёрной дыры.

Но моей мечте о десяти днях спокойной и беззаботной жизни не суждено было воплотиться в реальность. Этому способствовали несколько факторов, главные из которых исходили из внутренних сущностей моих друзей.

Вместо того, чтобы спокойно предаваться сладостному безделью (лопать ложками икру и пить редчайшие на Земле вина), и Домбровский, и Тамара Ивановна вдруг воспылали одержимостью к борьбе за спасение человечества от происков Чёрной дыры и не давали мне покоя целыми днями, а иногда и ночами.

Одно их предложение соперничало по своей беспросветной глупости с другим и напоминало рассуждения неандертальца о возможности спасения мира от вселенской катастрофы при помощи каменного топора и сучковатой палки. Уровень интеллекта и знаний мой и моих друзей явно не тянул на уровень, необходимый для решения каких-либо проблем космического масштаба.

В конце концов, мне надоело выслушивать бредовые идеи своих коллег, и я бросил их на произвол судьбы в недрах своей усадьбы, а сам удалился к любимой жене, любимой тёще и горячо любимому сыну. До сеанса связи с Всемирным Советом Жизнеустроителей оставалось четыре дня.

* * *

Эта сингулярность была всего-навсего порождением великой, могущественной и бесконечно старой цивилизации Багнгов. Но, несмотря на это, имела имя. И существо это звали Малютка Кл.

Вернее, её даже нельзя было назвать существом. Она представляла, скорее, какое-то намерение жителей одной Вселенной, внедрённое в границы другой Вселенной, конечно, не без помощи всяких там технических штучек.

В этом новом, чужеродном, совершенно уродливом и бестолково организованном измерении, живущем по совершенно чуждым и несуразным законам, было нечто, без чего Великие Багнги никак не могли обойтись.

Их цивилизация уже прошла свой долгий путь. По законам Мира, одинаковым для всех вселенных, она должна была вот-вот угаснуть навсегда. Её время давно прошло.

В мире Багнгов не было галактик, звёзд или планет. Багнги и всё, что ими было создано, существовали во Вселенной, которая представляла собою бесконечный тороид, состоящий из струящихся потоков диковинных энергий. Но это было давным-давно. Тогда тороид светился ярче всех солнц этого занюханного мира. Бог наделил его, казалось бы, неисчерпаемым потенциалом. И Багнги использовали этот потенциал на полную катушку.

Триллионы поколений Багнгов создали цивилизацию, настолько изобретательную и мудрую, что, казалось, невозможно было кому-то ещё во всём обозримом мироздании достичь подобных высот.

Но время шло. Тороид тускнел, и сейчас вместо сверкающего некогда гигантского бублика он напоминал скорее издыхающую лампу дневного света, едва мерцающую в окружающей её кромешной тьме.

Однако Багнги не собирались сдаваться. Да, потенциал их мира иссяк, но процесс божественного творения шёл постоянно, и, следовательно, одновременно с миром Багнгов существовали совсем молодые, полные энергии миры. Там-то Багнги и решили красть недостающий потенциал.

Малютка Кл знала историю своего появления на свет. Она являла собой концентрированную волю своих хозяев, внедрённую в чужеродную Вселенную при помощи разных технических хитростей, на которые цивилизация Багнгов была великим мастером. Катастрофический недостаток энергии не позволял Багнгам проводить массированную экспансию параллельных миров, и тогда они нашли решение, при котором в молодую вселенную внедрялись только элементарные частицы, подобные тем, из которых этот мир состоял.

Малютка Кл появилась на свет, подобно другим своим братьям и сёстрам, одиноко пасущимся в этой вселенной, размётанными в виде самого обычного атома водорода. Этот атом отличался от других разве что тем, что был связан невидимой энергетической нитью с миром Багнгов, да наделён двумя неистребимыми качествами, отсутствующими у других атомов водорода.

Всепоглощающая жадность и Абсолютный голод - вот что являло собой это порождение Багнгов - эта сингулярность под именем Малютка Кл.

С первых мгновений своей жизни она жадно глотала излучения искрящихся звёзд. Силой

Великой воли, данной ей от рождения, притягивала космическую пыль. Не упускала ни единого проносящегося мимо космического тела, будь то мелкий камешек, заблудившийся в бескрайних просторах вселенной, или солидная комета, легкомысленно проигнорировавшая только что народившуюся крошку-сингулярность.

Малышке Кл всё было мало. Голод и жадность обуревали её. Она с вожделением облизывалась в своих мыслях, глядя на ближайшую жёлтую звезду с аппетитно кружащимися вокруг неё планетами-закусками. Часто мечтала она о том светлом времени, когда эта звезда попадёт в поле её тяготения. Но для этого необходимо было расти. Питаться и расти. Снова питаться и снова расти.

По космическим меркам ждать оставалось совсем недолго. И когда наступит долгожданный миг и жёлтое солнце - первая в её жизни звезда - исчезнет в утробе Малютки Кл, наступит её совершеннолетие, и возликуют уже все сингулярности, пасущиеся в этой вселенной, и тогда, возможно, виновница торжества получит новое имя.

До этого момента энергетическая ниточка, связывающая Чёрную дыру с миром Багнгов, бездействовала, давая возможность Малютке Кл набраться в весе и уже только потом заработать на полную мощь, поставляя в умирающий мир жизненно необходимый потенциал.

И никого - ни Багнгов, ни Малютку Кл не интересовал тот факт, что имя светила, которому суждено было стать первой жертвой новоявленной Чёрной дыры - Солнце.

* * *

Тамара Ивановна и Домбровский сидели в углу комнаты тихо, как мышки, и боялись пошевелиться. Таким торжественным и важным казался им исторический сеанс связи Властелина с Всемирным Советом Жизнеустроителей, на котором элита человечества должна была либо стать подмогой и опорой своему Властелину, либо сознаться в собственном бессилии и бросить его на произвол судьбы.

Сообразуясь с законом всеобщей пакости, произошло, конечно, второе.

Вердикт был недвусмысленным и не оставлял никаких надежд на возможность закончить жизнь естественной смертью, то есть умереть в возрасте лет восьмидесяти-девяноста в собственной постели.

Более того, самые точные приборы, имеющиеся в распоряжении жителей Земли, сумели обнаружить то место в космосе, откуда исходила предсказанная лаянцами угроза, и даже зарегистрировали микроскопические возмущения гравитационного поля планеты.

Получалось, что до финишной черты оставалось совсем немного.

Тамара Ивановна не выдержала и заплакала навзрыд.

- Господи! Да что же это такое творится! - запричитала она. - За что же им такое тяжкое будущее грядёт.

Домбровский тоже скуксился, из его глаз ручьём полились слёзы, и он, вспомнив о своём, каким-то скорее внутриутробным голосом заскулил:

- Оле-е-е-нька! Оле-е-е-нька!

Можно было даже подумать, что мои друзья были достаточно мужественными людьми. В столь жестокий час они переживали совсем не за себя, а за своих детей, внуков и любимых.

Я немного осерчал на них за то, что своими слезами они усугубили трагизм и без того безрадостного момента, и в голове моей возникла сварливая мысль:

«Посмотрим, кого вы будете поминать в тот миг, когда гравитация Чёрной дыры будет разрывать на части именно вас».

Но на словах, наоборот, ободрил их:

- Ладно! От судьбы не уйдёшь. Смерть не видать пока. Мы живы, здоровы, родня наша тоже, чего же раньше времени нюни распускать.

- Так ведь недолго осталось! Всех погубит «дырища» распроклятая, - не унималась Тамара Ивановна.

- Сколько осталось, столько осталось! - я был непреклонен и не выказал ни толики жалости. - Наше дело оставшиеся дни прожить не в слезах, а в борьбе, и не давать волю дурным мыслям, не создавать поганый мыслеобраз.

- Как не создавать, - ещё пуще разрыдалась Тамара Ивановна, - не себя - детей и внуков жалко!

- А мне - Оленьку! - в тон ей хныкал расклеившийся Домбровский.

- Что же вы не плакали раньше? Ведь знали, что они всё равно рано или поздно последуют в мир иной вслед за вами.

Эта мысль отвлекла моих друзей от преждевременных поминок по своей родне и поток слёз начал резко иссыхать.

* * *

Первосвет вошёл в тронный зал вместе с Наместником Тьмы.

Это был моложавый мужчина лет тридцати, блондин, с красивой ершистой причёской на голове, орлиным носом, выдающим принадлежность своего хозяина, скорее всего, к французской нации, тонкими, изящными губами и волевым подбородком, с ямочкой посредине. Ослепительно белые одежды, напоминающие римскую тогу, не могли скрыть мускулистого накачанного тела, покрытого к тому же красивым южным загаром.

Наместника Тьмы трудно было разглядеть, так как он весь был закутан в чёрный балахон с

надвинутым на глаза капюшоном, что делало его похожим на средневекового инквизитора. Однако каждый, кто взглянул бы на него, мог безошибочно угадать в Наместнике Тьмы человека старого и немощного, ибо такое его состояние, подобно запаху, исходило и распространялось вокруг.

Другие семь жрецов были уже в сборе и молчаливо дожидались главенствующих.

Зал, в котором встретились девять хранителей, повелителей, наставников, а может быть, управделами планеты Земля, походил скорее на увеличенную раз в сто кабину пилотируемого космического аппарата. А должен бы, наверное, походить на какие-нибудь княжеские, королевские или президентские апартаменты, которые гораздо больше подходили бы для такого значимого собрания.

Вдоль стен овального помещения располагались полки с фолиантами в толстых кожаных переплётах, потрескавшихся от времени. Рядом с ними на других полках расположились уже видеокассеты и лазерные диски. Чуть поодаль располагался шкаф с причудливыми разноцветными шарами разной величины. Шары покоились на плоских подставках, сделанных из какого-то металла, сильно смахивающего на золото, а сами при этом ассоциировались с обычным цветным, хоть и слегка подсвеченным, стеклом.

Рядом со шкафом на ажурных хрустальных ножках, напоминающих по форме незаконченную пятиконечную звезду, покоилась невероятных размеров столешница, на которой был установлен мощный компьютер.

Такую игрушку, явно из разряда «супер», можно увидеть разве что в засекреченных военных казематах, да и то вряд ли.

На экране монитора то там, то сям вспыхивали разноцветные звёздочки. Казалось, они возопили к людям: «Включите! Включите!»

На фоне такого дива стойка с самым заурядным телевизором, парочкой дивидюшников, доисторическим «видиком», более или менее современным музыкальным центром и старинным катушечным магнитофоном выглядела анахронизмом.

На этом ум обычного человека непременно бы тормознулся. Всё остальное, стоящее вдоль стен оборудование, все приборы, астрономические инструменты, да, может быть, и самые обычные, пусть и фантастического вида, декорации не вызвали бы у здравомыслящего землянина никакой реакции. Их землянину просто не с чем было бы сравнить. Такого в его повседневной жизни не только увидеть - представить невозможно.

Потолок, венчающий этот странный, по всем меркам, зал, походил на перевёрнутую мыльницу и был испещрён какими-то надписями, которые вряд ли под силу было прочитать кому-либо из жителей планеты: уж слишком витиеватыми выглядели неизвестные знаки для рационального рассудка землян.

Впрочем, эти знаки могли быть вовсе не буквами, а какими-либо цифрами или уравнениями, а может быть, и таблицами? Кто знает.

Посередине зала стояли два пустующих роскошных кресла, обитых материалом, напоминающим то ли войлок, то ли свалянный из ворсинок кокосового ореха - одно белого, а другое чёрного цвета.

Напротив располагались семь кресел, в которых уже сидели жрецы Белого Света. Кресла были сделаны из того же материала, но окрашены в классические цвета радуги.

Каждый из семи жрецов носил одеяния, соответствующие одному из цветов, и занимал соответствующее цвету его одежды кресло.

Когда Первосвет и Наместник Тьмы заняли свои места, каждый из семи жрецов приветствовал их, поочередно вставая и прикладывая правую руку к сердцу.

- Краснодар приветствует Вас, Первозванные!- произнёс человек в красном плаще. По его огромному росту, телосложению, чертам лица и чёрному, как смоль, вьющемуся чубу можно было предположить, что в его жилах течёт кровь донских казаков.

Если к тому же немного напрячь воображение: мысленно напялить на него мундир, сбоку привесить шашку, накинуть винтовку наперевес, вложить нагайку в руки, и всю эту красоту усадить на гнедого жеребца, то сходство с казачьим эталоном было бы полное.

- Оранже приветствует Вас, Первозванные!

Жрец в оранжевой тунике был китайцем. Невысокий рост, раскосые глаза, подобострастный и хитрый взгляд - нет, он точно не был японцем. Глаза японцев выражают либо любовь, либо уважение, либо непоколебимость. Да, это был китаец.

- Солнцесвет приветствует Вас, Первозванные!

Африканец носил жёлтые одежды. Его чёрная кожа блестела, будто была намазана оливковым маслом. Несмотря на свою молодость, ни телосложением, ни ростом он вовсе не напоминал секс-символ африканского континента. Особенно бросались в глаза причёска в стиле а-ля «битлз» и цвет волос - каштановый. Можно было подумать, что в столь юном возрасте этот человек уже знаком с воздействием хны.

- Зеленодар приветствует Вас, Первозванные! - изрёк старичок-боровичок в зелёном халате, под которым угадывались другие одежды, подобно луковой шелухе, окутывающие его тело. Редкие, седые, свисающие до плеч волосы, такие же редкие и седые усы с бородой, рост метр с кепкой и посох в

правой руке невольно наталкивали на сравнение со сказочным персонажем.

- Лазурь-хан приветствует Вас, Первозванные!

Для чего лондонский денди в безупречно сидящем смокинге из голубой парчи, накрахмаленной белоснежной манишке и белых шёлковых перчатках прибавил к своему имени приставку «хан», оставалось только догадываться.

Он явно был европейцем и всем своим обликом скорее напоминал президента Франклина, нежели гражданина Монголии.

- Синедым приветствует Вас, Первозванные! - проскрипел йогин в синей чалме и синей, отливающей перламутром набедренной повязке. По его поджарому, если не сказать иссохшему, телу в медицинских научных учреждениях студентам можно было бы изучать строение человеческого скелета. Глаза йогина, тем не менее, не выказывали никакого волнения по этому поводу и были спокойными и бездонными, как Марианская впадина.

- Фиол приветствует Вас, Первозванные! - сказал, словно отрапортовал, краснокожий индеец. Трудно было более точно определить его историческую нишу. Он мог быть ацтеком, майя или североамериканским индейцем. Одежда, в которую он был одет, не проливала на этот вопрос ни лучика света. Потёртые, давно вышедшие из моды, но кое-где ещё сохранившие свою первоначальную фиолетовую окраску джинсы «вранглер» и новенькая фиолетовая футболка китайского производства стоимостью в один доллар не давали возможности строить какие-либо предположения на этот счёт.

После приветствия все девять человек, сидящих в зале, с минуту сидели молча, полуприкрыв глаза. В этот момент они медитировали, а возможно, молились.

- Да прибудет с нами дух Созидателя!

- Заверяю вас, что причины, по которым мы с Наместником тьмы прервали ваш заслуженный отдых, весьма и весьма уважительны, - Первосвет обвёл взглядом аудиторию, одновременно сжал правую руку в кулак и осторожно ударил им по подлокотнику кресла. - Много тысячелетий наш Орден выполнял возложенную на него миссию - хранить и лелеять человеческую расу до того момента, как она будет готова сдать экзамен на зрелость и перейти на новый уровень бытия, где ей уже не понадобятся опекуны. Два года назад экзамен начался. С тех пор мы в отставке, мы ушли на покой, нам предоставлен бессрочный отпуск. Нам запрещено вмешиваться в дела людские и уготована роль наблюдателей. Экзамен, как вы знаете, должен проходить в стерильных условиях, но сегодня под угрозой не только святая святых - чистота процесса, но сама жизнь на этой планете. Поэтому мы здесь.

Тут Первосвет повернул голову в сторону Наместника Тьмы, как бы передавая ему слово.

- Грядёт апокалипсис. Грядёт Армагеддон. Близок конец Света, - начал Наместник. - Чёрная дыра поселилась в зоне причинного воздействия нашей звезды - Солнца. Это не оставляет нам никакого шанса. Дни наши сочтены. Всех засосёт проклятая бестия, и сроку нам отпущено немного: я думаю, года два пройдёт до того момента, как мы ощутим на себе первые гравитационные возмущения.

Десятки тысяч лет наш Орден посвятил взращиванию человечества. Но, к сожалению, на своём эволюционном пути люди сделали только первый шаг. Они не знают ещё о возможностях путешествий в параллельные миры и другие измерения. Им не удастся исчезнуть из зоны поглощения, а мы не в силах нарушить вселенские законы и помочь им. Я представляю здесь Властителя Тьмы. И он настоятельно просил напомнить, что Чёрные дыры не являются порождением Тьмы, которой он повелевает, Тьмы созидательной, Тьмы, несущей максимальный потенциал, Тьмы, из которой в конечном итоге изливается свет. Они, скорее всего, являются порождением Тьмы Абсолютной, Тьмы Нетворящей, Тьмы Вечной. И ещё! Я воспользуюсь Правом, предоставленным мне Властителем Тьмы, я не покину Землю и останусь с людьми до конца.

Наместник Тьмы замолк и склонил голову.

- Вы - избранные! - вновь взял слово Первосвет. - Вам, как никому, понятно, что грядущее неотвратимо. В галактике нет силы, способной противостоять Неведомому. Но мы знаем также, что будущее не предопределено. Никто не скажет, что будет завтра или через год. Следовательно, наша задача состоит в том, чтобы максимально отдалить гибель человечества или хотя бы отдельных его индивидов, способных впоследствии продолжить род людской. Да пребудет с вами мудрость Создателя.

Первосвет простёр руку в сторону Краснодара. Тот встал, как школьник, поправил рукой свой непослушный чуб и сказал:

- Нет силы, способной остановить надвигающуюся катастрофу. Я принимаю судьбу людей, как свою собственную, и остаюсь с ними до конца.

- Нет спасения! Я отрекаюсь от человечества, и в тот момент, когда изменение гравитационного поля нарушит поверхностное натяжение земной коры, когда раскалённая магма вырвется на поверхность планеты, сжигая всё и вся, я перейду в тот мир, откуда пришёл. До тех пор я с вами, - это уже был «китаец», он плюхнулся в кресло, подпёр висок пятернёй и закрыл глаза. Из-под редких ресниц дождём заструились слёзы.

По всему было видно, что такое решение далось ему нелегко, и будь его воля, он бы жизни не

пожалел, чтобы спасти тех, кому было посвящено всё его существование.

- Нет спасения! Я остаюсь, - негр в жёлтом гордо поднял голову, хотя гордиться здесь явно было нечем.

- Я пригожусь ещё на своей зелёной планете, - старичок-боровичок скривил гримасу, которую можно было принять, как за безобразную улыбку, так и за выражение глубокой скорби.

- Мы так просто сбрасываем со счетов Властелина этой планеты - Константина Матвеева? Сейчас не до великих секретов. Даже, если о нас узнают все жители Земли, от этого ничего не изменится, - Синедым попробовал увернуться от прямого ответа. - Может быть, его следовало пригласить на наше собрание?

Послышался лёгкий смешок и недовольный ропот.

Индеец тут же взял на вооружение уловку йогина:

- Я слышал, что статистика наблюдений за Чёрными дырами наконец сформирована Созидателем. И при этом косвенно определено одно свойство Чёрных дыр. Так ли это, Первозванные?

- Да, это так, - сдержанно произнёс Первосвет.

Наместник тьмы, без особой охоты, пояснил:

- Чёрные дыры поглощают всё, что попадает в зону их причинного воздействия, начиная от фотонов света до звёздных систем. Однако с некоторой долей вероятности можно предположить, что элементарные частицы, космическая пыль, астероиды и даже планетные системы не являются целью порождения Тьмы Абсолютной. Им нужны только звёзды. Именно за ними идёт охота. А звёзды, как известно, служат проводником потенциала от Созидателя к низшим мирам. Потенциал - вот цель Чёрных дыр.

- Солнце, к несчастью, является самой ближайшей звездой к вновь образовавшейся сингулярности. Все устремления Чёрной дыры направлены теперь на него, - с грустью в голосе добавил Первосвет.

- Но ведь тогда напрашивается одно единственное решение, которое позволит дать человечеству хоть какой-то шанс. Появляется возможность на мгновение отдалить гибель расы, - почти выкрикнул Краснодар.

- Хорошо, что ты произнёс эти слова за меня, жрец, - Наместник Тьмы, с благодарностью, едва заметно склонил голову в сторону Краснодара. - Мы собрались здесь не для того, чтобы расписаться в собственном бессилии. Мы должны принять решение: будем ли мы просить Созидателя о том, чтобы он прервал нить Луча Творения в направлении Солнца и погасил наше светило.

В зале воцарилась гробовая тишина.

- Но ведь это смерть для всей планетарной системы! - выкрикнул Зеленодар, первым нарушив молчание.

- И что будет с теми мирами, на которые перенацелится Чёрная дыра? - задумчиво произнёс Фиол, со страхом думая о судьбе мира, из которого он явился на Землю?

Наместник Тьмы поднял вверх правую руку, призывая жрецов к спокойствию:

- Это единственный путь, который может дать человечеству отсрочку. Есть надежда на спасение, и мы не можем ею пренебрегать.

Первосвет не остался в стороне и пояснил:

- Светило не угаснет сразу, оно будет светить ещё тысячи лет, постепенно теряя свою яркость. Когда начнётся оледенение планеты, часть человечества сможет создать подземные города. Чем сильнее будет остывать Земля, тем глубже придётся зарываться. Но это шанс! Сингулярность может быть дезориентирована. Если она перестанет воспринимать Солнце как источник потенциала, то появится вероятность, что Чёрная дыра переключит своё внимание на другую, ближайшую к ней звёзду, а расстояние до неё составляет не два парсека, как до Земли, а тридцать пять. Для того чтобы захватить новую жертву в свою гравитационную ловушку, малютке-сингулярности придётся подрасти, а для этого многие годы ей придётся питаться космической пылью. Вот это уже не малая отсрочка для человечества. Это шанс!

- Понятно. Но ведь Солнце не утратит свой потенциал сразу. Да, он будет угасать, но он же будет оставаться в системе, значит, он останется неким соблазном, ориентиром для дыры! Как быть уверенным в том, что этот остаточный потенциал всё-таки не привлечёт внимание Чёрной бестии? - обратился к Первозванным Лазурь-хан.

Наместник Тьмы подумал мгновение и молвил:

- Разве будет рыбак ловить ту рыбу, которая уже плавает кверху брюхом?

- Ну, мы не знаем, чего он там будет ловить, но у нас вариантов нет!- подвёл итог Первосвет. - Нет других путей. Мы можем только уповать. Но что мы должны, так это принять решение. Вместе. Да пребудет с вами мудрость Созидателя!

В зале вновь воцарилась тишина.

- Быть по сему!

- Быть!

- Нет другого пути!

- Да упокоится Светило!

- Смерть Солнца во имя жизни людской расы? Я говорю да!

- Да!

- Возможно, нам посчастливится!

Семеро жрецов Белого Света одобрили предложение Первозванных.

- Сегодня мы будем просить Созидателя. Да простит нас источник жизни! - подвёл итог Первосвет.

* * *

- Они что там, с ума посходили? - выкрикнул я в сердцах и резко вскочил с кровати. Сон как рукой сняло.

Тамара Ивановна услышала мой вскрик, бросила шеборшать посудой и заглянула в комнату.

- Костя! Вам что, дурной сон приснился? - по-матерински участливо спросила она.

Домбровский, разбуженный моим криком, с недоумением таращил на меня из-под одеяла один глаз. Второй - по-прежнему спал.

Что случилось? - он открыл второй глаз, который так же, как и первый, тупо уставился на меня. - Что, последний день настал?

Я почувствовал в словах Домбровского страх, мне стало смешно, и я улыбнулся.

- Да так, ничего! Просто глупый сон приснился, - я решил не волновать своих друзей, которые, судя по реакции Домбровского, и так находились в напряжении и ожидали конца Света со дня на день.

- Ну, слава Богу! А то я уж подумала, не стряслось ли, однако, чего, - Тамара Ивановна исчезла за дверью и вновь принялась бренчать мисками.

Я снова шмякнулся в кровать, бросил мимолётный взгляд на Домбровского, увидел, как его глаза отгородились от этого мира светонепроницаемыми шторками, и принялся размышлять.

Дело пахло керосином.

До сегодняшнего утра я и понятия не имел о существовании каких-то жрецов, которые управляли миром. И не удивительно. Ведь когда на Землю обрушилось лаянское испытание, я, волею судьбы, просто занял их место, а они ушли, исчезли из нашей жизни.

Это можно было объяснить: наши пути не пересекались. Когда миром правили они, я был обыкновенным человеком, причём самым средненьким. Когда я стал Властелином, жрецы отправились на пенсию, чтобы, сидя в райских садах, наблюдать за ходом испытаний, которые обрушились на наши головы.

Программа, которую я создал - желание, высказанное вслух, - неутомимо охраняла меня от всяческих коллизий; и в тот момент, когда жрецы собрались на своём вече, она безошибочно вычислила их и подключила к моему сознанию.

После незримого присутствия в овальном зале на собрании наипервейших особ у меня создалось впечатление, что я стал участником клоунады балаганного представления - настолько несерьёзным показалось мне отношение тех, кому доверено присматривать за человечеством, к возникшей угрозе.

Я понимал, что Дыра - это реальность. Дыра - это угроза нашему существованию. Но перспектива жить с угасающим светилом меня не прельщала уже тем, что моему малышу и моей любимой жене остаток дней придётся прозябать глубоко под землёй, не видеть синего неба, лёгких белых облаков и прекрасных грозовых туч, исторгающих из своих напитанных тел стрелы молний и грохот тысячи орудий. Им не придется вдыхать запах зелёного весеннего леса и морской воды - ничего, что питает нашу любовь к окружающему миру и делает нашу жизнь незабываемо приятной.

До обеда я был сам не свой. Я бесцельно шатался по дому, мешая Домбровскому и Тамаре Ивановне заниматься хозяйственными делами. То я протаптывал тропинки на грядках в тающем снегу, словно стараясь приблизить наступление весны. То даже пытался поработать лопатой, но каждый раз ловил себя на мысли о том, что подсознательно все мои действия были продиктованы одним - страхом ожидания момента, когда родное светило начнёт меркнуть.

За обедом я не выдержал и рассказал обо всём своим друзьям. Их настроение, которое начало было идти на подъём, стремительно рухнуло вниз. Казалось, они полностью уверовали в неотвратимость скорого конца, и каждый из них мысленно начал шить для себя погребальный саван.

Однако букашки семенят ножками и трепещут крылышками до самого конца. То же и человек. Надежда умирает вместе с ним.

- Костя! - сказала Тамара Ивановна загробным голосом. - Вы же над всеми нами, над всем миром Властелин. И у людей нет никакой защиты, однако, кроме Вас. Так не сидите сложа руки! Сделайте что-нибудь, Христа ради!

Это была уже не просьба, а требование - первая ласточка грядущего мирового беспорядка, когда уже жители всей планеты выступят с аналогичными требованиями. И мне придётся либо успокоить их, приглушив их рассудок, либо повиниться перед ними и взойти на Голгофу. Меня не устраивало ни то, ни другое. Но мой ум попытался увести меня от ответственности и всё-таки заставил мой речевой аппарат проблеять омерзительным голоском:

- Я бы рад действовать, но, видит Бог, не знаю, что я могу сделать в этой ситуации.

- Вы же говорили, Константин, что лаянцы обещали вам помочь в любую минуту, по первому вашему требованию, - подал голос Домбровский.

- Говорил, и что?

- Ну и попросите их, чтобы они устроили вам встречу с Созидателем. Разнюхаете, что и как. Может, что-то прояснится. Всё одно лучше, чем на огороде грядки топтать.

- Правильно, Витенька! Молодец! Умница!

Тамара Ивановна подошла к Домбровскому, по-матерински обняла его, чмокнула в макушку, потом повернулась ко мне, упёрла руки в бока,

приняв воинственную позу, и бросила в мою сторону:

- Вот кого надо во Властелины-то произвести, однако.

Гнев, беспробудно спящий где-то глубоко внутри моей личности, краем уха уловил эти слова, встрепенулся, сбросил с себя сон, в мгновение ока вырос до невероятных размеров и полностью завладел мною.

Робкая попытка стать на мгновение осознанным, увидеть гнев со стороны и тем самым лишить его силы, не увенчалась успехом.

- А не превратить ли вас в лягушку, дорогая Тамара Ивановна? - я ощерил зубы, недвусмысленно давая понять, что именно в этой шутке содержится неимоверно большой процент правды.

Но Тамара Ивановна не сдавалась:

- Хоть в жабу превратите, всё одно недолго осталось! Да и в жабу, однако, легче превратить, чем с проклятой Дырой воевать!

Я на мгновение представил, что стало бы сейчас со мной, имей Тамара Ивановна мою силу и власть над людьми - прыгал бы по полу на четырёх лапках и громко квакал.

Гнев тут же испугался наплывшего видения и от греха подальше спрятался в своих апартаментах.

- Молодцы! Убедили! Принимаю ваше предложение как руководство к действию! - я улыбнулся самой миролюбивой улыбкой, на какую только был способен.

- Витенька хороший мальчик, но наш Властелин - Вы, Костя, и другого у нас не будет. Так что Вы не обижайтесь на мои слова. Ладно? - сменила гнев на милость Тамара Ивановна.

* * *

Весна давно оставила позади своё детство, отрочество и юность. Развиваясь по вселенским законам, она достигла зрелого возраста, да и тот уже подходил к концу.

Деревья, ещё недавно посыпающие обильно своими серёжками дорогу перед домом, уже зазеленели во всю, а тёмные ели начали удлинять свои веточки светло-зелёными, иногда почти голубыми побегами.

Встречи с лаянцами стали для меня делом уже почти привычным, но в то же время - глубоко интимным. Я не хотел встречаться с ними в присутствии кого бы то ни было. Поэтому я оставил своих друзей на произвол судьбы и ранним утром ринулся навстречу неизвестности. Солнце ещё не встало, но сумеречным, всё разрастающимся светом уже возвестило о своём приближении. Вот так, буднично, натянув резиновые сапоги, набросив куртку с капюшоном, осторожно, стараясь не шуметь, Властелин покинул свой любимый дом.

Во всём диапазоне частот, который воспринимали мои уши, стоял птичий гомон и щебет. Соловьи высвистывали свои классические трели. Пичуги чирикали на все голоса. Кукушка расстраивала стройный птичий хор своим монотонным и нудным речитативом. Чёрные вороны где-то на верхушках деревьев воспитывали своё потомство и курлыкали непривычно красивыми голосами.

Всю эту неповторимую музыку природы нарушал доносящийся со стороны моего дома лай собак, которые были возмущены тем, что я не взял их с собой. Да ещё добавлялся ультразвуковой фальцет комаров, кружащих вокруг меня призрачным шаром.

Вешние воды оставили в лесу свой мокрый след большими лужами и маленькими озёрцами, поэтому, чтобы добраться до места назначения, мне пришлось иногда перепрыгивать с кочки на кочку и искать обходные пути.

Наконец заветная поляна, окружённая по периметру старыми и мудрыми берёзами да елями, предстала моему взору.

Пенёк, на котором я имел обыкновение сидеть, пока собачки носились вокруг, как угорелые, стоял на своём привычном месте - посередине поляны. Диаметр его составлял больше метра. Оставалось только догадываться: кто и зачем спилил некогда стоящую здесь красавицу ель, а главное - как ему удалось укорячить отсюда этакую махину?

Я огляделся, потом прислушался и успокоился - представителей людского рода поблизости не было ни видно, ни слышно.

Пень оказался мокрым. Брезентовые рукавицы, которые я на всякий случай таскал в кармане, сыграли роль спасительной прокладки между пнём и моими ягодицами.

Однако усидеть на месте оказалось совсем непросто. Комариный эскорт, сопровождающий меня всю дорогу, увидев во мне целую гору вкусной и калорийной еды, тут же свистнул на подмогу своих собратьев со всех окрестных лесов. Те, будто воспользовавшись нуль-переходом, тут же материализовались в непосредственной близости от меня.

Пришлось попросить веточек у ивы, растущей на свою беду на краю поляны подле небольшого ручья.

С таким оружием комариное войско справиться не могло. Лишь отдельные отчаянные его представители, прорвавшиеся через непреодолимый заслон, находили свою погибель между огромной наковальней, коей служило моё лицо, и всесокрушающим молотом в виде моей руки.

Я высказал желание о немедленной встрече с лаянцами.

Они, видимо, следили за кровопролитным сражением между мною и комариной ордой,

переживали за меня и чувствовали, что силы неравны и рано или поздно Фортуна отвернётся от Константина Матвеева. Наверное, поэтому, не мешкая, они воплотились в нашем мире.

Впервые я увидел лаянцев не в темноте собственного дома, а в лучах восходящего солнца, которое успело за это время не только стремительно выскочить из-за горизонта, но и приподняться над ним, позолотить верхушки деревьев и пробить некоторыми своими лучами дырки в, казалось, непроницаемом тёмном лесу.

На сей раз, к моему удивлению, они предстали передо мной не в виде синюшных полупрозрачных привидений, а вполне реальными существами, которых несведущий человек вполне мог принять за своих собратьев.

Кожа лаянцев при дневном свете казалась того же цвета, что и у любого европейца, только чуть более бледной.

Синие в ночной темени халаты, в лучах солнца источали пурпурный цвет. Они были расшиты мелкими, неописуемой красоты самоцветами, а может быть, и драгоценными камешками, отдельные группы которых образовывали на поверхности халатов фигуры, сильно смахивающие на пантакли. Полы халатов утопали в мокрой траве.

Диванчик, на котором обычно восседали три Мудреца, видимо, сдали в лаянскую комиссионку. Теперь их тела утопали в роскошных креслах, сделанных из тончайшей серебристой кожи неведомых галактических зверюшек, хотя, вполне может быть, искусственной.

Мудрецы открыли глаза.

- Да пребудет с тобой мудрость Созидателя, Властелин планеты Земля! Мы слушаем тебя.

Я на мгновение растерялся, не зная, как сформулировать свою просьбу, но собравшись с мыслями, произнёс тихим просящим голоском:

- Я хочу... Я требую встречи с Созидателем ... У меня к нему дело.

Лаянцы не стали медлить с ответом:

- Созидатель предвидел твоё желание и заранее уполномочил нас донести до тебя ответ. Встрече быть. Где и когда произойдёт эта встреча ведомо только Ему. Ты должен быть готов к этому в любое мгновение. Что-нибудь ещё?

- Нет! Это всё. Спасибо вам за то, что явились ко мне.

- Да удостоишься ты имени Победитель! - лаянцы без лишних церемоний растворились в окружающем пространстве.

«Это скорее к Домбровскому. Он же Виктор, Победитель, то есть», - подумал я, и лёгкая зависть к молодому дарованию обволокла меня с ног до головы.

Мысли о том, что Домбровскому и тут повезло, не покидали меня до самого дома. И действительно, мало того, что этот дар от природы свалился на него, так и именем его нарекли таким, которое мне ещё только заслужить надо, и то, если повезёт.

Ум, как мог, успокаивал меня. Он принёс поток замечаний, суть которых сводилась к тому, что и я не обделён: Властелин мира, как-никак. Куда там Домбровскому до меня с его мелким талантишкой! Но разум - антипод ума - чётко разделил: у Домбровского дар, хочешь - используй, а хочешь - нет. А у меня-то обязанность, работа, ответственность, наконец!

Собаки учуяли меня за версту, и обеспокоенные предчувствием того, что их утренняя прогулка накрылась медным тазом, подняли невероятный шум, состоящий из лая, рычания, подвывания и скулежа, сопровождаемых неистовой вознёй - имитацией свирепой драки.

Мои друзья уже встали, сотворили все необходимые утренние процедуры, но завтракать ещё не садились, стоически дожидаясь меня, но меня это мало волновало, ибо все помыслы мои были направлены сейчас только на одно - на предстоящую встречу с Созидателем.

Так прошёл день, за ним второй. Всё это время я ожидал.

Дела не делались, всё валилось из рук. Мозг работал в форсированном режиме.

С одной стороны, эта встреча была желанной, и я жаждал, чтобы она произошла как можно быстрее, с другой - я всё ещё не имел понятия, о чём буду говорить с Созидателем, о чём буду просить Его.

И хоть я, томимый ожиданием, за истекшие дни не ударил палец о палец, к вечеру на меня навалилась такая усталость, какая возникает обычно после разгрузки двух-трёх вагонов с цементом, я мог сравнивать, имел такой жизненный опыт.

После ужина, который и ужином-то назвать можно было с большой натяжкой, так как в рот не лезло почти ничего из того, что было на столе, я бросил своих друзей и без объяснения причин завалился спать. Сон пришёл сразу. Удивительный и прекрасный, он унёс меня туда, куда я так стремился, туда, где жила, как мне казалось, последняя надежда обречённого человечества.

* * *

Я осознавал, что сплю. Тело моё расслабленно распласталось на постели. Одеяло было откинуто в сторону. Кончики пальцев на руках и ногах слегка подрагивали. Из носопырки доносилось едва слышное сипение.

Муха, будь она неладна, с наслаждением путешествовала по моей суверенной территории.

Моё тело спало. Но то, что всегда ощущалось как «Я», бодрствовало. Оно видело и слышало, удивлялось и размышляло.

Вот Тамара Ивановна на кухне моет посуду, а Домбровский на улице, за воротами, втихаря потягивает дамскую, тоненькую, как спичка, сигарету. Пристрастился, деревенщина, к курению и ведь зачем-то скрывает от нас. Собаки в вольере от безделья тискают друг друга. Солнце устало клонится к горизонту, а с востока медленно тянутся серебристые облака, неся с собой жару и сушь.

Пожелание очутиться рядом с женой и сынишкой сбылось незамедлительно. Рита принимала ванну, а сынишка ползал по бабушке, сидящей в кресле перед телевизором, кусал её, тормошил и при этом восторженно верещал.

Вдруг неведомая сила схватила меня, словно в тиски, хоть и совсем не больно, и стремительно набирая скорость, потащила вверх. Через секунду я видел родной город с высоты птичьего полёта. Ещё через мгновение я уже видел всю Землю целиком, вместе с выглядывающей из-за неё луной и Солнцем.

Скорость увеличивалась стремительно, но физических ощущений не было никаких.

Вот уже и звёзды несутся навстречу - одна, вторая... Вскоре их невозможно было сосчитать. Мало того, что число их неизмеримо возросло, но, вдобавок ко всему, все они вытянулись в миллиарды ярких светящихся линий, которые начинались в одной бесконечности и стремительно убегали в другую.

Это видение существовало не долго. Вскоре всё затмил хаос, ничего невозможно было разобрать. Что-то начиналось и умирало, что-то исчезало, ещё не появившись, а кто-то призывал меня к себе всё настойчивей и категоричней.

Вдруг всё исчезло разом.

Вместо невообразимой неразберихи возник пейзаж.

Я, или что там от меня осталось, завис метрах в ста от поверхности какой-то планеты, которая отдалённо напоминала Землю. Она представляла собой удивительно ровную поверхность без каких-либо холмов и впадин, покрытую очень яркой зелёной растительностью.

Вдалеке виднелись купола, напоминающие огромные надувные сооружения. Они имели форму полусферы. Две - совершенно красного, а три - абсолютно белого цвета.

Небо было точь-в-точь таким, как и на Земле.

Но что-то в этом пейзаже настораживало. Что-то совсем не походило на родную мне планету. Наконец до меня дошло - линия горизонта! Она была или очень далеко, или её не было вовсе. Поверхность планеты была совсем плоской.

В голову пришла глупая мысль о том, что, возможно, это как раз то место, которое покоится на трёх китах.

Неведомая сила осторожно повлекла меня вниз, к тверди.

Тело беспрепятственно проникло сквозь густую крону неведомых деревьев и опустилось на идеально подстриженный подлесок.

Когда ноги коснулись земли, я взглянул на них и ахнул - красивейшее необычное трико обволакивало и подчёркивало и придавало им безупречные формы.

Я перевёл взгляд на туловище. Оно было облачено в нечто подобное.

Мой разум стушевался, ведь я хорошо помнил, что ложился спать раздетым, в одних трусах. Кто и когда обрядил меня в необычное одеяние, осталось для меня загадкой.

Поняв, что эту загадку мне разрешить не по силам, я принялся осматриваться по сторонам. Стволы деревьев были на удивление ровными, почти цилиндрическими. Кроны их скрывали голубое небо, чуть ли не полностью, однако под кронами было не так темно, как в наших среднерусских чащобах. Свет струился отовсюду.

Обернувшись вокруг, я заметил красивую белую скамейку, которая стояла под одним из деревьев. На скамейке сидел человек. Он улыбался приветливой улыбкой и манил меня пальцем.

Я зачарованно пошёл к нему.

Это был обыкновенный человек, в таком же одеянии, как и я. Лицо обыкновенного русского парня, лет тридцати, было растянуто в широкой улыбке. Он жестом пригласил меня сесть.

Я примостился рядом, вполоборота к нему и, не найдя ничего лучшего, спросил:

- Здравствуйте! А вы кто?

- А ты кого здесь ожидал увидеть? - делая акцент на слове «ты», спросил он, не переставая улыбаться.

- Никого не ожидал, - растерялся я, - я спал и мне снится этот сон.

- Твоё тело и сейчас спит за сотни тысяч световых лет отсюда, а ты, твоя сущность - здесь, перед тем, встречи с коим ты искал. Я слушаю тебя.

- Так это не сон? А вы - Созидатель? - я растерялся ещё более.

- Слушай, парень, не томи. Врубайся поскорее. Меня дела ждут! - улыбка исчезла с лица человека.

Такой оборот дела - человек, говорящий по-русски чуть ли не на блатном жаргоне, незнакомая планета, и, главное, моя неподготовленность к этому событию - сбили меня с толку. Мне стоило больших трудов, чтобы понять, что всё это реальность, и собраться с мыслями.

- Уважаемый Созидатель, - начал я, как прилежный ученик, - всё дело в том, что в окрестности нашей солнечной системы возникла Чёрная дыра и ...

- Слушай, Константин! - перебил меня человек, который явно не вписывался в образ Бога. - Во-первых, не верти головой. Это всё вокруг это всего

лишь бутафория, декорации, которые я создал специально для этого случая. Они немного похожи на твой мир и поэтому не должны шокировать тебя.

Во- вторых, я знаю про все Чёрные дыры, которые пожирают созданное мною. Но я к этому привык, тем более, что ничего не могу с этим поделать. Примерно сотая часть, созданных мною творений исчезает бесследно и навсегда. Эта печальная участь постигла уже миллиарды миров. Но и в вашем мире вы собираете не весь урожай. Часть его гибнет безвозвратно от существующих вредителей. Даже созданные вами машины не все умирают естественной смертью, многие попадают в аварии или ломаются. Всегда есть издержки. Я не творил подобных законов, но, возможно, их создал Непостижимый, тот, кто сотворил саму жизнь. Да, вас ожидает печальная участь, но это всего лишь частный случай.

- Но я же должен спасти нашу планету, наше солнце, людей, наконец, и для этого мне нужна ваша помощь!

Мне показалось, что я перебил Созидателя, но он, похоже, никак не отреагировал на эту бестактность.

- Я слушаю тебя, Константин!

- Я, собственно, не знаю с чего начать, но знаю точно, что я самый обыкновенный человек, а чтобы победить, я должен стать почти богом. Сделайте меня просветлённым. Самому мне для этого могут понадобиться миллионы жизней, а время не ждёт.

- На Земле достаточно просветлённых людей. И что? Одним больше, одним меньше.

- Да, но они не несут ответственности за жизнь людской расы, а я всё-таки Властелин.

- Ты просто видишь мир как скопище частностей, а он един! Когда ты станешь просветлённым, ты поймёшь это, осознаешь единство жизни и смерти, бренность всего сущего. И вот тогда-то тебе, наконец, станет решительно всё равно, кто победит в неравной схватке, Чёрная дыра или ты. Если хочешь сражаться, оставайся таким, какой ты есть.

Я молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

- И ещё одно! Есть закон, согласно которому просветленным ты сможешь стать, но только благодаря работе над собой, собственному труду. Или же ты будешь дожидаться окончания эволюционного процесса, который тоже приведёт тебя к тому же результату, но за более длительный срок. Этот закон создал не я, и я не могу его отменить.

Вот, значит, так? Ход в разговоре снова перешёл ко мне! И что было в этом толку? Ну, вот я послушался совета Домбровского и встретился с Творцом нашей Галактики, а итог? Конечно, экспромтом встретился, на авось, а вдруг Он что-нибудь подскажет, чем-нибудь поможет. Ага, помог...

Я понял уже, что эта акция была моей ошибкой. Нельзя было тревожить высшие силы, не имея чёткой формулировки вопроса, главного вопроса, ответ на который помог бы решить все проблемы.

Тут же память извлекла из своих тайников изречение: «Правильно поставленный вопрос уже содержит в себе ответ».

Да, именно так.

Мысли лихорадочно сменяли одна другую. Пауза слишком затянулась. Я понимал, что нельзя так злоупотреблять вниманием Бога.

Вдруг пришло понимание: если вопрос уже содержит в себе ответ, то это означает одно - я сам должен найти решение. Это приговор мне и только мне! А вот для реализации спасительного решения можно обратиться за помощью к соседям, армии или Богу, к кому угодно.

- Извините меня. Я был не готов к этой встрече, - тихим голосом вымолвил я, разглядывая при этом почву под ногами.

- Неужели ты думаешь, что я не знал этого? Всё же я встретился с тобой в надежде, что ты поймёшь это. Если бы ты не понял этого, то я бы не стал тебе подсказывать. Таковы условия. Не забывай, что Земля проходит испытание независимо от того, есть поблизости Чёрная дыра или нет.

- Да! Да! Я осознал. Разрешите идти? - по-военному спросил я.

- Иди! И не забывай, что всё в твоих руках. Ты должен найти решение, а я, если что, подсоблю.

Неведомая сила подхватила меня, осторожно вознесла на стометровую высоту, дала возможность долю секунды полюбоваться искусственным ландшафтом и со сверхсветовой скоростью отправила меня в обратный путь.

Я проснулся в своём собственном доме, в своей собственной кровати в восемь часов утра. Солнце уже давно встало. Мои друзья тоже. Я открыл глаза и всё вспомнил. Да! Это был не сон. Я действительно удостоился Божественной аудиенции.

Воспоминания заполонили моё сознание. Эго ликовало: надо же, его хозяина принял сам Господь. Мало того, что удостоил вниманием, ещё создал специально для него целую планету, сам предстал в человеческом обличье, хотя наперёд знал, что визит пустым будет, а всё же принял.

Постепенно переживания минувшей ночи отступили на второй план, а на их место пришли тоска, растерянность и печаль.

«Кто я такой? Что возомнил из себя? Всех моих заслуг только и всего, что самым средним оказался. Даже путёвого вопроса не смог задать Созидателю», - корил я сам себя.

Всё вернулось в ту же самую точку, откуда и началось. И опять над моей головой завис дамоклов меч. Да и над семью миллиардами голов моих сопланетников - тоже.

Полная безнадёга.

Я поднялся с постели, в чём был, вышел на улицу, добрёл до душа, ополоснулся и только потом заметил, что Тамары Ивановны и Домбровского нет ни дома, ни на улице.

Я зашёл в дом, и тут мои проснувшиеся глаза увидели лежащий на столе клочок бумаги, на котором Домбровскими каракулями мне сообщалось, что мои друзья утряслись в город на рынок и будут, скорее всего, к обеду.

Рядом с запиской стояла тарелка с весенним салатом. Зелёный лучок, укропчик, редиска и щавель, приправленные сметанкой, издавали неповторимый аромат. Рядом в малюсенькой пиалке лежали три ягодки «виктории» - первый признак урожая этого года.

Негативные эмоции по поводу своей слабости и никчемности не помешали, однако, смять всё это с превеликим удовольствием, запив холодненьким самодельным квасом, на который Тамара Ивановна была большая мастерица.

Я чувствовал предрасположенность к безделью, но сложившиеся обстоятельства - отсутствие дома моих друзей - вынудили меня использовать свободное время с толком и попытаться решить набившую оскомину проблему.

Приняв горизонтальное положение, я высказал желание, согласно которому мой мозг вновь должен был задействовать все свои резервы и дать мне ответ на вопрос, как победить Чёрную дыру.

Ввиду важности решаемой проблемы я набрался решимости и определил время нахождения в запредельном состоянии не одну минуту, как было ранее, а целых полторы.

Я знал, что могу погибнуть, если организм не справится и не поставит мозгу необходимое количество энергии, но это меня не страшило.

В конечном итоге вскоре нам предстояло погибнуть всем, и моя смерть сегодня была бы просто избавлением от предстоящих мук. Конечно, стыдно было умереть трусом, сбежавшим с поля боя, но... гибель не была моей целью.

Руки и ноги начали холодеть, как и раньше. Чуть ниже пупка образовалась и стремительно нарастала ледяная глыба. Это мозг отбирал энергию у тела, чтобы решить поставленную перед ним задачу.

Голова налилась жаром и истекала потом. Мысли сделались необычайно тяжёлыми, но и невероятно подвижными.

Несколько секунд мозг производил настройку и за это время прогнал через память всю заложенную в нём информацию. Он искал, за что зацепиться.

И вот наконец в моём сознании возник устойчивый образ. Это был прыгун. Спортсмен. Человек, прыгающий через рейку.

Вот он успешно взял первую высоту, вторую, третью, но четвёртая высота никак не хочет покоряться ему. Он тренируется месяц, год, десять лет - высота не сдаётся.

Измученный человек стареет, ему уже пора на заслуженный отдых, и высота так и остаётся непокорённой.

Видение возникло в моём сознании раз, потом начало повторяться с самого начала, затем снова и снова.

Прошла примерно минута, но я так и не смог постичь смысла увиденной картинки.

«Что это значит?» - иссохшими губами прошептал я.

Но перед глазами стояло всё то же действие. Прыгун и высота.

Я понял, что не получу ответа на поставленный вопрос. По всей вероятности, мой мозг, мой ум сами не знали, о чём идёт речь и откуда взялась навязчивая картинка. Бедолаги! Ведь мозги мои принадлежали мне - среднему человеку и сами, как следствие, были средними. Чего с них взять?!

Полторы минуты истекло, и я не иссяк, не погиб. Более того, я даже не ощущал предсмертного состояния. Видимо, возмужал за истекшее время.

Голова быстро остывала, а руки, ноги и низ живота впитывали в себя освободившуюся энергию. Люто хотелось есть.

Как только я вновь приобрёл способность шевелиться, тело моё поползло к холодильнику и смело с полок все продукты, которые можно было съесть не разогревая. Оно на глазах крепло и возвращалось к жизни. Стакан горячего крепкого чая окончательно поставил меня на ноги.

Теперь захотелось осмыслить полученную информацию, но я по опыту знал, что это совершенно бесполезная затея.

Во-первых, мозгам нужен отдых. После таких сеансов ни о чём не хочется думать, и как бы я себя не принуждал к этому, ничего путного уставший разум тебе не выдаст.

Во-вторых, информация должна улежаться, утрамбоваться, перебродить, как квасок Тамары Ивановны, и только потом её можно будет осторожно дегустировать, прихлёбывать, потреблять и переварить.

Я плюнул на всё, вызвал такси и умчался в город к своей любимой жене и любимому сыну.

* * *

Полгода пролетело в праздности и безделье.

За это время я пришёл к выводу, что непорядочно было бы заставлять Тамару Ивановну и Домбровского проводить остаток дней своих рядом с неудачником-Властелином, а не в кругу своих любимых, родственников и друзей. Я отпустил их с миром, а чтобы ожидание скорой кончины не отравляло им остаток дней, мне пришлось стереть им

все воспоминания о том, что они здесь услышали и увидели.

Часто, очень часто возвращался я в своих мыслях к той картинке, которую выдал мне мой мозг, работающий в режиме форсажа. И однажды, может быть, мне показалось, что я нашёл расшифровку этого видения, но что-то мелькнуло...

Прыгун, покоряющий высоту за высотой, вдруг достигает своего предела, экстремума, выше которого его уже нет как личности достигающей. Он исчерпал себя! Там, за гранью, он лично - уже никто. А вот уже другие, те будут покорять неподвластную ему высоту. Кто-то все равно будет её покорять - диалектика. Жизненный опыт.

В наимудрейшем русском языке эта целая философская концепция формулируется одной единственной фразой - «Выше головы не прыгнешь!»

Я понял, что мне нечего со своим средним умишком пытаться решить задачи непосильные и неподъёмные. Ведь не создал же я периодическую систему. Даже смысл готового уже эйнштейновского уравнения мне не понятен. Куда уж мне там до борьбы с Чёрными дырами! Жрецы Белого Света нашли хоть какой-то выход, когда приняли решение прервать Луч Творения, поставляющий нашему Солнцу необходимый для существования потенциал.

Я хандрил. Я болел. Я постоянно хотел умереть.

За эти полгода я всего два или три раза выходил на связь со Всемирным Советом Жизнеустроителей, да и то только для того, чтобы узнать, не придумали ли земные учёные какого-нибудь супероружия для борьбы с Чёрной напастью. Но тщетно. Планетой я больше не руководил. Не властвовал и не повелевал. Я сдался. Я пил вино и смотрел телевизор. Я спал, ел, ползал до туалета, и снова пил и смотрел телевизор.

Самое страшное - я не стремился к общению даже со своими близкими - женой и сыном.

Известие о том, что летающие на геостационарной орбите спутники начали испытывать какое-то возмущение и изменять свои траектории, меня не шокировало, не тронуло и не удивило. Я знал причину этого явления. А что толку?

Даже тогда, когда охраняющая меня программа вновь подключила меня к жрецам в момент связи по какому-то дивному устройству с самим Созидателем, я и не подумал оторваться от своей постели. Провались!

И даже когда Созидатель внял просьбе жрецов - меня это не взбудоражило.

Вышли из строя навигационные системы всего мира - да, плевать...

Исчезли пятна на Солнце - что поделаешь? Уж точно не Константину Матвееву лезть в эти дела.

Я пил вино и смотрел телевизор.

Даже отечественная телечернуха вызывала во мне больше интереса, чем вся эта круговерть вокруг Чёрной дыры.

Я лежал и, как мне казалось, ни о чём не думал. Бутылка дешёвого, но такого родного портвейна, полупустая, стояла на полу рядом с кроватью.

На экране телевизора уголовники в камере замыслили опустить своего коллегу. Они навалились на него всем кагалом и начали стягивать с него штаны. Телевизионный секс-символ моей Родины извивался и визжал, не желая отдаваться без любви.

«Братва! Это же беспредел!» - орал он благим матом.

В моём сердце что-то ёкнуло, то ли от жалости к бедолаге, то ли от отвращения к омерзительной сцене и её создателям.

Я нащупал пульт и приговорил телевизор к молчанию.

Рука привычно нащупала бутылку и поднесла её ко рту. Однако вино не пролилось плавно, как обычно, внутрь, а вдруг встало комком поперёк горла. Я закашлялся, забрызгав постель розовым пойлом. Но вместо того, чтобы испустить трёхэтажный мат, уместный для данного случая, я ощутил какой-то разгорающийся огонёк осознанности, которая уже давно, как мне казалось, забыла дорогу к моему существу.

Эта осознанность позволила мне увидеть мысли, которые генерировал в данный момент мой проспиртованный мозг. Даже не мысли, а мысль. И даже не мысль, а одно единственное «СЛОВО» крутилось в кулуарах моего сознания, беспрерывно меняя направление своего движения, его логику, даже шрифты, которыми оно как будто бы было написано, и еще чего-то крутилось, сам я не понимал, чего.

«БЕСПРЕДЕЛ» - вот это слово.

Оно и вызывало во мне странные ощущения. Оно вертелось на языке, готовое сорваться с уст, и я не стал удерживать его.

«БЕСПРЕДЕЛ! БЕСПРЕДЕЛ!» - шептали мои губы.

Тут мысли мои переключились на забрызганную портвейном постель и на вызывающую отвращение бутылку. Бутылка, с водворённой на место пробкой, мгновенно полетела в мусорный бак, ударилась там о сестрицу, и обе они разбились, прекратив своё существование в этом воплощении. По дому мгновенно распространился отвратительный запах ароматизаторов.

«ПРЕДЕЛ-БЕСПРЕДЕЛ» - вновь обратился ум к зацепившей какие-то струнки души фразе.

Я вышел на улицу, уселся прямо на увядшую сырую траву и принялся размышлять.

На первый взгляд всё было понятно. Понятие «беспредел» ассоциировалось со словом «предел», и мой ум, много размышлявший последнее время о бедолаге-прыгуне, сопоставил слово «предел» с предельной высотой, которая не покорилась

неудачнику-спортсмену. Пока ничего нового, ничего особенного. Но логика - неотъемлемая часть мужского образа мыслей. Мне было ясно, что и у меня есть предел, выше которого я не могу прыгнуть. Ну что тут обидного? И всё же, что-то будоражило меня и возбуждало. Что-то вошло в резонанс с моим существом.

Я попытался отстраниться от мыслей и сосредоточиться на ощущениях.

Через минуту стало ясно, что именно «БЕСПРЕДЕЛ» вызвал во мне такую реакцию.

«БЕСПРЕДЕЛ» - это нечто, нечто такое, что выше «ПРЕДЕЛА», что находится где-то... Ну, где-то за гранью его. На этом мой интеллектуальный прорыв хоть и утих, но затаился.

Вечерело. Поднялся сильный ветер. Так ни до чего и не додумавшись, а только намочив и пристудив задницу, я зашёл в дом. Было темно, и я включил на кухне свет.

В этот момент ветер где-то подхватил не слишком натянутые провода, по всей видимости, один провод задел за другой, на мгновение свет стал значительно ярче, а затем лампочка с треском погасла.

Мне бы двинуться, пройти пару шагов, взять другую лампочку и вкрутить её вместо сгоревшей. Ну хотя бы для того, чтоб не наступить в темноте на мяукающих под ногами голодных кошек, но я стоял как вкопанный.

Вот ОНО! Вот, что такое «БЕСПРЕДЕЛ»! Это то, что... что ещё выше самого «ПРЕДЕЛА».

Мозаика моих мыслей сложилась вдруг в единую и стройную картину, объясняющую самую главную вещь в моей жизни - как уничтожить Чёрную дыру.

Я упал на колени, вознёс руки к небу. Я рыдал целый час и возносил хвалу Непостижимому, за то, что он позволил постичь. Потом Созидателю - за то, что он обличил меня властью. Потом - горе-кинематографистам - за то, что они сняли эту позорную чернуху. Потом ветру - за то, что он подул вовремя... Ну и, разумеется, себе - за то, что я есть.

Я решил не тревожить более своих великомудрых покровителей - лаянцев.

«Пусть занимаются своими инженерными делами», - подумал я и высказал вслух желание о немедленной встрече с Созидателем.

Моё желание увенчалась успехом. Ночью неведомая сила вновь унесла меня за сотни тысяч световых лет к галактическому центру, имя которому - Созидатель.

На сей раз Он ожидал меня, плавая на обычной трёхместной лодчонке, которая скользила по бескрайним океанским просторам.

Однако такой идеально ровной поверхности, на которой отсутствовала даже рябь, в земных условиях не встретить. Неба не было видно, так как оно было затянуто туманом, только что поднявшимся от воды.

Человек, сидящий на вёслах, был одет в тельняшку и чёрные шорты. После того, как неведомая сила пронесла меня сквозь слой тумана и аккуратно усадила на корму, я осмотрел своё тело и увидел, что одет точно так же, как и Господь. Это польстило моему эго.

- Здравствуйте, Отец! - робко приветствовал я Созидателя и, не будучи уверенным в правильности обращения, уточнил: - Можно я буду Вас так называть?

Человек улыбнулся, обнажив белые и ровные зубы, и сказал:

- Нужно! Я и есть Отец!

Какая-то муха укусила меня, и мне захотелось немного поёрничать, показать Всемогущему, что у меня есть чувство юмора.

- А кто же тогда Непостижимый? - спросил я и затаил дыхание.

- Он - мой Отец, - спокойно ответил Созидатель, - и твой дед. Всё в этом мире построено по принципу подобия.

Такая постановка вопроса настолько озадачила меня, что я забыл, для чего прибыл сюда, за сотни тысяч световых лет от дома.

- Надеюсь, в этот раз ты потревожил меня не зря? - вопрос вывел меня из состояния задумчивости.

- Вы, Отец, наверное, всё наперёд знаете? - спросил я.

- Конечно, знаю. Но, общаясь в редкие мгновения со своими детьми, я всегда снисхожу до их уровня, - он улыбнулся и добавил: - Вы-то до моего уровня подняться не можете. Поэтому давай не будем нарушать традицию. Рассказывай! До чего ты там додумался?

- Всё оказывается очень просто! Всему есть предел. Если на обычную электрическую лампочку подать напряжение в два раза большее, чем то, на которое она рассчитана, то лампочка сгорит, то есть перестанет существовать. Ракета может выдержать только определённое ускорение, а космонавт - перегрузку. Дамба - только определённый напор воды. И так во всём! Следовательно, Чёрная дыра - тоже, поглощая чей-то потенциал, сама по себе рассчитана на какое-то его определённое количество. Иными словами, в единицу времени сингулярность может поглотить лишь ограниченное количество потенциала или его производных - пространства, времени и материи. У неё есть предел! Должен быть!

Тут я перевёл дух. Замолчал.

- И? - нетерпеливо спросил Созидатель.

- И... И, если в сторону Чёрной дыры направить Луч Творения, несущий в себе единовременно громадный потенциал, то Чёрная бестия подавится им, поперхнётся, в её нутре перемкнёт и разрушится всё, что только там есть. Она банально исдохнет,

сгинет навсегда. Надо не избегать её воздействия, не ограничивать её прожорливость, а запихать в её глотку одновременно в сто, в тысячу раз больше, чем она может проглотить! Вот суть!

Я воззрился на Созидателя, с трепетом ожидая вердикта.

Господь не торопился с ответом. Он опустил вёсла, засунул руку в карман и вытащил оттуда набитую табаком трубку. Из другого кармана он извлёк специальную зажигалку и стал раскуривать трубку.

- Вы курите!? - невольно вырвалось у меня.

- А ты думал, я могу что-то подсунуть своим детям, не попробовав предварительно сам? - он засмеялся. - Ну, если это тебя так шокирует, воспринимай это как сценический образ. И не забывай, что в этой галактике всё создал я. И табак - тоже.

Непроизвольно, как мне показалось, рука Созидателя потянулась к затылку, совсем по-нашему привычно поскребла-потёрла его, и он добавил:

- Хотя! Если честно, табак я подсмотрел у соседа, в Крабовидной туманности. А вот где ты-то нахватался таких слов: «Луч Творения», «потенциал»? Подсматривал за жрецами? - Созидатель прищурил один глаз и с улыбкой взглянул на меня.

- У них! Конечно, где же ещё-то, - я скромно потупил взгляд и стал рассматривать левое весло. Не найдя там ничего особенного - весло как весло - я спросил у Отца, что, возможно, я опять свалял дурака и потревожил его зря?

- Я давно наблюдаю за Чёрными дырами, с того самого момента, как первая из них, та, что поглотила на этот миг миллионы звёзд вместе со всем, что я сотворил и взрастил вокруг них, появилась в моей Галактике. Я не знал, как им противодействовать, и только триста миллионов лет назад мне пришла та же мысль, что и тебе сейчас. Ты молодец!

Моё эго готово было выпрыгнуть из меня и порхать, порхать, порхать... Ещё бы!!! Мне, такому среднему, в голову пришла та же мысль, что и Богу, Создателю нашей Галактики. Каково?

- И что? - затаив дыхание, прошептал я.

- И ничего. Когда появилась первая дыра, я ещё не знал этого, а сейчас, когда их расплодилось великое множество, моего потенциала просто-напросто не хватит, чтобы погасить разгоревшийся пожар, - Созидатель опустил глаза и добавил: - Дни мои сочтены.

Он взглянул на меня, увидел, что я вот-вот расплачусь, засмеялся и сказал бодро и весело, внезапно преобразившись:

- Но тебе нечего бояться, если Землю не поглотит Чёрная дыра, то она успеет десять раз состариться прежде, чем это произойдёт.

- Но речь не идёт обо всех «дырах» во Вселенной, а только об одной, совсем крохотной, только что зародившейся, которую умертвить с вашими возможностями, Отец, наверняка совсем не сложно.

- Сложно. Очень сложно, сынок, - Созидатель тяжело вздохнул. - Всё дело в том, что я за всю свою жизнь никого не умертвил, даже не ударил, а только созидал, созидал, созидал и при этом любил. Безграничная любовь лежит в моей основе.

Недоумение и гнев потихоньку начали протискиваться в узкую щель, вылезая из своей берлоги. Мгновение, и они начали овладевать мною.

- А как же миллионы убитых в последней войне, Отец? Ты не мог или не хотел предотвратить этого? - спросил я и ужаснулся своей дерзости. Но Созидатель не обратил внимания на мой резкий тон и спокойно ответил:

- Я создал вас по образу и подобию своему, но чтобы стать такими, как я, вам надо пройти долгий эволюционный путь. И не я попустительствую войнам. Вы сами разжигаете их, сами же и заканчиваете. Но после каждой войны не ожесточение вырастает в вас, а любовь.

Придёт время, и вы забудете про войны, вообще про всё, что несёт страдания и смерть, и тогда сравняетесь со мной в величии, добродетели и славе, - он снова попытался раскурить погасшую уже в третий раз трубку и, раскурив, добавил: - А пока вы должны пройти этот путь. Альтернативы нет.

Я понял, что мы отвлеклись, ушли в сторону и попытался вернуть разговор в прежнее русло.

- Отец! Прошу вас попробовать! На коленях умоляю! - я попытался встать на колени на дно лодки и едва не опрокинул её, но лодка чудесным образом выпрямилась и, как ни в чём не бывало, продолжила свой дрейф.

- Почему я должен делать то, чего никогда не делал? И почему я должен сделать это в отношении Солнца? Есть миллионы миров, которые находятся в более печальном положении, нежели вы и, кстати сказать, более достойны жалости, чем воинственные земляне. Ответь мне.

Я растерялся и уже готов был сдаться - попросту согласиться с Созидателем, но тут вдруг в глубине моей души что-то щёлкнуло, прорвался невидимый резервуар, я почувствовал незыблемую уверенность, убеждённость в своей правоте, силу, от которой просто так не отмахнёшься, и слова сами собой низринулись с моих уст.

- А ведь ты же лукавишь, Отец! Не ты ли по просьбе жрецов прервал Луч Творения и практически обрёк Солнце на медленную смерть? А говоришь: никогда не убивал? - ответь мне, Отец!

Созидатель поднял на меня полные бездонного спокойствия и мудрости глаза и ответил:

- Я творю миры, создавая их в своих мыслях и питая их своим потенциалом, своей энергией. Те миры, которые ещё не реализованы и только ждут

своей очереди, чтобы появиться на свет, и те миры, которым никогда не суждено будет воплотиться, не вправе обижаться на меня и тем более осуждать. Не вправе. Ибо моё есть царствие, и воля - моя. Если бы я направил во чрево Солнца избыточный потенциал, и оно взорвалось бы, затмив собою сверхновую, я бы убил его. Но, когда я снимаю с кого-то своё намерение и прерываю Луч Творения, это не убийство, а акт моей божественной воли. Это всё равно, что перестать обращать внимание на что-то, на какого-то человека, например. Является ли это убийством? - Созидатель вопросительно посмотрел в мою сторону, одним своим взглядом обрекая меня на вынужденный ответ.

Но меня буквально распирала уверенность в том, что я всё равно достигну своей цели! Я даже не прилагал никаких усилий, а просто позволил своим последующим словам изливаться из меня. Я себя не сдерживал.

- Когда-то же надо начинать, Отец! Нельзя же сидеть и безвозвратно дарить свою энергию, свой потенциал каким-то там Чёрным дырам, чтобы они преспокойненько плодились и размножались, а при этом в Твоей Галактике не имели возможности реализоваться тысячи новых миров. Ты похож на женщину, которая не хочет рожать, боясь потерять любовника и изменить течение своей жизни. Отец! Не ты ли создал мир, в котором вся жизнь - борьба? А сам предрекаешь себе скорую смерть, не желая побороться за свою жизнь даже с одной единственной малюхонькой Чёрной дырой. А, Отец?

- Ну, ладно, ладно! Уймись-ка. Разошёлся... тут... А, с другой стороны, почему бы и не попробовать? Да... Быть по-твоему, - внезапно сдался Созидатель. - Вижу в тебе Веру Великую и не могу устоять. Я вот что... Я направлю испепеляющий потенциал в жерло сингулярности, угрожающей вашему солнцу, но только при одном условии: ты, здесь и сейчас, сию минуту, скажешь мне, почему я должен спасти именно ваш мир, а не какой-либо другой.

Я не медлил с ответом ни минуты, настолько я был уверен в себе. Тени сомнения не было в моём возгордившемся существе. Я ощущал себя Победителем. Я, я - Властелин!

- Кто-нибудь, когда-нибудь просил Тебя об этом? Хоть кто-то приходил к Тебе с готовым решением? А?

- Приходить-то приходили, но до этой встречи решение знал только я, и оно было моей сокровенной тайной. Теперь его нашёл и ты. Оно более не принадлежит мне и, чтобы не заронить в души моих созданий сомнения в моей любви к ним, я приму бой и начну его с той, что угрожает и лично тебе.

- Спасибо, ОТЕЦ!

- Я горжусь тобой, СЫН!

- И не забудь включить Луч Творения! - Тут уж я окончательно осмелел.

- Я уже сделал это. Сделал...

- Тогда я пойду?

- Иди!

- Прощай, ОТЕЦ!

- До свидания, Константин Матвеев. До свидания, СЫН!

* * *

Как только я продрал глаза, тут же бросился к монитору и вызвал на связь дежурного по Всемирному Совету Жизнеустроителей.

Ему была дана команда: в течение двух часов доставить данные из десяти крупнейших обсерваторий мира: произошли или нет какие-нибудь изменения в деятельности Солнца.

Эти два часа показались мне вечностью. Я не мог позавтракать: кусок не лез в горло. Пытался поиграть на гитаре - инструмент начал издавать такие звуки, что со стороны можно было подумать, что где-то режут собаку. Старая, ни в чём не повинная гитара больно ударилась о стенку и взвизгнула на все лады, но я даже не заметил этого.

Тогда мне, естественно, пришло в голову, что надо бы глотнуть винца: время пролетит незаметнее. Пошарив по сусекам, я обнаружил только вакуум. Расстроившись окончательно, я включил телевизор.

Новости были в самом разгаре.

Журналюги с пеной у рта рассказывали об изменивших свои орбиты спутниках, страшных возмущениях в ионосфере, отсутствии связи с другими городами и о том, что Солнце резко прекратило свою активность. Наиболее ретивые из них зачем-то интервьюировали народ.

Народ негодовал: куда смотрит Властелин. Раздавались даже призывы свергнуть его к чёртовой матери. И только один сознательный гражданин выступил в мою поддержку и напомнил, что во времена нашествия пожирателей планет, Властелин тоже довольно долго искал решение, но всё же нашёл и победил проклятых захватчиков.

Я был бесконечно признателен этому человеку, моё признание скупой мужской слезой скатилась по щеке.

Сигнал, возвещающий о начале сеанса связи, прозвучал неожиданно громко.

Я вздрогнул и бросился к пульту управления. Нужная кнопка отыскалась с трудом.

- Ну? - рыкнул я в микрофон.

- Разрешите доложить Вам, Властелин? - это был дежурный по Совету.

- Ну? - словно зациклило меня.

- Все опрошенные обсерватории подтверждают, что солнечная активность возобновилась.

- Проследите, чтобы об этом передали все

ведущие средства массовой информации в течение ближайшего часа.

- Так точ...

Я нажал кнопку «Отбой».

Сколько времени понадобится Созидателю, чтобы расправиться с Чёрной дырой, я не знал, да это и не имело значения. Зато я знал, что теперь могу вновь привести в своё родовое гнездо любимую жену и любимого сына.

* * *

Дно бассейна было выложено серебряными плитами. Покатые, как шезлонги, стенки его были сделаны из самоцветов, оттуда, поблёскивая, тянулись золотые горизонтальные поручни.

Искусственные волны не были большими и создавали на поверхности лишь крупную рябь, которая, однако, не позволяла хорошо рассмотреть тела людей, возлежащих на наклонных стенках бассейна и держащихся за золотые поручни.

Присмотревшись, можно было всё же различить цвета купальных костюмов у каждого из них, а различив цвета, нетрудно было сообразить, что в этом бассейне барахтались Первосвет, Наместник Тьмы и семь жрецов Белого Света.

Они беседовали, и беседа казалась непринуждённой.

- Сегодняшнюю встречу позволительно провести в неформальной обстановке, - начал Первосвет, - о причинах этого вам поведает Наместник Тьмы.

Старикашка, вцепившись в поручни, с удовольствием сделал несколько невнятных движений ногами и, наконец, воспользовался предоставленным ему словом.

- Сегодня Созидатель уведомил нас, что Луч Творения, соединяющий галактический центр и Солнце, восстановлен. Энергия вновь струится по нему, а это значит, что светило не угаснет.

- Как?

- Почему?

- Что случилось? - раздался разноголосый хор голосов.

- Случилось то, что Властелин планеты Земля Константин Матвеев удостоился аудиенции Созидателя и, видимо, просил Его об этом. Подробностей мы не знаем, но, сопоставив факты, можно предположить, что это именно так. Других версий просто и быть не может.

- Каковы же факты? Что в итоге? - не выдержал Лазурь-хан.

- С сегодняшнего дня мы все официально на пенсии, и нам запрещено вмешиваться в земные дела. Вот что «в итоге».

Возмущённый ропот и недовольный гул зависли под куполом, который закрывал бассейн от внешнего мира.

- Ну, об этом мы знали давно, ведь вы все находились в семилетнем отпуске, и только чрезвычайные обстоятельства заставили всех нас собраться вместе, - вставил своё слово Первосвет.

- Да! Но тогда мы были в резерве, а не в отставке! - почти выкрикнул Фиол.

На что Первосвет ответил ему, что любой путь кончается, и там, где он кончается, начинается новый.

Жрецы согласно закивали головами.

- А как же быть с сингулярностью? - спросил Краснодар.

- Судя по тому, что отныне нам запрещено вмешиваться в земные дела, Властелин урегулировал и эту проблему, - Наместник Тьмы таинственно улыбнулся, но никто не заметил его доброй улыбки.

- Я же говорил, что нужно было пригласить на наше собрание Властелина, - с гордостью сказал Синедым, - а теперь получите - в отставку!

- Это ещё не всё, - продолжил Наместник Тьмы.

Все замолкли, чувствуя по интонации Наместника, что сейчас услышат что-то сногсшибательное, и с интересом воззрились на Первосвета, ибо освещение особо важных событий всегда являлось его прерогативой.

- Тот, кто сотворил Галактику, наш Господь - Созидатель нарёк Константина Матвеева, Властелина планеты Земля, - Первосвет сделал паузу, и все услышали, как по поверхности воды бегут волны, - своим СЫНОМ.

- Батюшки святы... - перекрестился Зеленодар.

- Второе пришествие... - восторженно прошептал Оранже.

- Значит и дыре этой амба! - радостно выкрикнул Краснодар!

- Хоть это и неофициальное собрание, но я прошу вас соблюдать регламент, этикет и не опускаться до сленга, - сделал замечание Первосвет, но не удержался и завопил во весь голос, - слава Господу нашему и Сыну Его.

- Слава! Слава! Слава!

Ещё долго звучали под куполом восторженные крики жрецов.

* * *

Малютка Кл была вне себя от счастья, которое внезапно свалилось на неё.

Все сингулярности, пасущиеся в этой вселенной, знали о существовании невидимых лучей, которые питают энергией звёзды, но ни одна из них никогда за всю историю Багнгов не смогла ощутить их вкус. Лучи несли первозданный, самый желанный Багнгами потенциал, но им всегда приходилось довольствоваться потенциалом вторичным - грубой материей звёзд.

Как только новая сингулярность прорубала дыру из мира Багнгов в мир звёзд, лучи

непостижимым образом искривлялись и огибали народившуюся злодейку за тысячи световых лет, продолжая питать при этом растущие звёзды.

И вот случилось так, что один из Лучей Творения, потеряв бдительность, отклонился и коснулся Малютки Кл.

О!!! Это был незабываемый миг.

Молоденькая сингулярность не упустила своего шанса. Она поймала этот лучик в энергетический капкан, по-своему обворожила и принялась высасывать из него живительную энергию - первородный потенциал.

Если бы хоть кто-нибудь мог ощутить вкус этой пищи! Во всём мироздании не существовало ничего подобного!

Малютка Кл начала быстро расти, эгоистично не отдавая ничего своим хозяевам.

Но энергии было в избытке, её поступало так много, а рост сингулярности был, к сожалению, ограничен определёнными для Малютки законами, не подвластными Багнгам, что молодая сингулярность поспешила открыть (от греха подальше!) переходные клапаны, наполняя гигантские накопительные резервуары и радуя своих создателей.

Однако очень скоро стало происходить нечто странное: начало исчезать врождённое чувство неутолимого голода - движущая сила, мотивация всех устремлений. Малютка Кл ощутила дискомфорт. Это чувство было новым и неприятным.

Очень скоро голод исчез совсем. Произошло то, чего никогда не происходило ни с одной Чёрной дырой. Энергия не доставляла уже былой радости. Малютка Кл разжала энергетический капкан и попыталась выплюнуть ставший ненавистным Луч Творения. Но не тут то было! Энергетический поток вместо того, чтобы вырваться из смертельных тисков и радостно устремиться прочь, продолжал настырно проникать внутрь сингулярности, поставляя ей всё новые и новые гигантские порции некогда желанной пищи.

И тут Малютку Кл обуял ужас.

Неуправляемая энергия начала выжигать сингулярность изнутри.

Малютка Кл ощутила внутриутробное жжение и поняла, что наступает её конец.

Это начали плавиться предохранительные сооружения, предназначение которых состояло в том, чтобы беспрепятственно пропускать энергию в мир Багнгов и ни в коем случае не выпускать её оттуда. Разгоревшийся внутри пожар возвестил о том, что защитные сооружения пали.

Энергетический луч, так быстро превративший сингулярность из гигантского насоса в обыкновенную дырку между двумя измерениями, внезапно отцепился от Малютки Кл и стал обволакивать её невидимой сферой, внутри которой образовался энергетический вакуум. Теперь энергия из мира Багнгов через проделанную дыру улетучивалась в мир звёзд.

Это бала катастрофа. Это был конец Багнгов.

Еле тлеющий тороид - вселенная Багнгов - начал разваливаться на куски. Отдельные его области ещё мерцали, другие уже угасли и слились с окружающей тьмой. Энергетические связи, поддерживающие тороид, разорвались из-за недостатка энергии, и гигантский бублик - мир Багнгов, и так-то державшийся на честном слове, начал агонизировать.

Багнги быстро сообразили, что миллиарды лет безнаказанного воровства энергетического потенциала подошли к концу, и попытались спасти то, что осталось, дабы хоть ненадолго продлить свою агонию. За одно мгновение исчезли все Чёрные дыры в нашей вселенной, за исключением Малютки Кл, которая умерла, не выдержав искушения едой. Её прекрасное обессиленное тело безмолвно парило в мирах звёзд, не подчиняясь уже командам, которые настойчиво поступали из вселенной Багнгов. Она напоминала теперь беспомощную дырочку в детском воздушном шарике, которая беспристрастно, как воздух, выпускала энергию из мира Багнгов обратно - в наш мир.

Акция по очищению галактики, а заодно и вселенной, от засилья Чёрных дыр заняла в итоге ни много, ни мало сто тысяч земных лет.

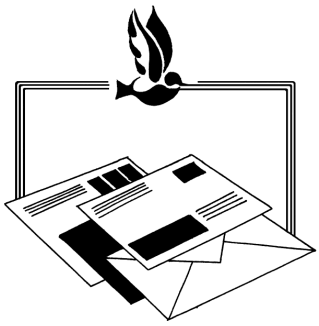
Но уже через три дня после её начала Чёрная дыра, появившаяся в окрестностях Солнца, потеряла к нему всяческий интерес и с наслаждением сосала отравленную энергетическую соску, любезно предоставленную ей Созидателем.

Население планеты ликовало. Все города, да что города - даже занюханные хутора, были увешаны восхвалениями в мою честь. И даже появились мои портреты?!

Для меня оставалось приятной загадкой: кто и где спёр мою фотографию или сделал снимки. Но я не собирался её разгадывать. Пусть!

Я подумывал о преждевременном уходе на пенсию, но по Земле упорно расползались слухи о том, что я являюсь одним из воплощений Христа и наречён СЫНОМ БОЖЬИМ.

Миллионы людей жаждали видеть меня и прикоснуться ко мне. Но я ещё не созрел для того, чтобы стать Господом, и пока отсиживался в своём доме - сегодня единственном месте на Земле, где на стене не висел портрет Константина Матвеева.



И НЕТ ВАЖНЕЙ БЕСЕДЫ

Владимир МИРОШНИЧЕНКО

Войны солдат безвестный
Тебе горит нетленный
Вечной памяти огонь.

* * *

Отец офицер-фронтовик, сибиряк
Жизнь шёл - лицом в лицо.
Со школьной скамьи -
Артучилище, фронт.
Сердцем, духом за Родину, Сталина.

У Одера, выполняя приказ,
Колонной авто с боеприпасами
Под перекрёстным огнём, прорвавшись
По ошалевшей немецкой передовой -
Наступление закрепил приветом Катюш,
Победу встретил, разбужен
Шквальным огнём без порядка
Из всех счастливых, живых стволов.
Войну закончил братанием на Эльбе,
Свадьбой в Берлине.

На фронте решив, -
Стал в мирное время учителем.
Отстроил немало сельских школ.
Был человечески счастлив

Во благо Отчизны трудом
Говаривал, как завет:
«Каждой семье не званный пришёлся
Похоронок страшный оброк,
Или без вести павший.
Жизнь устроится. Главное -
На Родине нет войны.
А мастера объявятся
Подвиг России стереть.
Твёрдо стой правду.
Гордись трудной своей историей,
Нашей несгибаемой силой и миссией».
Помню, хочу быть таким.

* * *

В боях опаленные, битые,
Молодняк
Последних военных призывов
Отечески берегли,
На плечи лишь чуть
Нюхнувших пороху
Ляжет - справятся:
Страну из руин
До звезд поднять
Жизнь продлить. Сохранить
Суровую правду войны.
Мир трудный сберечь.

Юрий ТАЛАНКИН

* * *

Ты мне поведай,
дальний мой ровесник,
Как ты в бою последнем умирал.
Ты прожил жизнь
как смелый буревестник,
Чтобы потом взойти на пьедестал.
Пройдут года, но я тобой гордиться
Не перестану, друг мой, никогда.
Где ты упал, там поле колосится.
А рядом - речка, чистая вода...
А нынче снова праздник -
День Победы
Мы собрались отметить -
без тебя -
Прости нас, друг!
И нет важней беседы,
Мы вспомним всё и выпьем
за тебя.

* * *

Я книгу старую хочу перечитать.
И вспомнить всё, что мама мне читала.
Учись, сынок - советовала мать,
Когда на койке тихо умирала.
Войну и голод - всё перенесла,
Но с братом нас поставила на ноги.
Сгорела рано, в сорок пять, дотла.
Так порешили, очевидно, боги.

Анастасия КУЛЁМИНА

Вечный огонь

Вечный огонь... И стоит перед ним солдат,
Он уже очень стар, ведь ему уж под сотню лет...
Для него же как будто вчера отгремел Сталинград,
Для него же как будто вчера был июньский рассвет.
Он уже очень стар и белесо его лицо,
Но в глазах, как и прежде, сверкает былая стать,
Как когда-то он юным сражался, прорвал кольцо,
Как прощался тогда, боясь не увидеть мать.
Но в глазах, как и прежде, мелькает немного грусть:
Он вернулся один - уходил батальон бойцов...
Как и все был готов умереть, защищая Русь,
Но остался живой... и печально его лицо.
Он вернулся один, и стоит пред огнём святым,
Вспоминая ребят и те годы былой войны,
Ему хочется крикнуть по свету ещё живым:
Берегите наш мир - не платите большой цены.

Северный ветер

Ветер сегодня откроет окна,
Снова ворвётся в сердца домов,
Где-то опять разобьются стёкла,
Люди же будут во власти снов.

Ветер сегодня ворвётся в город,
Чтобы разрушить статичный мир,
И пронесётся знакомый холод
По многоликим стенам квартир.

Ветер сегодня разрушит счастье
И навсегда унесёт тепло,
К утру закончится всё ненастье,
Время у ветра опять прошло.

Завтра всё будет уже спокойно:
Люди проснутся в стенах квартир,
Ветер не вспомнят они невольно -
Это другой незнакомый мир.

Лучше не знать, что пришло ненастье,
Мирно сопеть в тишине ночи,
Думать о том, что же значит счастье,
А не кричать в тишину: «Беги».

Ветер умчится куда подальше,
Люди не вспомнят его приход,
Жизнь побежит непременно дальше,
Всё сохранит тишина домов...

Игра в любовь

И я проснусь в четыре часа утра
(Уже рассвет, хоть люди ещё в кроватях),
И я пойму к чему привела игра -
Мы не с тобой, а где-то в чужих объятьях.

Думалось мне, что должна я тебя забыть
Непременно сейчас, навсегда, ни минутой позже.
Самый лёгкий я выбрала способ скрыть,
Ведь никто никому никогда ничего не должен.

Я забыла тебя, лишь начав вдруг опять игру,
Но уже не с тобой, а с какой-то нелепой тенью.
Обмануть я смогла себя, но, увы, судьбу
Провести не смогла, даже хлопнув упрямо дверью.

И теперь предо мною стоят эти две игры:
Перепутаны люди, цитаты и все фигуры,
Но должны же остаться хоть где-то ещё ходы
Для такой недалёкой, влюблённой, упрямой дуры?

Галина ЕРЁМИНА

СТАРЫЕ ПЛАСТИНКИ ЧАЙКОВСКОГО

Брату Юрию

Пластинка первая

Знакомство и яркая встреча с прекрасным...
Привёз домой брат мой большую пластинку,
Поставил, включил её - и не напрасно! -
Сверкнула в душе моей радость росинкой! -
Чайковский, симфония «Зимние грёзы».
Тревожила музыка, нас увлекая...
И вспомнилось: папа вёз вечером поздним
На санках девчушку, меня, пробираясь
Завьюженным полем, что между мостами;
Глаза слепил снег и разбойничал ветер...
А в предновогоднем костре взвилось пламя,
И звуки светились - и жили на свете...

Пластинка вторая

Другая пластинка свет писем хранила:
С Надеждой фон Мекк Пётр Чайковский общался...
В прошедшую повесть нам двери открыла,
И свет этой дружбы у нас зажигался,
Казалось... и письма от сна пробуждали,
Внесли они к нам звонким летом далёким
Мир чудный, где яркие краски играли...
И люди в нём жили искусством высоким...

Третья и четвёртая пластинки

Ещё две пластинки: мир опер великих...
Мы слушали их, не заботясь о моде. -
И с музыкой, пеньем, носились интриги:
Три карты... и Германа жизнь на исходе...
От «Пиковой дамы» в слезах я сидела...
Казалось, гуляла в саду с Иолантой.
О, как я помочь бедной деве хотела! -
И мир изменялся - на взлёте талантов...

Дорога жизни

Блокадному Ленинграду посвящается

Всё, что можно, сожгли, а холод
Кандалы надел - не согреться!..
Тишь зловещую режет голос -
Крик отчаяния - из детства:

«Мама, мама, не спи! Вставай же! -
Мы согреем тебя дыханьем
И сухарик слезами смажем...» -
Всё дрожит во мне крик-рыданье...

Дорога Жизни - во имя Жизни,
Под Ленинградом,
Дорога Жизни!

Всё, что можно, сожгли, а холод
Плоть сдавил, как железом клети;
Вши душили и дикий голод...
Поединок - жизни и смерти!

Как во мраке глаза блестели! -
Умирали и жили с верой,
Что врага отпоют метели,
Гнев обрушится -
Полной мерой!

Дорога Жизни - во имя Жизни,
Под Ленинградом,
Дорога Жизни!..

Юрий НИКИТИН

Декабрь в Крыму

Ночная тьма легла на полуостров,
В бессилии повисли провода
И холод жесточайший болью острой
Подкрался к сердцу глыбой изо льда.

Здесь силы зла с предательской душонкой,
Пылая дикой ненавистью к нам,
В холодной мгле оставили ребёнка,
Его причислив к самым злым врагам.

Они и раньше пили кровь младенцев
И в жуткой пляске пели на гробах.
В них плесенью покрыто злое сердце
И перемкнуло что- то в головах.

Они опоры жизни подорвали -
И нет энергии, и свет в домах погас.
Они, чтоб было плохо всем, желали,
Но силы укрепили только в нас.

Не запугать бендеровским потомкам
Народ российский, где бы он ни жил.
Со злом, кипящим в головах подонков,
Бороться хватит у народа сил.

Он верит твёрдо в наших общих предков,
Он верою своей непобедим,
И руки россиян сожмутся крепко,
И вытянут из тьмы болотной Крым.

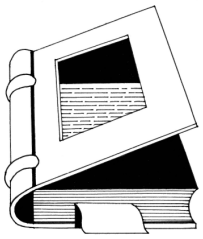
Рейс СУ-24

С-24 не игрушка.
Прощения не будет за обман.
Уж если в спину выстрелил из пушки -
Ответ придёт на полную катушку -
Иллюзии не стройте, Эрдоган.

Сидеть в двух креслах враз довольно сложно,
Но это признак класса у путан.
Поймать двух зайцев сразу невозможно,
С двойным стандартом надо осторожней -
Иллюзий не питайте, Эрдоган.

Сбил самолёт, мечтая отличиться,
Следы запрятал в розовый туман.
Не ожидал, что может всё открыться,
Что отвернутся дружеские лица
И фокус не удастся, Эрдоган.

Весь мир поработить ДАИШ желает,
Зло совершая с ссылкой на Коран.
А тем, кто явно террористам помогает
И самолёт, стреляя в спину, убивает,
Прощения не будет, Эрдоган.



Денис КОЖЕВ

СОННАЯ РАДУГА

Около часа всё смолкло.

Можно было снова дышать и скрипеть паркетом. Я приготовил кровать для Сони, а сам устроился на диване. Сон упорно не шёл, заставляя прислушиваться к шуршаниям друг друга. Мы синхронно ворочались, деловито пытаясь заснуть. К утру проснулись под одним одеялом, переплетя ноги.

- Какая пошлая классика, - улыбнулась Соня и скрылась в душевой. Я поставил кофе.

Спустя полчаса она вернулась к себе в квартиру. И сразу поехала в вытрезвитель. За мужем. Мне было пора на работу.

То была первая ночь. Ночь знакомства.

Как заметила Соня, это был понедельник. День, отмеченный красным - знаменем любви и ненависти, мести и плодородия. Для каждого дня у неё был приготовлен свой цвет. Палитра моего календаря ограничивалась чёрным. Прочие оттенки для меня были загадкой.

Из-за ночного спектакля я забыл, что день праздничный. Кроме меня возле закрытой библиотеки кружил дворник Есапыч, всю жизнь мечтавший съездить в Венецию. С метлой в руках он сам напоминал гондольера с веслом, нежели хозработника. Пел серенады и заигрывал со студентками.

- Что, Дениска, не спится? - спросил он, закуривая. - День-то какой! Гулять, да девок щипать.

- Так вот и гуляю.

- А сюда-то чего припёрся? Забыл чего?

- Забыл, - говорю. - Что выходной сегодня.

Есапыч харкнул, сплюнул и прочитал нотацию:

- Бабу тебе завести надо. Чтобы напоминала. Да не отпускала попусту. А то худой. Достоевский сверху шлёпнется - зашибёт. Ищи подругу себе. Хоть жрать прилично начнёшь. Вон Нинка - завидная девчура. Красится даже. Ради кого? Не для меня же.

- Ладно, - говорю. - Пойду я.

- Куда? - искренне удивился он. Есапыч вообще был мужик со странностями.

- Подругу искать, - пошутил я неосторожно.

- Ха! Во, молодёжь! Ни души, ни совести, - он затушил сигарету о подошву и схватил метлу. Схватил так, что я невольно отбежал на безопасное расстояние. - Подругу он пошёл искать! Потому и бардак в стране. Как жизнь свою строят, так потом и она их. И всё жалуются. У-у, недоноски! Ищут они. Чего искать-то? Отловил первую встречную, да и начал жить. Остальное приладится. Так нет же! Копаются как свиньи. Баба - это ж не апельсин! Если цедру сорвал, так держи марку...

Есапыч ещё долго что-то кричал, царапая метлой по ступенькам, и всё больше походя на гондольера, угодившего на мель. Всё-таки контузия не прошла для него бесследно. Хотя, никто не жаловался. Работает мужик. Без нареканий. Даже по выходным. Поразительно, как быстро разносятся слухи по библиотеке.

В городе стояла небывалая жара. Запотевшие сиденья в автобусах высыхали за секунду. Барышни из деликатных соображений ехали стоя. Те, кто ухищрялся сесть в тень, после поворота вскакивали, как из кошмара - мокрые и напуганные. Вокруг них сразу образовывалось кольцо пустоты. Липкие плечи с неприятным звуком отлипали от сухих. Проездные билеты в карманах расползались и исчезали. Контролёры проявляли чудеса снисходительности. Сдирали полтарифа. Я шёл домой пешком.

На игровых площадках вялая детвора ползала по классикам. Медузы на берегу - и те подвижнее. Женщины, забывшись, выходили на балконы в неглиже. В окнах напротив раздавались звонкие подзатыльники. Подростки начинали осознавать превосходство бинокля над взрослыми журналами.

Только самые смелые или глупые ходили по гостям.

Толик - предприимчивый экспериментатор. Полон идей, рождённых на диване. Толик везде бегал, идеи оставались пылиться между подушек.

- Слушай, - говорит, - давай на телевидение вылезем. Я передачу придумал - «Без трусиков». Да подожди ты! Идея классная. Делаем такую же передачу, как «Без галстука». Садим ведущую, обсуждаем те же темы. Неофициально об официальном. Всё как положено. В строгой юбке, пиджачок, минимум косметики. Только название

Об авторе. Денис Кожев (1984) родился и живёт в Ижевске, окончил Ижевский промышленно-экономический колледж и Ижевский Государственный технический университет. Пишет стихи и прозу. Публиковался в поэтических сборниках «Мы» (2005), «Собственный голос Ижевска» (2006), «Отражение» (2007), журналах «Луч», «Нева» (С-Пб.)

другое. Представь: «Здравствуйте! В эфире программа «Без трусиков». Зритель только ради этого ящик включать будет!

Толик улыбался и вытирал вспотевшее лицо скатертью.

- Слушай, у тебя нельзя в душ сходить? У нас воды третью неделю нет.

Я разрешал, взяв с него слово не появляться раньше, чем пойдёт дождь.

Жара плавила фланелевые рубашки на спинах и припекала юбки к чулкам.

Домашние питомцы, дурея, размазывались по полу. Температура неумолимо росла, подтягивая за собой лимонад и мороженое в цене. Душ был признан верхом цивилизации.

Охлаждённый чай пили со льдом. В больницы наряду с солнечными ударами поступали с обморожением горла. Вести об акрах лесных пожаров стали нормой. В моей душе бушевало пламя страсти. Я искал встреч с Соней. Пожар требовалось тушить немедленно.

Позвонил товарищу по школьной парте. Генка Сыч был человеком отзывчивым. Будучи прорабом, всегда отзывал рабочих с объекта, если не получал во время смету. Получив, обратно возвращать рабочую силу не торопился. Подрядчики его недолюбливали. Но валидол в кармане на всякий случай держали.

Услышав меня, Генка обрадовался, пригласил к себе и через десять минут явился сам.

- Ну, где она? - спросил он с порога.

- Дома, - говорю. - У себя.

- Я про бутылку, - обиделся Гена.

- А ты разве не принёс? - я почуял неладное.

Прораб, не торопясь, оглядел кухню. Строительные работы не велись. Отзывать было некого.

- Хорошо, - говорит, - в понедельник можно и чаю выпить.

Гену ещё никто так не обводил вокруг пальца.

Я достал варенье. Он фыркнул.

Отыскал печенье «Детское молочное». Гена закурил, но промолчал.

Обнаружил в холодильнике сало и майонез. Прораб опустил голову и тихонько завыл.

Мне стало немного легче. Не я один был подавлен.

* * *

Она была художником. Жила одним только искусством. Слегка оттеняя его зарплатой военного. Муж-глубоководник бороздил нейтральные воды приграничных зон с четверга по сентябрь. И души не чаял в своей жене. Не чаял так, что забывался и гонял Соню вместе с чертями по всему подъезду. Обещая попутно выдергать чертям гениталии. Многоборие заканчивалось визгами. Воображаемые нехристи сменялись работниками милиции. Декорации переезжали в вытрезвитель. Затем театр одного актера понуро ждал своего единственного зрителя - жену. Занавес опускался. Поднимаясь дня через три снова.

Соня была непорочна. Как бывшая девственница. И как истинный художник, она не могла себе позволить работать только с воображением. Требовалась натура. А дальше фантазия сама всё корректировала. Но испробовав различные ракурсы, свет, позы, лубриканты, женщина начала остро чувствовать свою ненужность. Соня любила своего мужа. Но в ней оставалось ещё много невостребованной любви.

- Глубоко заходит. Да, видать, редко, - туманно выразилась соседка насчет внимания глубоководника к своей жене.

Соня жила с раздвинутыми ногами души. При всём этом она была жутко стеснительной. Когда под натиском любви она в третий раз шагнула в чулках на свеженарисованную траву, её искуситель услышал:

- Своими играми вы постоянно вгоняете меня в краску.

Она знала о красках всё. Они были её вдохновением.

- Краскам, - говорила Соня, опуская кисточку в банку, - как и цветам, нужна вода. Без воды акварель сохнет, гуашь черствеет, а масло остается маслом - жирным, вязким и неотстирываемым.

Быт угнетал Соню. Кухонное искусство она считала колдовством.

Она кружила по комнате с голыми ногами, выраставшими прямо из-под большой синей рубахи. Мужской. Я испытывал некоторое чувство собственничества пополам с ревностью. Тогда мне казалось это забавным.

- А вы разве не ощущаете того же по отношению к своим книгам, Дени? - она всех людей вокруг себя звала на французский манер. - Ведь это тоже краски. Вашей жизни, любви, детства. Они тоже дышат. Принюхайтесь. Неужели не чувствуете?

Я чувствовал. Запах женского тела и собственных ног. Сбежавший кофе помог мне избавиться от носков в кухне.

Она появилась ровно через неделю. На этот раз я не выносил мусор в трико с оттянутыми коленками.

Красное полусладкое ненавязчиво возвышалось среди разбросанных фруктов. Сыр был небрежно разложен идеальным веером. Кто-то предусмотрительно зажёг свечи. В голове случайно всплыла пара заученных фраз. В шкафу томились свежие простыни.

- Вы кого-то ждете, Дени?

Я не успел ответить.

- Давайте не будем открывать. Никому! Как в прошлый раз. Кто бы ни пришёл.

Язык встал колом. Я чувствовал себя стажёром

по посеву рогов. Вспотевшие ладони несколько раз показали незаметный фокус с ускользающей бутылкой. Франция, страна любви, задрав юбку, плясала между висками. Наконец фокус удался. Вино жадно бросилось на грудь Соне. Ненавистная рубашка перехватила бургундское. Вино, расползаясь по ткани, приняло очертания всё той же Франции.

- А вы хитрец, - улыбнулась она, и сняла рубашку прежде, чем я нашёл другую.

- Вторник, - говорила она, - всегда оранжевый и бесстыжий.

Апельсин в её руках послушно избавился от корки. Я хотел быть этим апельсином.

- Моя бабушка с детства говорила, что я должна безумно любить мужчин. Безвозмездно, не требуя взамен ничего.

Мне нравились слова незнакомой бабушки.

- Вы считаете меня развратной? - спрашивала она из-под одеяла. Я улыбался, не понимая вопроса.

Ночью она разгоняла мой притворный сон. Сдёргивала с меня одеяло. В моей постели снова было тесно. Впервые это чувство было мне приятно. Луна, увидев, что у меня занято, багровея, скрывалась за облаком. Пару раз я замечал, что она подглядывает. Соня была хозяйкой положения. Моя фантазия и опыт меркли перед её изобретательностью. Осознание, что я был у неё вторым, не спешило стать аксиомой. Середина ночи и остатки вина уговаривали меня плевать на очерёдность.

Утро, просунув под штору меморандум солнечного света, вынесло приговор: среда.

Я выполз из-под тёплой ладошки и, заглотив остатки сыра, ушёл на работу.

Придя в библиотеку, я стал ждать вечера... К обеду размышлял о побеге.

- Дугин, почему у вас Шукшин стоит в научной фантастике? Весь! Ведь это жёлтая рубрика.

- А сегодня всё жёлтое, - говорил я влюблённо. - День такой: среда. Время единения и общности.

Послали в отдел корреспонденции. Клеить марки. Оттуда - к дворнику за бланками для писем.

Есапыч, обозвав блаженным, остервенело пылил метлой.

Перед закрытием чей-то голос спросил меня в темечко:

- У вас есть что-нибудь о четвергах?

- Честертон в художественном, - ответил я в столешницу. - Второй этаж.

- А что-нибудь про безудержную любовь библиотекарей и художников?

Я поднял глаза. Соня стояла в моей рубашке и улыбалась.

По дороге домой она собрала всех животных. У ближайшего фонтана я заставил её вымыть руки. И пожалел.

Весь оставшийся путь солнце бликовало на наших мокрых волосах. Прохожие переставали ориентироваться, глядя на её улыбку. Девушки на улицах стали обращать на меня внимание.

По дороге зашли к Степану, физику-теоретику. Поймали его за очередным экспериментом. Счастливая мышь, воспользовавшись заминкой, прыгнула в окно. В душевой читал нараспев собственную поэму Борис. Оказалось, ушёл от жены. Не выдержал её нервных срывов. Покидая дом, унёс с собой чистые носки, томик Есенина и фразу, брошенную в затылок.

- Чтоб ты заблудился, алкоголик!

Ему были чужды институты семьи. Есенин на тридцатой странице бережно хранил заначку.

Будучи поэтом, Борис всегда излагал свои мысли кратко и несколько витиевато.

О детях в яслях он говорил:

- Каторжата.

О свободе слова:

- Нам при рождении в рот положен кусок мяса. Хватит орать. Жрите.

Катаясь в метро, бубнил в воротник:

- Ползаем, как червяки.

Однажды, на литературных чтениях, после банкета, в гостинице нетрезвый Борис ломился из своего номера в соседний, колотя тапкой по обоям. За стеной спал не менее пьяный Успенский.

Борис стучал и плакал:

- Эдуард Николаевич! Как вы можете так пить? Вы же написали Чебурашку!

Среди всего прочего Борис не любил общество. Он был заведующим диспансером в психиатрической клинике, любил свою работу, жену и еще двух-трех сослуживиц. В пятницу вечером он осушал бутылку вермута, дрался с местным слесарем, после чего шёл бросать кирпичи в автобус. Стихи он писал исключительно в плохом настроении.

Размолвка с женой вдохновила его на оду. Выскочив из душевой, он продекламировал первые строфы. Соня оценила. Борис не торопясь завернулся в полотенце. Я надел второй ботинок, не успев снять первый.

Степан выбежал за нами в подъезд с чайником в руках.

- Уже уходите?

- Не хочу, - говорю, - мешать. Ещё настроение поднимется. Собью волну.

Соня хихикала.

- Жаль. - Степан с чайником в одной руке задумчиво глядел на электроды в другой.

- Слушай, - говорит, - у тебя мышей нет?

Мы уехали на лифте.

Всю дорогу Соня хохотала и бегала за голубями. Я, сунув руки в карманы, пинал винную пробку. В воздухе потрескивало напряжение. В итоге Соня взяла меня под руку и шепнула:

- Ты такой дурачок.

Мне казалось, что надо мной не смеялся только ленивый.

В подъезд всё же входили порознь. Конспирация была выше обид.

Лифт не работал. Критик Малицкий неожиданно застрял между этажами. Это было странно при том факте, что живёт он на втором. По подъезду суетливо бегала главная по дому, делая вид, что ищет кошку. В халате и накрашенная.

Я подошёл к заклинившим дверям.

Малицкий, обмахиваясь веником из тюльпанов, сидел на полу.

- Евгений Самуилович, - сказал я, - что вы искали в лифте?

- Достойную литературу, - огрызнулся критик.

Как ни странно, мне полегчало. В прошлом году жюри не допустило мои рассказы к чтениям. Возглавлял отборочную комиссию мой сосед по подъезду, известный критик - Евгений Самуилович Малицкий.

В этом году было попроще. Я вступил в Союз Писателей. Правда, не отпускало ощущение, будто к ноге что-то прилипло.

Я поднялся на свой этаж. Соня ждала. Раздеваясь, мы чуть не забыли закрыть дверь.

Ее худые плечи и острые коленки превращали мою лачугу в Зимний. Я начинал путаться в коридорах и стал бояться революций.

Мы были невинны в своем пороке. Путь назад не обсуждался. Диалоги нас утомляли.

- Ты прекрасна, - шептал я.

- Как ангел! - звенел её голос.

Кровать вторила нам сотней пружин. Светло-тёмный комок наших тел распадался на части лишь к утру. Птицы на карнизе бились за места в зрительном зале.

Так продолжалось с месяц или около того.

Как-то я спросил:

- Тебе не скучно со мной?

Соня оглядела комнату и ответила вопросом:

- А ты хочешь позвать кого-то ещё?

Червячок негодования заворочался в полусне, требуя объяснений. Слова стали взвешиваться перед вылетом.

Лето близилось к концу. Дожди хлестали по лицам, как обезумевшие пожарники, разгоняя митинги на площадях. В моей ванной появилась ещё одна зубная щетка.
В библиотеке стало невыносимо людно. Начался учебный год.

Однажды Соня сказала посреди ночи:

- Голубое бесконечное небо.

Я протёр глаза и выпутался из-под одеяла.

Она сидела на подоконнике.

- Почему день не может быть таким же бесконечным?

- Будет новый, - зевнул я. - Пойдём спать.

- Но завтра уже суббота.

- Ага, - говорю, - весь день наш.

Она крепко обняла меня, прижалась к уху и зашептала часто-часто, скороговоркой, без остановки, вздрагивая и трясясь:

- Деничка милый мой ведь это не наши дни ведь мы украли их у себя же украли у других людей проспали пролюбили их неблагодарно подло мы любили и любим друг друга и нас любят другие не чужие нам доверяют а мы обманываем врём и мучаем потому что сами мучаемся и толкаем туда же и за собой тянем не от слабости и равнодушия от бессилия и простить не можем себе лёгкость эту и любимым прощение наше за те дни которые мы воруем у них у себя друг у друга Деничка любимый мой дорогой я рвусь на маленькие кусочки каждому остается один такой кусочек ничего для себя не осталось ни согреться ни закрыться ничем как черновики как эскизы наброски перед работой страшно без них с ними нечестно нечестно страшно...

Слова Сони настораживали. Количество выпитого пугало. Я, как мог, успокоил её. Отвёл в душ. Напоив чаем, уложил спать. Утром, стараясь не будить, оделся в кухне и вышел на улицу. На вечер я хотел приготовить сюрприз.

Но к вечеру Соня исчезла.

* * *

Только на второй день я полностью осознал: её действительно н е т.

Стоит ли говорить, что со мной происходило. Я напоминал песочные часы без песка. Ворочался по ночам как маховик. Стал путать имена и пропускать остановки. Раскаялся во всех грехах. Оставлял открытой дверь. Кричал в окно имя. Проклял субботу. И упал на дно синей ямы.

Кто-то сказал: мужика на дно затягивает баба.

Худое тело в мужской рубашке мерещилось везде. Из комиссионки вытолкали, еле вырвав из рук манекен. Телефон бесил чужими голосами. Друзья затаились в блиндажах. Ничего не подозревающий Толик прибежал с очередной идеей - открыть своё радио.

- Уже, - говорит, - название есть. «ШершеЛяFM». Как тебе?

Я взвыл и ударил Толика по лицу.

Критик Малицкий, попавшись на лестнице, со страху предложил место в следующем номере.

На работе не разбирал рубрик и придумывал новых авторов.

Безликие «Мифы и сказки» написал некто Бушменов. Янки при дворе короля сэра Артура Конан Дойля носились как оголтелые со своей круглой мебелью. «Жуки на булавках» обосновались в разделе энтомологии, рядом с «Повелителем мух».

Старший библиограф вызвал к себе. Я потушил сигарету в «Так закалялась сталь» и пошёл следом.

- Что у вас случилось?

- Морские узлы развязались. Команда просится на берег.

- Вы, что, пили сегодня?

- Если можно, хотел бы продолжить.

- Ваша наглость и эрудированность в равной степени не знают границ. Вы на хорошем счету. Не портите себе репутацию.

- Счёт и у меня хороший. Имею неотгулянную неделю отпуска.

- Да что вы всё заладили! Нина из архива на месяц в истерике сбежала. Вы теперь... Кстати, это правда, что про вас двоих говорят? Вы действительно Нину обидели?

- Ещё как! - говорю с шутливой интонацией. - Потом догнал и ещё раз обидел.

- Не перегибайте... Ладно, чёрт с вами. Через неделю обоих жду на работе.

Я ещё что-то пошутил про Нину и ушёл домой. По дороге завернул в винно-водочный: к сердечным мукам добавилась голодная совесть.

А Соня не объявлялась. Синяя яма субботы росла и углублялась, растянувшись на несколько дней. Я перебрал все дни. Все цвета. Я искал. Как каждый охотник, я желал знать - где?.. Мой покой стал выражаться в безостановочном поиске. Вечный мой, вещий мой Сон. Я начал бояться, что неожиданно спрыгну с ума, а затем с крыши. Хотелось быть под присмотром.

Борис, вернувшись к жене, ушёл в творческий ступор.

- Судьба меня любит наполовину, - жаловался он, забыв про мои муки. - Или вообще не любит.

Была ненавистная суббота. Я передумал бриться. Мы шли за водкой.

- Никогда ещё я не получал от неё подарков, - продолжал он.

- Смотри, - говорю, - бумажник.

- Пустой, - огрызнулся Борис.

Я нагнулся, подобрал.

- С деньгами!

- Фальшивые, - отмахнулся обиженный судьбой поэт.

- Настоящие! - убеждал я.

Борис помолчал, а потом ответил с плохо скрываемой злобой:

- По-любому на них уже что-то купили.

Бутылка кончилась к середине ночи. Последний автобус уехал с кирпичом в салоне. Борис отряхивал руки. Я был подавлен, чувствуя аритмию сердца. Пьяному товарищу хотелось крови. Слово «суицид» выбросилось изо рта поэта.

- Не надо, - говорю, - у тебя семья. Не поймут.

- Плевать.

Мы стояли возле ветки метро. Борис целился попасть темечком между рельс. Издалека нарастал гул.

- Подожди, - говорю. - Стекольщики без работы останутся. Я кирпичи в автобусы бросать не буду.

- Тоже плевать.

Борис, как пловец, стоял на изготовке. Через минуту он матерился, сидя на шпале и дул на разбитое колено. Гул подбирался ближе.

- Вылазь, дурак. Это решение слабаков.

- Считаешь меня слабаком - иди домой.

Борис лёг рядом со шпалой.

Гул перерос в грохот. Всё залило светом, и мимо прогремела колонна машин дорожной службы. От мокрого асфальта повеяло свежестью.

- Я тебе говорю - вылазь. Это новая ветка. Станцию ещё не запустили. Пошли домой.

Мне невыносимо хотелось выть. Я хотел жить и видеть Соню. Я ушёл домой.

Выть остался Борис:

- Я же говорил: судьба меня не любит. Не любит!

* * *

Моя же судьба предпочитала не вмешиваться в ход событий. Впрочем, как знать. Я её не клял. Она не делала хуже. Не трогала она меня и после, оставив до утра в дворницкой незнакомого подъезда. В голове эскадрон скакал. Во рту - как после цыганской свадьбы.

Воскресное утро, словно будничный день в вымершем городе. Тишина перекрёстков трезвила и вызывала агорафобию. Хотелось почувствовать надёжный оплот ларька на другом берегу улицы. Тянуло домой. Подземные переходы хищно распахивали пасти. Светофоры никак не могли определиться с цветом.

Шахматная доска обрывком лежала на жёлтой дверце. Равнодушный таксист сбросил счётчик и отпустил сцепление.

- Дверью не хлопать, - процедил он сквозь Мальборо. - В машине курят.

Город поплыл назад, проседая на ухабах. Столбы штрихкодом неслись по бокам. Северный ветер Владимирского Централа свистел в ушах, сквозя из магнитолы. Пиратская команда сошла на берег. Семь футов под килем и бутылка рома плескалось в желудке, утягивая за борт.

- Да чтоб тебя! - любитель блатняка распахнул дверцу и вытолкал на газон. - Пить учись, салага! - крикнул напоследок бомбила. Собачье «пойдем на улицу» лежало рядом, конфузливо прижимаясь к булыжнику.

«Не держи в себе, - шептал внутренний голос. - Давай, как Высоцкий: до блевоты, до рвоты». Желудок сжался и весь мой богатый внутренний мир украсил лужайку. Потом ещё раз. Всё же повторение пройденного не мой конёк. Хватило бы и одного раза.

До дома оставалась пара кварталов, а на диван хотелось ещё полчаса назад. Нелегка жизнь библиотекаря.

Солнце карабкалось по стенам домов, укорачивая тени. Обнимало стылые камни. Пролезало меж штор без мыла. Слепило хмельное

сознание. Город, всхрапывая, просыпался.

За спиной громыхнул упущенный троллейбус. Дороги щедро делились с обувью пылью.

Газетные киоски раскрывали прессу на разворотах. Тюльпаны сгрудились вокруг памятника. Из пекарни тянуло горячим хлебом, ночная смена собиралась домой. Шмель кружил над цветами, огибая ценники. Где-то на другом краю земли ещё спала она.

К полудню родной двор раскрыл объятия. Шторка лифта по-отечески прищемила палец. Квартира опустошённо молчала. Пошагав на месте, стянул джинсы на пол. По паркету прозвенел недобитый аванс. Сон оказался глубок и недобр.

- Дугин, это правда, что вы отправили книгу в абортарий? Какой позор! Пятно на всю библиотеку.

- Правда, - отвечаю. - Жду, когда обратно приедет, чтобы ещё раз опозориться.

- Но зачем?!

- Как зачем? Я же сплю. А захочу - в говно превращусь. Лови шматок!

Я во сне всегда такой загадочный. Пока не проснусь. Утро всех равняет, поднимает общество до моего уровня.

Я проспал до пяти. Общество вовсю голосило и готовилось ко сну. Воскресенье заканчивалось.

Обшарив комнату глазами, полез в себя с претензиями и жалостью. Зрачок зацепился за предмет, лишний в мазайке бардака. Из женской сумочки выглядывал билет на поезд. Из Мурманска, как показал детальный осмотр. Сумочка стояла на аккуратно сложенной юбке. Не носом - лопатками почувствовал, как за стеной курит Соня.

* * *

Маленькая коленка острым углом смотрела на холодильник. Сигарета, как дерево в лесу, затаилась меж пальцев, испуская дымок цвета грусти. На переносице авторски восседали чёрные очки.

Я осторожно присел по другую сторону стола, стараясь не спугнуть этот призрак в мужской рубашке. За окном, не разбирая пути, шёл дождь. У меня вспотели ладони. Безудержно хотелось в туалет. Я вежливо терпел.

- Всего этого могло и не быть, - медленно прорезала тишину Соня.

Оторвавшись, пепел каскадом покатился по обнажённой голени. Я кашлянул.

- Если женщина любит, она изменяет только один раз, - продолжила она. - Если любит мужчина, он остаётся с женщиной.

Я почувствовал, что любовная история закончится мелодрамой. Весёлый огонёк заплясал перед новой сигаретой.

- Ты уезжаешь? - спросил я очевидное.

- Нет. Я оставляю тебя.

Она сняла очки, и фиолетовое воскресенье всеми оттенками аквамарина заиграло на её лице. Багровым ореолом от брови до скулы её лежала печать мужского прощения.

- А ведь всего этого могло и не быть, - повторила она. - И на твоём примере я поняла, как люблю его. Мужчин нельзя обижать, женщин - сам знаешь. Кем бы они ни были: художницами, проститутками... или скромными труженицами архива городской библиотеки. Я случайно узнала. Но больше говорить об этом не хочу. Поступи, как мужчина.

Она встала, поцеловала, как ребёнка - в лоб, и ушла, захватив юбку. Снова и навсегда.

- Больше не лезь на амбразуру! - бросил я в спину.

- А ты не подталкивай, - сказала она за порогом.

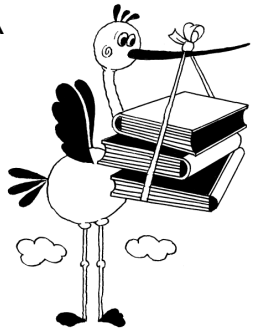
Мне остался лишь пепел. И сверху по паркету ещё недолго раздавались шаги моего разбитого сердца. Около часа всё смолкло.

Картина мира покачнулась. Правда, я стоял на ногах крепко. Я даже сел и налил чай. Завтра наступал понедельник. Чистый, новый. Завтра я обещал выйти на работу. После долгого забытья. Завтра возвращалась из отпуска Нина. Завтра я должен был искупить свою вину и уволиться из библиотеки. Всё должно быть честно.

Я вдруг увидел себя, сидящим в кинотеатре. Фильм почти закончился, я ничего толком не понял, но знаю, что должен скоро выйти. Всюду разбросаны пустые бутылки, обёртки. И я сам жую какой-то поп-корм, испытывая при этом жуткий пепси-голод. Вот уже герой произносит долгожданные слова. Ты мысленно соглашаешься. А параллельно шагает мысль об очереди в гардеробе. И эта теснота, в которой лица не разобрать. Раньше мы все так любили наблюдать друг за другом через замочную скважину. Или в глазок. А теперь, наладив контакт, мы сами как будто распахиваем двери перед чужим носом. Зачем? Нам так не хватает публики? Чего в нас больше - духа или брюха? Нам важен финал или первое место в очереди за курткой? Мы слушаем себя, или тех, кто всё знает? И если мы можем вот так спокойно уходить из чьей-то жизни и легко приходить обратно, то, может, стоит замки сменить?

* * *

На следующий день я шёл отпущенный и вроде бы прощённый. Через город перешагивала запоздалая радуга. В голове роились уже бесполезные библиографические знания. А за спиной задумчиво скрёб метлой, царапая бетон, Есапыч. Но не бетон он царапал, а мою совесть. Которая со временем, я надеюсь, станет чиста.



УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Так называется межрайонный Фестиваль литературного творчества, объединивший самодеятельных поэтов и писателей Шарканского, Дебесского, Воткинского районов. Фестиваль - это всегда праздник. Любой творческий фестиваль порождает дух единения и взаимопонимания, удивляет, вдохновляет. Фестиваль - это дополнительный стимул к творчеству, возможность открытия новых имен талантливых людей.

В Фестивале приняло участие 33 человека, взрослые и дети Петунёвской, Ляльшурской, Мувырской, Сосновской, Вортчинской, Быгинской, Порозовской, Шарканской, Черновской, Заречномедлинской, Тыловайской, Дебесской школ.

Тепло, со звоном колокольчика, с пышным караваем, вкусными блинами и ароматным чаем встретил коллектив Петунёвской школы приехавших на праздничное мероприятие. Персонажи произведений Владимира Коткова Энык-Беныk и Беклёр тоже торопились на торжественное открытие. Они узнали, что для ребят - это открытия и мечты, для их родителей - это окрылённость и надежда на будущее, для педагогов - поддержка талантливых и одарённых, для всех собравшихся - это открытый мир детства и фантазии.

С приветственным словом к участникам и гостям межрайонного Фестиваля выступила директор МКОУ «Петунёвская СОШ» Ирина Александровна Коткова.

Фестиваль начался с разговора о сокровенном с членом Союза писателей Удмуртской Республики и Российской Федерации поэтом, драматургом, бардом, педагогом Владимиром Васильевичем Котковым, проживающим здесь же, в деревне Петуньки. В наши дни так важно для роста юных талантов, чтобы рядом оказался опытный наставник, способный оказать поддержку таланту в реализации творческого дара. Владимир Васильевич приобщает к литературному творчеству учащихся Шарканского района, любящих поэтический мир. В его выступлении прозвучали песни и стихотворения, параллельно были показаны уникальные кадры фильма о его жизни и творчестве. На выставке «У книжной полки» не хватило места для всех книг и работ Владимира Васильевича, а также книг воспитанников поэта. Владимир Васильевич подарил присутствующим свою книгу «Всё об Эныке-Беныке» (перевод с еврейского языка стихов Овсея Дриза).

На секциях «Серебряные строчки» (поэзия) и «Всё начиналось с чистого листа» (проза) прозвучали проникновенные слова о том, что волнует наших современников.

Юные дарования заворожили зрителей лучшими своими произведениями, украсив их музыкой, иллюстрациями и драматическим действием.

Межрайонный Фестиваль «Удивительный мир детской литературы» решено проводить и в дальнейшем, раз в два года. Начало положено.

Светлана Широбокова,
учитель МКОУ «Петунёвская СОШ»

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРОЧКИ

Наталья ВАХЛИНА
11 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

* * *

За окном тихо воет злой ветер,
А в камине горит огонёк.
Что-то друг мой сегодня невесел,
От меня совершенно далёк.

Скрыл от меня свои мысли,
Свои чувства, свой взор и свой страх.
Мы на крае каком-то зависли:
Шаг вперёд - неизбежный крах.

Ты не бойся открыть мне, дружище,
Свою душу и мысли вслух.
И, быть может, с тобой мы отыщем
Огонёк, что, к несчастью, потух.

Мы найдём с тобой смысл жизни,
Мы найдём с тобой центр Земли.
Я скажу тебе: «Ну-ка присвистни!
Свою смелость и дух подними!»

Мы с тобой обойдём вокруг света,
Мы с тобой проплывём все моря.
Буду ждать от тебя я ответа,
Веря в то, что всё было не зря.

* * *

Бежит по тропинке девчонка
В лёгких светло-синих штанах.
А где-то, не рядом, в сторонке,
Мальчик, разломанный в прах.

Мальчик смотрит грустно на небо
И, с легкой ухмылкой в глазах,
Идёт мыслями там, где не был,
Ощущая всё больший страх.

Но сквозь мысли и страх он услышал
Аромат светло-синих цветов,
Сквозь туманы к нему осторожно
Вышла девочка - фея из снов.

Она крепко взяла его за руку,
Что-то тихо на ушко шепнув.
Нет, не впустит докучную скуку
Над разбитой душою парить.

Понял мальчик: на этой планете
Доброта - лучше всяких лекарств.

Никита ГЛЕБКИН
7 класс МКОУ «Черновская ООШ»

* * *

Рано утром, встав с постели,
Выглянув в окно, вижу - ели.
В белых шапках, как в подушках,
Лучик красит их макушки.

Солнце на ветвях еловых,
Белки скачут, кричат совы.
Лапы тянут, в гости ждут -
Ели хоровод ведут.

Снег - охрана, помощь - ветер,
Только злющая метель
Воет, злится, стонет, плачет,
Напугать мечтая ель.

Вот подушки покачнулись,
Звёзды яркие на пень.
Холодит ладошку чудо -
Значит, будет добрый день.

Екатерина КИБАРДИНА
9 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

* * *

Ступает нога
По гиблой земле,
И сердце стучит в груди.
Раньше - луга,
Где всё в ковыле,
Сейчас - ничего впереди.
И хочет солдат
Кричать в небеса:
«За что же нам это всё?!»
Но губы болят,
И щиплет глаза,
А тело - идёт вперёд.
В чернильную ночь
Навстречу с судьбой
Шагает тот батальон.
И не превозмочь
Железный настрой
Того, кто войною сожжён.
Смело идёт
Суровый отряд,
Достойно свой крест неся.
Ты слышишь?
Поёт усталый солдат.
А войско идёт -
Туда, где гарь,
Зловонная смерть царит.
И знаю, не подведёт
Тот батальон. Кричат:
«Ну что, друзья!
Нас долг за собою зовёт!
Идём в кромешную тьму,
Где смерть и ад.
Опаздывать нам нельзя!»

* * *

Вы скрывались во мраке баров,
Напевая извечный мотив.
Вас просили быть вместе задаром,
Вы смеялись, сжимая гриф.
Чуть сильнее, чем было нужно -
Дрожь змеёй проскользнёт по коже.
Становилось чуть-чуть, но сложно
Уследить за напевом дружным.
Вам плевать на законы мира -
Вы живёте в своём спокойно.
(Может, в нём иногда и сыро...
Только это не так уж больно!)
Вам бы кофе да сигарету
На грядущую ночи тьму...
И вот так проходил по свету
Год за годом, не отличив
Ни один, ни другой, ни третий.
Улыбнётесь, задав мотив -
Ведь живёте на этом свете,
Чтобы оный давать. Но гриф,
Что сжимаете так усердно
Задрожавшими вдруг пальцами...
«Ну, сегодня погодка, верно?»
Что ответить? Решайте сами.
«Что такое любовь, скажите?» -
Спросит он, ей взглянув в глаза.
«Сколько прожил на этом свете,
Но её никогда не знал».
И сидят, скрыты мраком бара,
Два чужих, но воскресших духа.
Смотрит, не отрываясь, пара
Чьих-то глаз наготове с луком.

Наталья МОСКАЛЕНКО
9 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

* * *

Скоро чудо в дверь постучит, как прежде.
Скоро праздник, скоро зажгутся свечи.
Девочка пишет своей последней надежде,
Девочка пишет тому, в кого ещё верит.

«Дед Мороз, я давно тебе не писала.
Кто-то не верит, а кто-то уже стал врать,
Что тебя нет. Уверена, это неправда.
Или просто не знаю, кому мне ещё писать.

Мне не нужны куколки, мячики, дротики,
Разные сладости типа конфет шоколадных.
Верни мне, пожалуйста, моего котика,
В чьих кошачьих глазах мир отражался, янтарных.

Он был болен, я видела: что-то не так.
Он ушёл в ноябре, решив, что уже пора.
Он ушёл в лес, он не оставил знак.
Первое время я глаз не сводила с окна.

Мне уже давно понять следовало,
Но я продолжала ждать снова и снова.
Больные кошки уходят из дома не временно,
Больные кошки просто уходят из дома».

* * *

Наш мир наполняется гнилью,
Погружается в вечную осень,
Пропитанный запахом пыли,
Пропитанный нашей злостью.

Наше будущее темнеет!
Мы сделали мир опасным.
На кусочки ломаем землю,
Красим небо в пепельно-красный.

Вместо лесов и цветочных полей
Остается земля пустующая.
Такой мир для своих детей
Вы хотите оставить на будущее?

* * *

Мне казалось, она не уйдёт. Я был не прав.
Солнце погасло, город зажёг фонари.
Накинув шаль, боль рукавом убрав,
Она коснулась слегка ручки старой двери.

Её ждал новый день, в нём не слышно моих шагов,
В нём нет моих писем, не видно тени моей.
В нём только свет, белое солнце, любовь,
Её чистое сердце, полное новых людей.

Она перешла за порог, всё, что дорого мне, забрав.
Опустела душа, от моря остались лужи.
Мне казалось, она не уйдёт. Я был не прав.
Её нет. Недостроенный мир разрушен.

* * *

Люди теряют людей,
Как слепые теряют зрение.
Как чёрные тени бровей,
Как с возрастом сердцебиение.

Нам не избежать измены,
Нам не избежать смертей.
Как яркость теряют вены,
Так люди теряют людей.

Но время, оно проходит,
Рассеется серый туман.
Мы людям замену находим,
Как её находили и нам.

Светлана ПЕРЕВОЗЧИКОВА
8 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

Монолог повзрослевшей дочери

Всегда в движеньи нахожусь -
Иду я, не остановлюсь,
Пройду преграды на пути,
Но в детство не вернусь, прости.

Я взрослая, и уж пора
Лететь с родного мне гнезда.
Мамочка, не плачь, прошу.
Утешься, вот что я хочу.

Ты нежностью меня поила,
Но и ответственно любила.
Прощала всё, забыв обиду,
Не верила, что взрослой буду.

Теперь стою я пред тобой
И, голову свою склоня,
Смело уношу с собою
Рождённое тобой дитя - себя.

Твои усталые глаза
Печально, грустно и тревожно,
Так нежно смотрят на меня,
Но и корят меня, возможно.

Всегда в движеньи нахожусь -
Иду я, не остановлюсь,
Не обернусь, но всё ж всплакну,
Ведь очень я тебя люблю.

Ты моё солнце

Ты моё солнце, мой лучик, мой свет,
Ты моё горе, виновник всех бед,
Ты моё золото, мир мой вокруг,
Ты моя девушка, больше, чем друг.
Ты умеешь летать, не боясь высоты,
Ты умеешь шагать, не боясь пустоты,
Ты умеешь бежать, сочиняя мечты,
Но любить вот не знаю, умеешь ли ты...
Ты бежишь от меня непонятно куда,
Но я догоню и поцелую тебя.
Сильнее прижму, не отпущу
И меня любить научу.
Никому не отдам, никому не продам.
Не обману, никогда не предам.
Конечно же, знаю, я эгоист,
Но в жизни с тобой - чистый лист.
Ты моё солнце, мой лучик, мой свет,
Ты моё горе, виновник всех бед.
Не признаёшь, но я знаю тебя.
И также я знаю, ты - любишь меня.

Анастасия МИХАЙЛОВА
11 класс МБОУ «Порозовская СОШ»

Живи, покуда хватит сил

Солнце, речка, шум машин,
Полыни запах мельтешит.
Цикорий смотрит лазурным цветом.
Иду вперёд навстречу ветру.

По пруду рябь бежит, переливаясь,
И ряска в нём плывет, мешаясь.
Деревья мёртвые в пруду стоят.
А птицы, радуясь или молясь, кричат.

О чём же молятся природные певцы?
О том, чтоб ветром были б не унесены птенцы?
О том, чтобы их не похитил коршун?
Или еды в семействе было больше?

Откуда же мне знать про их мечты?
Ни разу птицей не была я в их лета.
Хотя хотелось бы и мне пернатой стать,
В синем небе самолётами летать.

Свободной стать от всяких обстоятельств.
Не видеть ни своих и ни чужих предательств.
Быть собой и маски не носить
И всею силой жизнью дорожить.

Неужели сложно человеком быть?
Отнюдь. Меня должны простить.
В жизни нашей усложняем мы всё сами,
Теша себя безумными мечтами.

Инструкций, правил к жизни нет.
И точных сроков: хоть сто, хоть пять лет.
И смысл жизни лишь один:
Живи, покуда хватит сил.

Мечты

Кто-то мечтает о том,
Чтоб у него всегда был крепкий сон.
Кто-то желает мечтать о том,
Чтобы чудо не проспать.
Кто-то мечтает о большем:
Видеть закат и рассвет одной ночью.
Кто-то мечтает о деньгах, о славе.
Кто-то предпочитает это лёгкой забаве.
Алчные... Грязные...
Сумасшедшие... Странные...
Благородные...
Добрые...
Всё это - мечты.
И будем им всегда предаваться -
И они, и я, и ты.
Ведь это не странно.
Им можно предаваться целый век.
Ведь если не мечтаешь -
Ты не человек.

Елена КУЗНЕЦОВА
учитель МБОУ «Шарканская СОШ»

Рябина

Тихо иду по равнине,
Вижу, как что-то старик
Шепчет невнятно рябине,
Сам головою поник.
Лоб в паутинах тревоги,
Орден-звезда на груди.
«Здравствуйте!» - «Доброй дороги...
Путник, постой, погоди!..»
Вдаль устремил он суровый,
Горько-задумчивый взгляд -
«Я расскажу, как свинцовый
В душу попал мне снаряд.
Жуткие, страшные годы...
Всё бушевала война.
Многие наши народы
Духом сплотила она.
Грохот и рокот, снаряды.
Враг и огонь впереди,
Посередине - отряды,

Смерти следы - позади.
Гром превращает всё в пепел,
Катится, эхом звеня...
Взрыва я и не приметил:
Пуля сразила меня.
Помню, в тумане неясном
Ужас и крик паренька
И в урагане опасном
Около танка - сынка.
В недруга бросив гранату,
Громко он крикнул: «Отец!
Вот, получил враг расплату...»
Но не окончил. Свинец
В грудь залетел молодую.
Мой... мой парнишка... упал,
Землю обнял он родную,
Рядом и враг его пал.
Годы войны отшумели.
Вырастил бережно сам
Эту рябину у ели -
Память погибшим бойцам».
Тяжко вздохнул он. С тоскою
Скорбно смотрели глаза.
Вслед за дрожащей рукою
Тихо скатилась слеза.
«Нет, никогда не забуду
Сына, товарищей, дней...
Пусть же горят им повсюду
Гроздья багряных огней!»

Не ломайте крылья души!

Не ломайте крылья души!
Я прошу вас, люди, не надо.
Посмотрите: как хороши
Цветники душевного сада!
Здесь растут ромашки добра,
Белизной сродни они снегу.
В сердцевине яркое бра
Дарит радость и счастья негу.
Одуванчик пушистым теплом
И в мороз, и в ненастье согреет.
Колокольчик своим бубенцом
Песней звонкою горе развеет.
Разноцветные розы любви
Красотою своей очаруют.
Сколько же лепесточков любви
Они людям на свете даруют!
Наступил уже ваш черед.
Из цветов веночки сплетите
И на крыльях души вперёд
По чудесному саду летите.
Но когда сердце желчь гнетет.
Но когда изранены крылья,
Невозможен долгий полёт.
Заживут ли ещё ваши крылья?..
И увидите ль, как хороши
Все цветы чудесного сада?
Не ломайте крылья души!
Я прошу вас, люди, не надо!..

Людмила РУДИНА
учитель МБОУ «Порозовсая СОШ»

Я люблю

Твердят мне люди: живёшь в чаду.
Но так я землю свою люблю.
Люблю я птичьи голоса
И голубые её глаза.

Люблю кормилицу свою.
За всё её благодарю:
За красоту, за щедроту
И за душевную теплоту.

Я всем скажу: живу в раю,
Вкушаю яблоко в саду.
Попробуйте тот плод и вы.
Не все хотят его, увы.

Бывают варвары в саду,
С душой своею не в ладу.
Они готовы растоптать
И все на свете растерзать.

Мы ж сами создали тот ад,
Употребляем разного рода яд.
Кричу: не обвиняйте, люди, зря,
Земля - страдалица зазря.

Планета эта - наш общий дом.
Для каждого есть место в нём.
И мы должны её сберечь,
От злой энергии стеречь.

Создайте, други, свой Эдем,
Чтоб не было в нём проблем,
Чтоб там был счастлив человек,
И прожил в нём бы целый век.

Надежда ОРЛОВА
учитель школы-интерната

Чистая тропинка

Моей бабушке -
Марии Федотовне Пислегиной

По тропочке знакомой
С бабушкой идём,

Бельё на коромысле
В вёдрах мы несём.

Тропка извивается,
К роднику ведёт,
Меж тополей торопится,
Вьётся и зовёт.

Журчит, знакомый, слышу,
Шумит и воду льёт
В колоду, чуть замшелую,
Где плавает бельё.

Словно комья снега,
Хоровод в воде,
Бабушка полощет,
А детям - брызги, смех.

С подружкой веселимся,
Играем на траве.
Ромашек много-много
И небо в синеве.

Чистая тропинка
В гору нас ведёт.
Бельё прополоскали,
И жизнь вперёд идёт.

Ромашковый поцелуй

Я бродила в лугах,
Собирала цветы.
А потом погадала,
Любишь ли ты?

Далеко разлетелись
Мои письма-мечты,
И унёс быстро ветер
Любви лепестки.

Мне остались сердечки,
Я их к сердцу прижму,
Поцелуй мой заветный
Я по ветру пошлю.

По наследству пришёл
К нам обычай таков:
На ромашках гадать,
Чтобы встретить любовь.

Татьяна МИХАЙЛОВА
учитель МКОУ «Петуневская СОШ»

Я всегда с тобой

Ты видишь, как тускло светит луна?
Она ведь на небе - тоже одна.
У неё нет любви, но есть ведь друзья:
Звёзды на небе - одна из них я.

Да, я звезда. Свечу для тебя.
Но тебе до меня не достать никогда.
Не найдёшь ты меня, не ищи, не зови.
Потому что меня потерял без любви.

Ночью звезда, днём - не звезда.
Только лишь капелька лета дождя.
Свысока упаду, прикоснусь твоих губ.
Ты меня поцелуешь сжатием губ.

Зимою снежинка упадёт на ладонь.
Ты меня не узнаешь, но я снова с тобой.
Звезда и дождинка, снежинка - всё я!
Потому что люблю одного лишь тебя.

Владимир КОТКОВ
педагог дополнительного образования

Не забывай, пиши

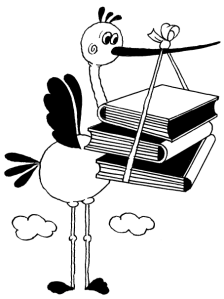
Золото листьев, как дар земной,
Ловишь ты налету.
Встретились взглядом случайно с тобой,
И загрустила ты.

Листья закружат в жёлтой пурге,
Красное лето, где же ты, где?
Парень девчоночку просит в тиши:
«Не забывай, пиши!»

Будет зима, будет снова май,
Будут пути, пути...
Лист желтокрылый, берёзовый мой,
К милой лети, лети.

Я в этой дали Отчизны солдат,
Верю, ты ждёшь меня.
Знаю, что где-то в багряных садах
Осень идёт, звеня.

Листья закружат в жёлтой пурге,
Красное лето, где же ты, где?
Парень девчоночку просит в тиши:
«Не забывай, пиши!»



ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА

Этэри ЧОЧИЯ
8 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

«Нетипичный хоррор»
(фантастический рассказ)

Времена меняются, люди все меньше хотят трудиться, и на замену им постепенно приходит техника. Мой ленивый друг Фома всё мечтает о роботе, который бы все за него делал.

Однажды ему представилась такая возможность. Был выходной. Ещё вчера вечером мне позвонил Фома и позвал к себе, сказав, что скачал классную игру. Мне стало интересно, и вот я уже стою и звоню в его дверь. Открыл мне сам Фома - парень четырнадцати лет с ярко-рыжими волосами и тучей веснушек. Глаза у него были тёмно-карие. Вот и всё, в общем, ничего необычного. Игра оказалась типичным хоррором, название которого я так и не запомнил, сама игра меня не впечатлила. Для себя же я решил, что больше ни за что не соглашусь играть с Фомой в подобные игры: слушать его крики не особенно приятно. Только я собирался сказать, что пора закругляться, как вдруг экран погас, и на чёрном фоне появилась следующая надпись: «Вам надоел этот скучный мир, где всё приходится делать самому? Не желаете ли вы отправиться туда, где ваша жизнь станет проще?» И под ней два варианта ответа: «Да» и «Нет».

- Ты понимаешь что-нибудь?- глаза Фомы округлились.

- Глупый розыгрыш, - презрительно прокомментировал я.

Кто верит в эти сказки о других мирах? Только дети и, пожалуй, Фома.

- Нажимай уже «Нет» и пошли играть дальше.

Может, это вообще вирус - чем быстрее мы закончим, тем быстрее я уйду отсюда.

- Да ладно тебе, прикольно же!

Мне бы его энтузиазм.

- Ну, давай попробуем согласиться и посмотрим, что будет.

- Нажимай, кто тебя держит, если ноутбук полетит, сам виноват будешь.

Чего это я волнуюсь, ноутбук же не мой.

И Фома сразу же щёлкнул «Да». Зря я ему это позволил. Надпись сразу исчезла, и вместо неё появилась другая: «Вы сделали правильный выбор. «Новый мир» ждёт вас».

И тут у меня резко заложило уши. Из динамиков начал издаваться звук, похожий на писк. Я повернул голову и увидел, что Фома лежит на полу без сознания. В глазах потемнело, и я отключился.

Голова раскалывалась, веки - будто налились свинцом. Я попытался пошевелить рукой, но у меня ничего не вышло. Не знаю, сколько я так пролежал. За это время я успел понять, что лежать мне неудобно, и вскоре мне всё же удалось открыть глаза. Я лежал на каком-то матрасе и сверху был укрыт одеялом. Я сумел приподняться на локтях и осмотрел комнату. Все мои надежды, что я просто попал в больницу, рухнули. Комната была странно обставлена: возле моей «кровати» стоял низкий стол, рядом с ним лежала подушка, видимо, заменяющая стул. На стенах висели какие-то странные картины. С надписями на непонятном языке. Пол тоже был странный, он был разделён на прямоугольники, сделанные непонятно из чего. Кажется, я уже где-то такие видел, но не мог вспомнить, где. Больше в комнате ничего не было. С горем пополам мне удалось встать, и я двинулся в направлении двери. Она здесь тоже была странной, такие двери вроде бы называются «купе». Только эти на вид были очень тонкими и сделаны из какого-то нежного на ощупь материала. Я раскрыл дверь и двинулся по коридору, здесь пол был уже деревянный. «Странное место» - единственное, что пришло мне в голову.

«Интересно, где Фома?» Я только сейчас всё вспомнил. «Этого не может быть, какая-то параллельная реальность. Такого просто не может быть!» Наконец я увидел дверь, она выглядела так же, как та, что была в комнате, где я очнулся. Я приоткрыл её и потерял дар речи. В огромном кресле, которое больше походило на трон, сидел Фома. «Мдаа... Неплохо он устроился, я бы даже сказал - очень неплохо». И тут меня заметили.

- Господин Альварес, вы проснулись? Мы так за вас волновались, вам лучше вернуться в комнату и ещё отдохнуть, - прямо передо мной появилась девушка в странной одежде. О, я вспомнил: так в Китае, кажется, одеваются. Кимоно вроде. Абсолютно лысый череп и по три серьги в каждом ухе. Всё время, пока она говорила, её лицо не выразило ни единой эмоции, глаза тоже были абсолютно пусты. И ещё у неё под глазом была татуировка в виде цифр «2875». «Что это означает и почему она так странно меня назвала?»

- О, Глеб, ты проснулся? Иди сюда. А ты можешь идти, - Фома сделал движение рукой, и странная девушка удалилась.

- Фома, что тут творится, и где мы?

- Ты что, ещё не понял? Те слова на ноутбуке оказались правдой. Мы оказались в другом мире.

Нет, быть такого не может. Это просто плохой сон - и всё. Так, надо закрыть глаза и сосчитать до десяти. «Один, два, три...»

- Ты что, не веришь? - оборвал меня Фома. - Если не веришь, посмотри.

Он подошёл к «стене» и отодвинул её. Моему взору предстал большой двор, но это не главное. На небе вместо солнца была огромная луна - или что это такое? Она светилась каким-то голубоватым светом. «Интересно, а как тут дело с приливами обстоит?» Мда, что только в голову не придёт.

- Ну и где мы?

- Честно говоря, я сам ещё не понял. Кстати, ты проспал два дня. Когда я сам только очнулся, сразу увидел Мио - ну, это девушка, которую ты встретил, когда пришел. Оказывается, в этом мире я сын какой-то крупной «шишки», а ты мой друг детства, который лишился родителей, и я приютил тебя у себя. И ещё здесь есть роботы или киборги, не разберешь их. И Мио одна из них. Отличить роботов от людей внешне почти невозможно. Номер под глазом, что ты видел у Мио, - единственное внешнее отличие.

Так, попробуем переварить информацию. Значит, эта девушка по имени Мио - киборг. Да, буду называть её так. При слове «робот» сразу какая-нибудь железка в мозгу всплывает. Ах да, Мио - киборг, похожий на человека киборг.

- А ты уверен?

Судя по тому, что я успел рассмотреть, уровень развития технологий тут достаточно низкий. Я даже затруднялся предположить, какой это мог быть год.

- По тому, что я узнал, всё как раз с точностью до наоборот. У них тут технологии получше наших, дело в том, что именно эта страна очень чтит традиции. Поэтому всё так старомодно и выгладит.

Мда... Ну, предложим, я поверил. И только я хотел задать ещё кучу вопросов, как дверь тихонько отодвинулась и в комнату вошла Мио.

- Извините меня, но мне кажется, господину Альваресу нужно ещё отдохнуть. Думаю, он ещё не поправился.

Никаких эмоций в голосе. Интересно, это так запрограммировано?

Так прошла неделя. За это время я пытался узнать как можно больше об этом мире, чтобы найти способ вернуться домой. Ничего путного я не нашёл, так как, несмотря на то, что все здесь говорили на русском (или мне так казалось), но вот писали совершенно непонятно, даже не знаю, с чем сравнить. А спрашивать других «жителей» этого дома бесполезно. Кроме Мио в доме ещё полным-полно киборгов. Я так и не смог запомнить их имён. Они все были неразговорчивыми и отвечали чаще всего односложными фразами. Эмоций у них, наверное, было столько же, сколько у камня, который лежит на краю дороги. Как я понял, они тут являлись чем-то вроде рабочей силы или даже рабов - кто их разберёт!

И, конечно же, Фома. Для него этот мир стал просто раем: сиди, ничего не делай, отдыхай да ешь. Мне кажется, его вообще не заботило то, что происходит вокруг. И ему было наплевать, что мы можем остаться тут навсегда. Простых людей я здесь вообще не видел, не пускают их сюда что ли. А нас однозначно не выпускают. Я пытался выйти, но бугай киборг мягко намекнул мне, что пытаться не стоит.

По истечении седьмого дня мы с Фомой сидели в комнате, которая в тот момент являлась моей. В комнату постучались.

- Можно войти?- это была Мио.

- Да, входи. Тебе что-то нужно?

Мио проскользнула в комнату. Когда Фома начал разговаривать таким высокомерным тоном? Ах да, целая неделя тренировок. Вообще, если бы я его не знал, то решил бы, что он тут родился и прожил здесь все свои четырнадцать лет. Адаптировался парень!

- Господин Мидзусима, вам уже стало лучше и вы достаточно отдохнули, поэтому пора начинать занятия.

- Какие занятия? - голос Фомы был полон недоумения, а я ехидно ухмыльнулся. Он что, и правда думал, что ему делать ничего не придётся? Ха, ха и ещё раз ха! Мечтать не вредно.

- Вы ещё не вспомнили всё? Видимо, придётся вызывать врача.

Меня уже порядком бесил этот бесстрастный тон. Интересно, а если ей на ногу кирпич уронить, она таким же голосом меня ругать будет? Хотя нет, думаю, она вообще на это внимания не обратит.

- Вам нужно возвращаться к тренировкам, вы уже больше недели не тренировались в стрельбе, и ваш учитель по иностранным языкам волнуется.

Фома нервно хихикнул. У него по английскому еле тройка натягивается, а тут иностранные языки. Ну, наконец, он начнёт помогать мне выбраться отсюда.

- Да, конечно, можешь идти, - глаза Фомы забегали.

Мио поклонилась и вышла.

- Глеб, что нам делать? Я же не справлюсь с языками, а как она отреагирует, когда узнает, что я писать не могу и стрелять тоже не умею?

Фома вскочил и заходил из стороны в сторону.

- Нам нужно найти путь домой!

О, как оживился, а я ведь ему об этом уже всю неделю твержу.

- Ну, давай, придумай что-нибудь, это же ты виноват. Если бы ты меня послушал и не стал делать глупостей, ничего бы этого не случилось, а теперь, как видишь... - я обвёл рукой комнату.

- Ну ладно, признаю, виноват, но кто же знал, что так получится? - он посмотрел на меня жалобными глазами.

Честно, смотрелось не очень, и я поспешно согласился.

- У меня есть идея. В этом мире, при его уровне технологического развития, должны быть компьютеры. Может, ты на правах господина попросишь один - ну, это хоть что-то.

- Ну конечно, это гениально просто, как мне самому это в голову не пришло!

Ага, конечно. Тебя всю неделю волновали только два вопроса: чтобы вкусного поесть и где бы мягче поспать, а тут такая высокоинтеллектуальная мысль да в твою голову. Боже упаси!

- Я пойду попрошу Мио! - и он скрылся за дверью.

Но это было только начало. На первом же пункте возникли проблемы. Мио обещала помочь, но, по её словам, без разрешения хозяина ничего не получится. Также у неё сразу возник вопрос, зачем же господину компьютер, ведь он никогда не интересовался ничем подобным. Фома же объяснил это тем, что он решил начать покорять новые горизонты. Звучит пафасно и нелепо, но Мио промолчала. Ещё одной проблемой на пути к нашему благополучному возвращению домой стало то, что само устройство будет добираться сюда как минимум полторы недели, и нам нужно за это время не дать себя обнаружить.

Разрешение мы получили быстро, и гаджет был уже где-то в пути, а у нас настал первый урок стрельбы. Фома, мягко скажем, не смог попасть в цель, а если точнее, он и держать лук не умел. И зачем в мире с таким развитием стрельба из лука? Мио наблюдала и молчала. Думаю, она что-то заподозрила. Нет, она точно всё поняла.

Этим же вечером состоялся разговор. Пока Фома бродил где-то в стороне кухни, в дверь моей временной комнаты постучали.

- Да, войдите.

Мио вошла и присела рядом.

- Я хотела спросить кое-что у вас, господин Альварес.

- Да, конечно, спрашивай, только давай без господина, - как же мне это всё надоело, хотелось вернуться домой в привычный и нормальный мир.

- Кто ты?

Ну что я могу сказать? Вполне логичный вопрос, так и знал, что она догадалась.

- Приятно познакомиться - Глеб.

- Значит, вы не господин Альварес? - я утвердительно качнул головой. В её глазах отразилась задумчивость. Стоп! Её выражение лица изменилось, неужели её отстранённость только маска.

- Значит, и Мидзусима тоже, - она не сказала «господин».

Всё моё представление о ней развалилась со скоростью карточного домика. Сейчас передо мной сидела обычная девчонка, пожалуй, единственным отличием был номер под глазом.

- Давно догадалась?

- Начала подозревать, как только вы очнулись. Дело в том, что вы с господином терпеть друг друга не могли и общались крайне редко.

- Того парня, который сейчас на месте вашего господина, зовут Фома. Мы оказались в ваше мире случайно, и чтобы вернуться, нам нужен компьютер, - я сразу раскрыл ей все карты, союзник нам понадобится.

Позже к нам присоединился Фома. Он был расстроен тем фактом, что нас раскрыли, видимо, хотел ещё покомандовать. Я рассказал Мио, как мы сюда попали, и она пообещала, что если что, поможет разобрать текст на приборе, который прибудет к нам не так скоро.

И вот настал день «икс». Долгожданный гаджет стоял перед нами. Если честно, он был почти копией наших компьютеров, но с тем отличием, что экран у него был в виде голограммы.

Мы с Фомой затаили дыхание, пока Мио разбиралась с устройством.

- Итак, всё готово.

Мы уставились на экран, но ничего не произошло.

- Может, нужно сделать что-то или сказать? - неуверенно предложил Фома.

- Ага, может волшебное слово?

Тоже неплохой вариант.

- «Пожалуйста»? - предложила Мио.

И тут - о чудо! - экран погас, и на нём появилась надпись: «Ну вот, неплохое волшебное слово. Мне нравится».

- Что, всё так просто?

Надпись поменялась: «А вы что хотели? Ну, если желаете, можете в следующее полнолуние подняться на самую высокую гору, найти там дракона, принести мне его зуб, потом посыпать этот зуб толчёным цветком папоротника, прийти сюда, сказать «пожалуйста» и отправиться в ваш мир».

- Нет, нам и так неплохо, - что-то у меня настроение не то, чтобы по горам лазить.

На экране снова высветился уже знакомый нам вопрос с вариантами ответа «Да» и «Нет».

- Ну что, пока, мне было приятно с вами познакомиться, - Мио обняла нас и помахала рукой.

- На этот раз сам нажму, а то опять что-нибудь перепутаешь, - я уверенно кликнул на кнопку «Нет» и снова провалился в темноту.

Когда я открыл глаза, первым, что увидел, был потолок. Оглядевшись, я понял, что мы снова в комнате Фомы. На часах было то же время, в которое мы примерно начали играть.

- В том мире было так хорошо, живи не хочу! Отдыхать можно сколько угодно, и ещё меня называли господином. Я буду скучать по единственному миру, где меня по-настоящему ценили, - произнеся сие пафосное выражение, Фома снова отошёл в мир сновидений.

Его и в такие моменты волнует только то, как бы ничего не делать. Я тут же почувствовал усталость и уснул.

Пол в этот момент был для меня мягче всякой перины.

Софья ЧУЗОВА
10 класс МБОУ «Шарканская СОШ»

Лингвистическая легенда о Шур и Шор

Давным-давно, там, где разлилась красавица Кама, жили-были по разные стороны реки незнакомые друг с другом удмуртка Шур и коми-пермяк Шор. Так бы и не познакомились, если бы не утки...

У Шора было много диких уток. Однажды вся стая пропала. Юноша пошёл искать её в зеленеющих ивовых зарослях Камы. Оказалось, птицы по другую сторону реки возле одинокой берёзы плескались. Перебрался Шор на тот берег и донеслась там до него речь звенящая, рекою журчащая. Были слышны в незнакомой девичьей речи родные слова. То была Шур - она часто гуляла вдоль берега да от восхищения красотой природы каждый раз, сама того не замечая, от души запевать начинала. Завлекла песнь Шора, к тому же говор был схож с коми-пермятским, однако звучал как-то иначе. Юноша не мог не познакомиться с этой девушкой. Дотемна они в тот вечер беседовали-беседовали да не набеседовались, лишь договорились о том, что каждый божий день здесь, под берёзкой, встречаться будут. И узнали, что они, оказывается, брат и сестра. Маленькие, но проворные коми и звенящие удмуртские роднички вливаются в журчащий ручей пермской язык-основы, который впадает в бурную финно-угорскую реку.

Вечерами лёгкая рябь водной глади подхватывала звонкие голоса, сплетённые в глубокие размышления молодых людей. Многое удмуртка и коми-пермяк друг от друга узнали, много говорили о сходстве и различии родных языков. Шур говорит - «лысву», а Шор - «лысва» (роса), Шур - «гор» - Шор - «гыор» (иней), «турын» - «турун» (трава), «бурд» - «борд» (крыло), «полыс» - «пелыс» (весло). Но есть слова, которые для них звучат одинаково: «бус» - туман, «бадь» - ива, «чож» - утка, «пур» - плот, «нянь» - хлеб.

Шор и Шур друг с другом делились рассказами о жизни загадочной по ту сторону могучей Камы. Девушка описывала селенья Шарканского района: Кыква, Пашур-Вишур, Зар-Вишур, Карсашур, Кесшур (ву - вода, шур - река), а юноша вспоминал родные места: Яйва, Сылва; с радостью отметили молодые, что схоже значение у них слова «кар» (городище): Глазкар, Ижкар, Иднакар, Каргурезь у удмуртов и Кудымкар у коми-пермяков. Так радостно стало на душе у юноши Шор от таких удивительных связей, что звонко запел он о месте, где родился:

«Ой, Кудымкар тэмиян,
Польӧсок зелёнӧй,
Тэнӧ мира дей тамӧ,
Тэ миянлӧ дона!»

(Ой, Кудымкар ты мой,
Лес зелёный,
Тебе мы рады,
Мы тобой гордимся!)
В. Климов

В ответ Шур протяжно пропела лиричекую песню на слова поэта-земляка Степана Широбокова:

Куке мыниськомонвордскемшаертим,
Сюлмы нош тырмекырзанэн.
ӧвӧл кадь пумыз,
ӧвӧл кадь йылыз
Тӧдьы кызьпуо сюреслэн.

(Когда иду по родной земле,
Сердце вновь наполняется песней,
Как будто нет конца,
Как будто нет начала,
Белой дороге берёз.)

Как-то раз вдоль Камы проходило шумное гулянье. Шор предложил:

- Шур, ойдо тупитап эктом! (Шур, давай исполним тупитап!)

- Мар-о со сыче «тупитап»? (Что такое «тупитап»?)

- Мэн возьмато... (Я покажу...)

Оказалось, тупитап - это коми-пермяцкий танец, похожий на удмуртский тыпыртон (аллитерация звуков Т, П в этих названиях создает звукообраз задорного притопывания. Можно сравнить с русским словом «топотушки».) Весело плясали Шур и Шор, как вдруг ливень ведром полил. Шур не хотела дождя и поэтому начала приговаривать:

- Шундымемей пот! Пот! (Мать солнца, выйди! Выйди!)

- Пилемдядяй кош! Кош... (Отец туч, прочь! Прочь...)

Не успела она обратиться к богам, как из-под плакучих ив стремглав вылетела утка и, словно вытаскивая из-за хмурых туч солнце красное, воспарила над бурными волнами Камы.

Шор и Шур - два представителя родственных народов, которых разделила могучая Кама, но несмотря на расстояния, коми-пермяки и удмурты продолжают общаться, поддерживают друг друга, остаются настоящей семьёй. Нет моды, нет конкурентов среди национальностей. Главное, всегда помнить: мы - вместе и поэтому всегда должны жить в мире. Мы - одна семья!

Мария ПОНОМАРЕВА
10класс МБОУ«Заречномедлинская СОШ им. К.А. Ложкина»

Рассказ о погибшей подруге

- Здравствуй, моя дорогая подруженька!

- Здравствуй, моя девочка, - прошелестела нежно и ласково Берёза.

Моя подруга как всегда выглядит сказочно красиво: густая длинная коса до пояса, заплетённая ветром, лицо, умытое утренней росой и дождями, изумрудные серёжки, которые так и переливаются разными цветами радуги на солнышке.

Её красота меняется в зависимости от времени года. Осенью, в пору дождей, она надевает сапожки и золотое монисто. Подует ветер - Береза начинает грустно петь. С приходом зимы она становится похожей на Снегурочку: на ней появляются белоснежная шуба с богатым меховым воротником и снежный кокошник.

После учебы я прибегаю к ней. Мы начинаем радостно болтать, словно щебечущие птички.

С Березкой мы родились и выросли на Дебёсской земле, на старинном Сибирском тракте. Во все века здесь живут рядом два народа - удмурты и русские. Разница лишь в том, что мне - шестнадцать лет, а Берёзе моей более ста и она больше повидала на этом свете, чем я.

Каждый раз, приходя к ней в гости, я узнаю много нового. Одна из её замечательных историй касается нашего родного Сибирского тракта.

- Было это давно, в те времена, когда на Руси правила Екатерина II. В 1753 году она утвердила Сенатский указ об учреждении новой дороги, которая должна была соединить северную столицу с Сибирью напрямую. Русский народ пришёл в патриархальный мир удмуртского крестьянства, принёс с собой свои обычаи и традиции, в том числе и православную крестьянскую веру.

- Проснулась я на заре, - продолжает Берёза, - листочками обернулась, украсилась новыми серёжками и на праздник Троицы направилась. Пришли ко мне люди добрые, весёлые: не то весну провожать, не то встречать. Юноши и девушки вокруг меня хороводы водили, а я им песни пела:

Уж вы милые девушки мои,
Уж вы верные подруженьки!
Ой, спасибо за наряды подаренные,
За песни нежные, за пляски удалые.
За хороводы народные,
За песни старые и модные,
За стихи и слова высокие,
Пожелания мне глубокие.

- Была среди них одна возлюбленная пара - Иван да Дарья. Они крепко любили друг друга, встречались под моими кудрявыми ветками. Но началась грозная Отечественная война. Дарья проводила своего Ивана на фронт. И павши на землю, обняла меня и горько-горько заплакала. Позже она меня так же навещала, как и ты, читала письма с фронта. В них сказывались страшные истории, сердце щемило от страха, но больше удивляло и воодушевляло стремление солдат победить врага.

И вправду говорят, русский дух непобедим!

Но однажды пришла ко мне моя подружка в ещё более горьких слезах и с разбитым сердцем. В руках у неё была похоронка... Иван героически погиб на фронте, защищая свою Родину. Дарья же недолго ещё оставалась на белом свете. Не смогла перебороть своё горе. Эта пара всегда мне казалась похожей на лебедей, вместе они были так же красивы и грациозны. Лебеди выбирают себе пару на всю жизнь, и если один из них умирает, второй без него не может жить. Так же случилось и с парой Ивана и Дарьи.

Много различных историй сказывала мне моя подруга. Но как-то раз в мой день рождения, когда должны все мечты сбываться, со мной приключилось величайшее горе. Я пришла к своей Березушке и увидела, что её нет на месте... От неё остался всего лишь пенёк. Внутри меня что-то оборвалось, ноги перестали держать, я упала на колени и громко зарыдала. Я звала свою подругу, кричала, но никто не отзывался. Я ещё долго не могла смириться с этим происшествием. Мне всё казалось, что она куда-то ненадолго ушла и скоро вернётся.

Возможно, это сон? Увы, горькая правда... Так я лишилась своей лучшей подруги, а безжалостные люди, которые убили её, не понимают, что каждое дерево - это тоже человек с большой живой душой.

Светлана ВАСИЛЬЕВА
10 класс МБОУ «Порозовская СОШ»

Сказка о Часике, Минутке и Новом годе

В самых разных указателях времени живут Часик и Минутка. Они лучшие друзья Нового года. В преддверии Нового года люди говорят «ещё часик до праздника» или «ещё минутка до Нового года». Какую радость испытывают жители Земли, когда узнают, что до праздника осталось ну совсем чуть-чуть. Получается, люди не смогут праздновать Новый год без Часика и Минутки.

А теперь представьте, что Часик и Минутка, то есть часы, остановились. Такой ужас постиг некий город N.

Наступал Новый год. Все готовились к этому торжеству. В каждом доме красовалась ёлочка. Выглянув в окно, можно было увидеть настоящего доброго Деда Мороза и прекрасную Снегурочку. Они ездили по улице на тройке лошадей и дарили

подарки и улыбки всем прохожим. Погода была чудесная, новогодняя. Медленно танцуя, падали снежинки, под ногами аппетитно хрустел снег. Во всех домах, тикая, разговаривали между собой часики и минутки, готовясь передать новый год очередному знаку зодиака. Настроение было радостное, предновогоднее. До Нового года осталось всего ничего. Часик очень радовался, что люди смотрят на него с нетерпением и у них на лицах появляется мечтательная улыбка. Часику хотелось поскорее добраться до Минутки и подарить ей свою радость. Минутка, в свою очередь, немножко завидовала Часику и успокаивала себя тем, что Новый год никак не минует ее, маленькую Минутку.

Вдруг на улице завыл ветер, закружилась, завертелась метель, и стало темно, холодно, страшно. И во всем городе перестали тикать часики. У Часика и Минутки на глазах появились слёзы, а люди перестали понимать, когда наступит Новый год.

Вскоре все узнали, что на город напала Чёрная ведьма, у которой сломались заколдованные часы. Свою злость она решила выместить на людях: пусть эти цивилизованные обитатели Земли помучаются в ожидании своего главного праздника. Сколько времени, сил, энергии, денег тратят они, чтобы отметить Новый год!? Удивительно! Ужасно! И для чего?

Весть о проказах Ведьмы дошла и до Дедушки Мороза. Не раздумывая, он отправился в её царство-государство. Но Ведьма хитра. Узнав намерение Мороза, решила обратиться за помощью к своей старой приятельнице Бабе-Яге. Тогда злая сила удесятерится, и её сложно будет победить. Да и Дед Мороз не лыком был шит. Он знает, что Чёрная ведьма терпеть не может тиканья часов. Его верные друзья - снежинки разлетелись по всему городу и передали людям просьбу Деда Мороза: всем говорить «тик-так». «Тик-так», «тик-так, тик-так», - только и слышно было из разных концов этого поселения. Никто не знал, сколько длилось противоборство Деда Мороза и Чёрной ведьмы, ведь у всех часы остановились. Не удалось злой Ведьме добраться до своей подружки, не устояла перед людским натиском, испустила страшный крик и побежала наутек. Но, куда ни кинется, везде слышно «тик-так». Ведьма от злости лопнула и превратилась в красочный фейерверк.

Снова начал падать нежный снег, на небе засветил месяц, звезды продолжили свой танец, кокетливо мигая своим партнёрам. А Часик и Минуточка проснулись. Люди снова в ожидании Нового года. Сколько же до него осталось?! Минутка! Минутка от счастья пустилась в пляс, стала смеяться, прыгать, обнимать Часика. И вот начался бой курантов. Один, два, три... двенадцать! Ура-а-а! Как же рады Часик и Минутка, что не опоздали и принесли радость жителям родного города. И теперь два друга будут тикать, не останавливаясь, до следующего Нового года, зная, что никакая злая сила не остановит ВРЕМЯ, пока на земле есть добрые люди и верные друзья.

«С Новым годом! С новым счастьем, земляне!» - прокричали все Часики и Минутки, и побежали к своему другу, Деду Морозу, который спешил поздравить добрых людей Земли с Новым годом. Через несколько секунд Часики и Минутки снова приступят к работе: ведь они работают и день, и ночь, не уставая, круглый год.

Валерия ВАХРУШЕВА
9 класс МКОУ «Петунёвская СОШ»

Мужичок и ёлочка
(сказка)

Летала по зимнему лесу сорока-белобока. Летала-летала, и вдруг - увидела... В самой гуще лесной на полянке, укрытой пушистым снегом, стоит зелёная красавица - пышная, иголочка к иголочке, высокая, стройная ёлочка. Захотелось сороке-белобоке с такой красавицей подружиться. Это присказка - не сказка. Сказка будет впереди.

Жил-был на белом свете, не далеко, не близко, не здесь и не там, один старенький мужичок. Вот в морозный зимний день пошёл он в лес за дровами. Шёл-шёл и дошёл до самой лесной глуши. Увидел большое дерево, обрадовался и думает: «О-о! Это дерево сгодится на дрова, на несколько лет вперёд дров будет - не убудет!» Достал топор из-за пояса, только размахнулся, - слышит голос ласковый и приятный: «Не руби меня, дедушка!»

- Кто здесь? - оторопел старичок.

Никто ничего не ответил. Тихо в лесу. Снова он топором замахнулся. Снова услышал знакомый голос. Удивился старичок: «Кто здесь, спрашиваю. Времени у меня на пустые разговоры нет. Дома дрова закончились, надо новые готовить на зиму».

- Пожалей красоту зелёной ёлочки. Не руби лесную красавицу. Скоро наступит в лесу Новый год. Будут зверята и ребята хороводы вокруг ёлки водить, песни петь и танцевать.

Посмотрел на ёлочку старичок повнимательней. Увидел мужичок, что зелёное деревце и красиво, и пригоже, иголочка к иголочке, статное и высокое. Понравилась она ему, он и скажи: «Правда твоя. Пойду в другом месте посмотрю, сухих дров нарублю. А ты, красавица, не бойся. Расти хорошей на радость зверятам и ребятам».

- Спасибо тебе, дедушка! - поклонилось дерево.

- Это тебе спасибо, ёлочка. Научила ты меня красоту видеть, радость от неё получать.

Вот и сказке конец. А сорока-белобока ещё долго по лесу летала и всем в лесу рассказывала о встрече зелёной красавицы и старичка. Вот ведь!

Александр КОРАМЫСЛОВ

С ПЕРЕМЕННЫМ УГЛОМ ОТРАЖЕНИЯ

* * *

это не беда,
если тебе ещё интересны
войны клопов-солдатиков
с майскими жуками,
если в твоей голове - педикулёз
и постоянны проверки на вшивость.

это полбеды,
если в твоей башке - секир
и прочие агрессивные тараканы,
лишь крепнущие от потравы
алкоголем и психохимикатами.

беда,
если в твоём черепке - земляные черви
и все остальные насекомые его покинули.
торопись, бедный Йорик,
разводить в своей тутовой
тамовых шелкопрядов...

* * *

Маленькие пираньи
на золотых крючках у Сатаны
часто-часто дышат:
Надо легитимизировать коррупцию!
Ведь она существует как данность!

Завтра те же маленькие пираньи
на тех же золотых крючках
снова будут часто-часто раздувать жабры:
Надо легитимизировать наркоманию!
Ведь она существует как данность!

Послезавтра - станут часто-часто стучать зубками:
Надо легитимизировать детскую проституцию!
Ведь она существует как данность!

...А на крутом бережке Стикса горит Вечный костерок,
пахнет серой, варится адская ушица...

Как славно, что мои пескари
всегда премудры и молчаливы -
напротив, на бережке пологом, размышляет Андрей,
разматывая серебряную Господню леску...

* * *

всё, что обошлось со мной жестоко,
отчего стишки мои жестки -
берегу я, как синицу ока,
берегу, как журавля руки...

* * *

апостол Пётр приходит в ЦЗН*
с молочным пакетом документов
и ключами от определённого места жительства,
где деньги никогда не лежали

пишет в анкете по-арамейски -
но всё понятно русскому глазу
в графе «пожелания к работе» указывает
«проповедник учения Христова»
в графе «пожелания к заработной плате» -
«прожиточный минимум Благодати»

пролистав его трудовую книжку
и едва заметно усмехнувшись
на запись в разделе «Поощрения»
«Вечная путёвка в Рай»,
Петра с лёгким сердцем направляют
в рыболовную артель

а на его смиренное недоумение
резонно отвечают
«а где Ваш диплом апостола?»

возразить ему нечего, да и незачем

эх, хвост-чешуя, языки и души

**ЦЗН - центр занятости населения*

Об авторе. Александр Корамыслов (1969) родился и живёт в Воткинске. В 2000-2010 годах работал в городском Музее истории и культуры, где организовал проведение литературных вечеров. Лауреат журналистских конкурсов в проекте «Культурная столица Поволжья» (2004, 2005). Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «День и ночь», «Дети Ра», «Крещатик», «Соло», «Урал», «Футурум АРТ» и других, в различных альманахах и антологиях, профессиональных литературных интернет-изданиях. В 2014 году в Санкт-Петербурге вышла его книга стихотворений «Песни мудехара». Участник Российского товарищества поэтов «Сибирский тракт».

* * *

без напряжения
плоские люди - как будто иконные доски
со стёртым осознанно образом Божьим,
с тоскою 2D и с юмором плоским
на битом планшете, меж рёбер положенном

с ехидцею пишущие
про чужую «собачью старость»,
позвякивая цепочкой
сучьей своей (не)зрелости -
словно самим иная
(лучшая) доля досталась,
кроме выкусывания блох
и вылизывания подхвостовых опрелостей

жалкая участь выспренних трупоносцев -
весь-то объём их равен одной могиле,
ни секунды не терпящих, егда поносят
их, но восклицающих всуе: «Или!»

что мне их осуждать, играющих в злые кубики,
заполняющих этим сдувшийся шар любви,
желающих дешёвой славы -
не в жизни, так на Ютубе,
не с лицом, так с хорьковою мордочкою -
в не-своей крови?

я давно простил их, но в порядке эксперимента
(бывший друг, новый враг,
а вообще - не знаком) -
постою ещё на их плоскости с переменным
углом отражения, наблюдая закон

* * *

Предъявите штраф миру ещё
За болезни свои, ребята.
Неприятье травмирующих
Ситуаций - весьма чревато

Обостреньем хронических,
Охронением ваших острых...
...Вот и выплыл похоронический,
По-Харонски спокойный, остров.

И бессмысленны распри тесные
За донаций скупые транши.
Предъявите свои претензии
Не в районном - на Том, на Страшном...

Дмитрий АРТИС

УЛЫБКА ГУИНПЛЕНА

Корамыслов А. Песни мудехара (Санкт-Петербург: Свое издательство, 2014г.)

Попробуйте лишить себя привычных вещей: жить в другом доме, ходить на другую работу, общаться с незнакомыми людьми. Поменяйте жену/мужа, выгоните собаку, заведите кошку. Новая жизнь на какое-то мгновение создаст иллюзию праздника. Но сколько драгоценного человеческого времени вам потребуется на то, чтобы привыкнуть к новым вещам? Жизнь не просто останавливается. Вас отбрасывает назад на несколько лет. Вы будто снова оказываетесь первый раз (пусть и в другом, но всё же) в первом классе. Дальше - хуже. Скоро вы поймёте, что махнули, как говорится, не глядя - шило на мыло. Как отпала душевная необходимость в первом предмете - шиле, так и не стало никакой надобности во втором - мыле. А может случится и такое, что, обретя мыло, вам вдруг остро понадобится шило. Тогда вы непременно приметесь коротать часы досуга, оплакивая безвозвратно утерянное. Не надо отказываться от того, что имеете, ради чего-то эфемерно другого. Лучше добавьте к хорошо знакомому что-то новое. Пусть будет больше привычного. Ещё больше. Ещё. Познание самого себя, равно, как и окружающего мира, через увеличение количества хорошо известного. Чем больше точек опоры, тем твёрже шаг.

Пример внутреннего обогащения - не за счёт полного отказа от сложившихся в современной русской поэзии традиций, но за счёт приращения к ним вновь появившихся несвычных смыслов - хорошо виден в книге стихотворений «Песни мудехара» Александра Корамыслова. Подчёркнутая необязательность формы не конфликтует с привычной - устоявшейся. Она не выступает противовесом классической, не отрицает её, но отстаивает право на равенство при совместном существовании. Почти как существование разных человеческих рас (и цивилизаций, кстати) при равных правах в одном, едином пространстве. Привычные читательскому глазу «возвышенные» кирпичики четверостиший вполне гармонично соседствуют с прозаическими клочками фраз, которые похожи на выдранные из газетной передовицы унылые строчки. Можно было бы усмотреть в поэтике Александра Корамыслова элементы эклектики, если бы бессистемность в выборе авторских средств была напыщенно явной. Но продуманные, почти ступенчатые, аккуратные взлёты и падения мешают подобной оценке. Слишком упрощают. Автор находится в процессе упорядочивания хаоса. Он

хорошо понимает предназначение каждой вещи, поэтому знает, где они должны лежать и где они лежат сейчас и, главное, почему произошло так, что вещи оказались не на своих местах.

Александр Корамыслов живёт на родине Чайковского - в городе Воткинске. Участник Российского Товарищества поэтов «Сибирский тракт». Имеет длинный ряд печатных и сетевых публикаций в региональных, столичных и зарубежных литературных изданиях. «Песни мудехара» - его первая книга, составленная из некоторых текстов последних двенадцати лет.

Ты узок вширь и мелок вглубину -
как Вотка, у которой жил я в детстве -
любимый город, воткнутый в страну -
флажочком в карту самых разных действий...

Сергей Круглов, написавший к этой книге предисловие, относит автора к «добродетельным постмодернистам», которые, сродни архивариусам, занимаются тем, что приклеивают бирочки с названиями ко всему, что попадает им в руки. Соглашусь отчасти. Безоговорочно с эпитетом «добродетельный», ибо злого умысла в намерениях автора нет. Однако усомнюсь в приверженности Корамыслова к самому «постмодернизму». Ведь человек, взявший на себя обязательства дать имена всему сущему, обогатить его новыми возможными значениями или хотя бы попытаться вернуть исконные, уже по факту своего действия не может быть постмодернистом. Здесь как раз очевидный конфликт с внешним миром. Автор испытывает душевную боль аутиста, который не выносит беспорядка. Всё должно быть чётко на своих (привычных) местах. Подписано, пронумеровано, недвижимо без острой надобности. Явное несоответствие внутреннего мира с внешним. Скорее всего, автор живёт в окружении людей, которые дальше постмодернизма - носа своего - не видят. Они давят авторитетом, усиливают значение постмодернизма, делая его единственно значимым в условиях современности. Но, несмотря на это, автор сопротивляется. Даже такая вещь, как ирония, являющаяся чуть ли не основой данного направления, у Корамыслова кажется на грани истерии. Фактически улыбка Гуинплена, дескать, хотели посмеяться, так смейтесь, смейтесь как я. Только глаза полны слёз. Возьмите хотя бы название книги: веет чем-то трагическим от словосочетания «песни мудехара». Потому, наверное, общая интонация стихотворений Александра Корамыслова в одинаковой мере и крик, и шёпот. Получается такой эффект, что, читая книгу в уравновешенном состоянии, она кажется спокойной, как прикладбищенский ветерок. Берёте в руки в «заведённом» состоянии, и она тут же имитирует дребезжащий звук будильника, который разбудил вас в тот момент, когда сон только-только начался.

некто растерянный
не знает, как вбить гвоздь в стену
а ему говорят-кричат:
у тебя рук что ли нет?

некто возбужденный
не может найти женщину
а ему шепчут-шепчут:
у тебя рук что ли нет?

Что удивительно и мало кому сейчас удаётся, автор идёт дальше ненавязчивой игры с формой. Говоря обо всём понемногу, не зацикливаясь на отдельных вещах, он увеличивает пространство представленного в «Песнях мудехара» мира, тем самым давая возможность читателю оценить масштаб работы, которую необходимо сделать для упорядочивания хаоса. Фольклорщина, исторические события, приметы современности, персонажи книг, фильмов, анекдотов, детсадовские шутки, библейские мотивы, слова из учебника по экономике, канцелярщина, высокий слог, жаргонизмы... Кони, люди, залпы тысячи орудий - всё смешалось в доме Облонских - в книге стихотворений Корамыслова. И вдруг из всего этого хаоса вырастает «сказка о белом бычке» - рассказ об эволюции сознания сигареты: от ощущения себя частью табачных плантаций - метафора земного рая, до бычка, оказавшегося в пепельнице - метафора адского котла, в который попадает он с лёгкой руки женщины, потушившей его. Смешно? Конечно же, смешно. Но при этом очень уж страшно, особенно будучи мужчиной-читателем.

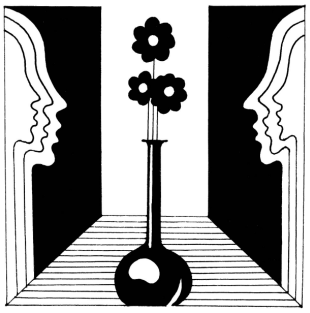
Здесь нужно отметить, что «замах» автора важнее (значительнее) проделанной им самим работы. Что-то в меру своих сил он уже исправил - вернул, как говорится, на место, но основная работа ещё впереди.

Я тоже среди них.
Я тоже - среди вас,
судорожно занимающихся
последним безжалостным делом.

Делом губ утопающего...

И если читатель рискнёт поверить в необходимость этой работы, то ему придётся вместе с автором изрядно потрудиться, и не факт, что они смогут сделать хоть малую толику того, что было намечено. Но попробовать надо. Хотя бы начать.

г.Санкт-Петербург



Сергей ПЕТРОВ

ЦЕННЫЙ ГРУЗ

Сергей, устало вжавшись в сиденье, уже битый час стоял в пробке и безнадежно посматривал на ползущие, как черепахи, колонны автомашин. Красные от двух бессонных ночей глаза слипались.

«Не спать! - твердил водитель. - Уже Химки. Скоро Москва».

Однако глаза зудят, словно в них попал песок. Тело пронизывает слабость и вялость, затекшие мышцы рук и ног наливаются тяжестью. Но передышка невозможна. Как затормозишь в этом потоке машин?

«Надо держаться!» - продолжал бороться со сном Сергей.

Неожиданно впереди возник силуэт мальчика, идущего прямо под колеса впереди ползущего Пежо. Он резко затормозил и нажал на сигнал. Его двадцати пяти тонный МАЗ недовольно заскрипел и со стоном затормозил. Он опять посмотрел вперед - никого нет.

«Уже глюки пошли», - вздохнул водитель и тряхнул головой, пытаясь взбодриться.

А заказ был срочный и сменщик заболел.

- Как я без сменщика поеду? Путь не близкий, - возмутился Сергей.

- Где я тебе сменщика возьму? Ничего, двое суток туда. Загрузишься и обратно. По пути будешь делать остановки для сна, - скомандовал бригадир и с угрозой добавил:

- А начнешь ерепениться, уволю!

До базы Сергей доехал нормально, в пути два раза останавливался подремать. Но только фуру загрузили, раздался звонок начальника:

- Срочно нужен товар! Давай жми без остановок!

- Так я же без сменщика! - напомнил водитель.

- Надо! Давай не подводи! Послезавтра быть к часу дня на базе!

Через приоткрытое окошко проникал поток жаркого воздуха. Его взгляд, как муха, пополз по стеклу: в небе вездесущее солнце неусыпно сопровождало машину и нещадно палило. Все было, как всегда: беспомощно урчала живая лавина автомашин, взрывалась сигналами, рычала моторами, и, почти соприкасаясь бамперами, медленно двигалась по Ленинградскому шоссе в сторону Москвы. Сзади буйно сигналила пожарная машина, требуя уступить дорогу, но механические кони крутили колесами по своей линии, впритык друг к другу, и даже при желании не имели возможности подвинуться. Изредка водители кричали нецензурно из окон, в основном, чтобы выговориться и снять накопившееся напряжение.

Слева угловато, стараясь быть незамеченным, плелся Жигуленок. Седовласый мужчина постоянно шевелил губами, видимо, читая нотацию мальчику. Мальчик послушно кивал головой, засыпая.

В такт его движениям у Сергея тоже начала склоняться голова.

«Не спать! - с испугом подумал он.- Ладно, машину покалечу или себя угроблю, хуже, если безвинные люди по моей вине пострадают».

Справа полз внушительный, как танк, черный БМВ. Из раскрытого окна торчала сигара, удерживаемая волосатыми пальцами, сверкающими золотыми печатками. Периодически сигара с пальцами исчезала в машине, и оттуда вырывались клубы дыма.

Года четыре назад Сергей, попав в пробку, был бы на взводе. Тогда он только сел за руль и

Об авторе. Сергей Петров живет в Москве, по специальности юрист. В последние пять лет публиковался на страницах литературных журналов «Юность», «Аврора», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Север», «Огни Кузбасса», «Наша молодежь», «Южная звезда», «Приокские зори», «Сетевая словесность», «ТОПОС», «Рать», «Воин России», «Пограничник». Сегодня - в «Луче».

занимался частным извозом. До этого три месяца сидел без работы, затем взял свою ласточку и поехал таксовать. Заработал за ночь сто долларов: понравилось. Так и покатило.

Так вот, для бомбилы затор - главный враг. Особенно нервничаешь, когда едешь по вызову забирать клиента. Сергей высчитывал и выезжал заранее, чтобы оказаться по адресу минут за тридцать до назначенного часа. Но порой пробки сводили расчеты на нет. Самое скверное случалось при опоздании свыше пятнадцати минут, особенно когда клиенту надо было в аэропорт на рейс или на вокзал, и время поджимало. В этом случае пассажир просто спрыгивал, словом, ловил любую попутную машину. Тогда безвозвратно терялись и время, и деньги: подъезжал по адресу, а клиент уже тю-тю.

Но на этом риски бомбилы не заканчивались, а только начинались! Первая же пробка меняла вальяжного пассажира и превращала его в перебродившее вино: испуганно голосящее, пугливо вращающее головой, беспрестанно суетливо спрашивающее: «Мы успеваем?». Но сегодня Сергей спокоен, клиент в руках и никуда не денется: не выпрыгнет же из машины! Раз было исключение: мужчина, вертлявый, сухонький такой, с длинной черной бородкой, выбежал на МКАДе и засеменил ногами между машинами. Правда, через километр выдохся и, тяжело дыша, поджидал машину Сергея. Конечно, при опоздании на самолет или поезд всегда можно оправдаться, свалив все на пробки, и содрать с пассажира бабло. Но Сергею было неудобно, и денег он не брал.

Возить кого только не приходилось: бандиты и менты, проститутки и чиновники, были приезжие, подавшиеся в Москву на заработки. Каждый из пассажиров был неповторим. От бандитов всегда несло водкой, их разговоры сводились к тому, когда и кому разбили челюсть или залили в бетон. Пассажиры-менты бдительно молчали, а проститутки визжали и постоянно смеялись.

Но хуже не бывает пассажиров с детьми. Редкий ребенок, сев в машину, забудет показать всем, насколько активен и развит. Того гляди жвачку расплющит прямо на стекле или в ином, но обязательно видном месте, а если ест мороженное или пьет колу, то следы их обязательно окажутся на чехлах и ковриках. Если ребенок не умеет говорить, еще хуже, ибо обязательно начнет плакать, заглушая радио и даже шум. Если детей окажется двое, то быть спору, кто будет сидеть у окна, и старший, как всегда, покажет младшему, как открывать дверь, и обязательно сломает ручку. Только раз попался молчаливый малец с пожилой женщиной. Ребенок не отводил тягучего взгляда от окна. Женщина сразу же заснула. Оказалось, что мальчик был из детского дома, а женщина - воспитатель. Сергей и денег с них не взял и мальцу купил кучу пирожных. А потом сидел, обняв руль, и вспоминал свои детдомовские годы. Родители у него спились, и после их смерти его ожидал казенный дом. Там пришлось выживать.

Но, возвращаясь к пассажирам, можно подытожить, что люд был разный. Бывали случаи и кидали на бабки. Как-то раз вез такого прямо интеллигента, в очках и галстучке. Подъехали к месту, клиент совершенно искренне сочувственно пропел, мол, деньги закончились, он сейчас поднимется домой и вынесет. Сергей купился, только когда уже прошло минут пятнадцать, осознал, что его интеллигентно облапошили. В доме одиннадцать этажей и квартир немеряно: все обходить не будешь! И такое бывает. Сергей ненадолго расстроился, решив философски, что всех денег не заработаешь, а издержки - они неизбежны.

Да и не в деньгах счастье! Как-то раз в свой день рождения решил одарить пассажиров бесплатным проездом. Говорил об акции в конце поездки. Люди удивлялись, радовались, начинали поздравлять и расточать на радостях целые букеты поздравлений; одна старушка расплакались, а другая банку помидоров подарила.

Голова Сергея опустилась на грудь, и он уже видел себя в аэропорту Домодедово. Вот подходит мужчина. Грузный, с острой бородкой, в дорогом костюме, с тросточкой и небольшим чемоданчиком. Говорит, что до самолета время есть и просит отвезти в приличный ресторан в поселке Домодедово. Клиент оказался компанейским, представился Анатолием, или просто Толиком. С шутками и прибаутками довез его. Правда, барыш был небольшой: поселок рядом. Распрощался Сергей и поехал в столицу. По пути диспетчер

предложил выгодный заказ. Отвез пассажира в северо-западный округ столицы, в ресторан «Строгинский дворик». И остолбенел: там стоит Толик, специально приехавший, чтобы найти Сергея. Опять поздоровались, мужчина с улыбкой, под прицелом цепкого взгляда говорит, мол, понравилось, как его везли, и решил прокатиться с таким душевным таксистом еще разок.

Сергей растерянно пошутил:

- Небось, опять в ресторан поедем?

Анатолий кивает, то есть почти туда же, снова в аэропорт Домодедово поедем.

«Но зачем? - уже не на шутку зашевелились мысли. - Может, бандит? Всякое бывает».

Как клиент его нашел, Сергей понял: диспетчер подсказал.

Водитель озадаченно спросил об оплате, а пассажир уверенно заявил, что сколько скажет, столько и заплатит. Это насторожило.

«Ладно. Разберемся. Если что, у ГАИ можно будет приостановить машину», - прикидывал Сергей. Сел за руль, смотрит, пассажир в восторге и с воодушевлением восклицает:

- Спасибо, друг. Забыл на заднем сиденье очень важный для меня предмет, чемоданчик, и испугался, что безвозвратно утерял. А он лежит на заднем сидении! Ладно, давай снова в аэропорт, на рейс опоздал, но главное, ты не подвел и чемоданчик со мной.

Сергей облегченно выдохнул:

Повезло. А возьми кого из пассажиров на заднее сиденье, тот и прихвати его, тогда с портфельчиком пришлось бы распрощаться. И даже, найдя меня, могло быть все безрезультатно.

Сам про себя Сергей подумал: «Ведь так можно ни за что, ни про что неприятностей нажить, потом тот же пассажир по милициям затаскает. Надо быть внимательнее с этими забывчивыми пассажирами».

В аэропорту подъехал прямо к входу: несколько зевак, с красными глазами, лениво околачивающиеся менты. Пассажир вдруг перепугался и говорит, мол, сделай еще раз доброе дело, присмотри за чемоданчиком, а я в туалет сбегаю. Сергей с неохотой, но согласился. И вот сидит в машине, ждет. Десять минут, полчаса, час. Начал уже нервничать, что опять влип с этим чемоданчиком. Но возить его в своей машине уже больше не будет. Лучше всего сдать в милицию. Подходит к сотруднику транспортной милиции и обрисовывает сложившуюся ситуацию. Тот вежливо просит пройти с ним в опорный пункт. Пришли, стали оформлять протокол изъятия чемоданчика: записали, как положено, паспортные данные Сергея, описание ситуации. Дошло дело до составления описи содержимого чемодана. Открыли и ахнули! Чемоданчик доверху набит упаковками стодолларовых купюр! Люди в форме несколько минут зачарованно молчали, затем суетливо смяли протокол, воровато осмотрелись, закрыли входную дверь и стали пачками набивать себе карманы. В это время Сергей ошарашенно смотрел. Про милицию слухи ходили всякие, но такого не ожидал!

И сержант говорит:

- Что стоишь, кормилец ты наш. Набирай себе тоже, по справедливости и тебе надо. Сергей выставил руки вперед и отрицательно мотнул головой.

- И зря! - спокойно парировал милиционер и продолжил рассовывать купюры по карманам.

Вдруг один из милиционеров, присмотревшись, произнес:

- Они поддельные!

Все стали рассматривать деньги, затем с досады материться и нехотя выкладывать пачки обратно на стол. Поддельные купюры сосчитали, Сергей расписался в протоколе и был отпущен на все четыре стороны. По этому случаю больше никуда не вызывали. Могли менты и протокол порвать, а деньги выбросить, чтобы не утруждать поисками фальшивомонетчика. За нераскрытое преступление, да еще такое тяжкое, вышестоящее начальство по головке не погладит.

Резкий автомобильный сигнал выводит Сергея из дремоты. Он испуганно вздрагивает, смотрит по сторонам. Оказывается, заснул и продолжал ехать.

- Не спать! - вслух закричал водитель и хлебнул из термоса уже остывший кофе.

Глядя напряженно на дорогу, увидел шагающее блеском стекол и алюминия здание мясокомбината. Рекламный щит пытливо всматривался в водителя, предлагая свежайшие сосиски и колбасу, и уже отстал, сверкая красной черепицей цехов. Сразу вспомнились эсэсэсэрские времена, когда он работал поваром на мясозаводе. Там было неплохо. Конечно, уносил с работы мясца, колбаски, собственно, как и все без исключения сотрудники столовой: иначе в те времена на такую зарплату, как у них, и не прожить было. Охрана не обыскивала, зато потом и им перепадало.

После развала СССР завод закрыли, и столовую соответственно. Стал работать на рынке. Продавал в небольшом отделе мясо и колбасы. Вроде все было по первой хорошо. Но хозяин стал заставлять торговать колбасными и мясными изделиями с уже истекшим сроком годности. К этому Сергей не привык, в заводской столовой, где все друг друга знали, так не грешили. Поэтому встретил такую команду в штыки и после бурного спора с хозяином, хлопнув дверью, ушел. К этому времени немного деньжат было поднакоплено, и Сергей, взяв кредит, открыл свой магазин.

Однако тут только проблемы и начались! Предугадать реализацию было сложно: один день в магазин народ валом валил, в другой - хорошо, если человек десять в течение половины дня зайдут. Срок годности продукты тоже имеют, и оставалось или перебивать даты или выбрасывать их на помойку. Сергей травить людей не мог и просроченные продукты выбрасывал на радость бомжам, которые стали толкаться у мусорных баков целыми толпами.

Тут же появились и сборщики денег. Первым заявился участковый уполномоченный милиции: с пузом на выкате и бегающими юркими глазками сразу пришел с письменной жалобой. Растягивая фразу, объяснил, что у него заявление от некого гражданина, который видел, как продавец испражнялся рядом с магазином, чем нарушил правила чистоты, порядка и благоустройства территории. Налицо штраф на организацию. Сергей при нем вызвал продавца, но тот клятвенно заверял, что такого и быть не могло.

- Может, ваш заявитель лжет? Продавец парень интеллигентный, и туалет у нас в помещении есть, зачем же идти во двор?

- Заявление есть заявление. Ему можно дать ход, можно попридержать, а можно и отказать. Все зависит от меня! - важно начал участковый.

Сергей понял. С тех пор участковый раз в месяц приходил, набирал бесплатно продуктов и довольный удалялся.

Вслед за участковым через пару дней пришли проверяющие из санэпидемнадзора, нашли кучу

нарушений, но протокол оформлять не спешили и, получив денежный выкуп, удалились. Потом приходили комиссии из госпожарнадзора, недочетов было много, и снова писать акты не спешили и, добившись своего, ушли. Были торговая инспекция, общество защиты прав потребителей, Роспотребнадзор и уйма иных органов, все при этом находили недостатки и уходили с деньгами.

Ровно через два месяца после открытия магазина пришли опера с местного отделения милиции. Сказали, что два месяца дали каникул, но пора и платить и, установив месячную таксу, удалились. Ментам Сергей платил исправно, понимая, что деваться некуда. Но порой от этого был хоть какой-то прок. Как-то пришла местная гопота, несколько человек, заявили, что будут крышевать. Сергей, объяснил, что налички нет, и назначил встречу на завтра. Сам позвонил милицейской крыше. Местную гопоту опера знали, в этот же вечер прессанули, и с тех пор больше никто из них не заявлялся.

Дела шли, но ежемесячная прибыль уходила на закупку новых продуктов, погашение кредита, аренду помещения, зарплату сотрудникам и откупные контролирующим структурам. Последняя статья расходов перекрывала кредит, аренду и зарплату, вместе взятые. Поэтому проработав два года и расплатившись наконец с кредитом, Сергей завязал с торговлей, не положив на книжку ни копейки.

Просидев дома три месяца, решил таксовать.

Именно на этой работе нашел жену. Когда увидел у дороги: тоненькую, как тростинка, в длинном голубом платье, светлую, как ангел, то понял сразу, что влюбился. Девушка была студенткой, он взрослый и зарабатывающий мужчина - это и сыграло. Она два раза уходила от него, но вновь возвращалась. Потом ушла навсегда. По ее мнению, она была создана для искусства, а не для семьи.

Но говорят, если что-то убывает, то другое прибавляется. Вот тогда прямо перед его машиной на проезжую часть выбежала девчонка. Она повернула голову и жалостно посмотрела. Сергей резко нажал на тормоза, но понимая, что наезда на ребенка не избежать, рывком крутанул руль и направил автомобиль на тротуар. Хорошо, что там прохожих не оказалось.

- Что же ты прямо под машину бежишь?

- А я остановить ее хотела. Я маму ищу.

- Куда же она у тебя делась?

- Я детдомовская. Меня мама бросила. А я хочу прийти и показать, что я хорошая.

- Давай сделаем так. Поедем сначала в детдом, там ведь сейчас все в панике. А с завтрашнего дня начнем искать маму, обещаю.

Девочка доверчиво кивнула.

- Мать у нее алкоголичка. Полгода назад умерла. Мы девочке не говорим, чтобы не травмировать психику, - тихо говорила заведующая детским домом.

- Понимаю. Сам детдомовский, - кивнул Сергей и по-детски спросил:

- А можно я завтра к ней приду?

Заведующая пытливо посмотрела и кивнула.

Так в его жизни появилась маленькая, с большими голубыми глазами, девчушка по имени Света. Жизнь тогда озарилась, и даже когда машину украли, не сильно расстроился и сразу устроился водителем на базу.

Вот и сейчас она тихо посапывала на сиденье, склонив голову, и что-то шептала во сне. Сергей хотел поправить ее руку, и тут же девочка проснулась.

- Пап, мы еще не приехали? - устало спросила Света.

- Уже скоро.

На стекле замерла муха. Время тоже остановилось, такое впечатление, будто машины застряли не в пробке, а замерли перед неведомой опасностью, не решаясь двигаться дальше. Вот муха приходит в движение, увеличивается в размерах, и в засыпающем сознании водителя начинает злобно подмигивать, размахивая мохнатыми лапками.

- Папа! - раздается испуганный детский крик.

Сергей инстинктивно, еще не успев проснуться, резко жмет на тормоза...

Открыв глаза, он с ужасом увидел, как потерявшая управление фура тащит, сминая, впереди идущий БМВ, а тот, в свою очередь, уже ломает пикап.

«Видимо, водитель тоже уснул, - пронеслось в воспаленном сознании у Сергея. И, обнимая потянувшуюся к нему испуганную дочку, подумал: - «Хорошо, что у меня такой бдительный напарник!».

- Папа! Я тебя люблю.

- И я тебя люблю, спасительница моя, - поцеловал он ее в макушку. - Побегу я, дочка. Там помощь нужна, - уже вглядываясь вдаль, сказал он и добавил строго:

- Сиди тихо... Ты у меня одна...

Девочка кивнула и с серьезным видом ответила:

- Не волнуйся, буду сидеть, как мышь.

Сергей СЕЛИВАНОВСКИЙ

ИЖЕВСК, 2060

Документальная фантастика
(Журнальный вариант)

Историки обычно реставрируют события прошлого. В этой короткой повести сделана попытка реставрировать будущее Ижевска на основе нереализованных планов города в XIX-XX вв., тенденций развития науки и техники, анализа российского постперестроечного законодательства и многолетней общественной работы автора, а также его деятельности в области науки и образования.

Был жаркий праздничный день - 12 июня 2010 года. В этот день ижевчане отмечали День города, которому исполнилось 250 лет.

Изрядно нагулявшись по празднично украшенным улицам и центральной площади, я прошел мимо величественного Михайловского Собора и спустился к улице Карла Маркса. Незаметно промчались четыре часа моей прогулки по городу, и неожиданно я почувствовал сильную усталость. «Возраст сказывается», - подумал я. Перейдя трамвайные пути и обогнув дом моды «Аксион», я спустился по узкому переулку к летнему саду, где решил отдохнуть перед возвращением домой.

В саду было многолюдно и шумно. Гремела музыка, сотни детей и взрослых развлекались на аттракционах. Я боялся, что не найду места, где можно присесть и отдохнуть, но недалеко от входа я обнаружил свободную скамейку. Мои мысли были о городе, о его истории, о моих предках, живших и работавших на заводе. Это особенно ярко вспоминалось в день города, после прогулки по старым улицам, историей которых я занимался много лет. В памяти возникали их прежние названия: Береговая, Базарная, Старая, Церковная, Госпитальная, Троицкая...

Я откинулся назад и, закрыв глаза, подставил лицо под еще жаркие лучи послеполуденного солнца. Мои мысли перенесли меня в Ижевск, начало 20-го века, и я представил себя идущим к дому моего деда Тимофеева Никиты Лазаревича, который стоял на улице Старой, на пересечении с Горшечным переулком, ныне улицей Бородина.

Этот дом, по рассказам моей бабушки Анисьи Андреевны (в девичестве Ялуниной), дед купил и перестроил в 1912 году. И в этом доме я и мои родители проживали до 1955 года, когда дом и был снесен при расширении мотозавода. Незаметно меня склонило в дрёму. Не знаю, сколько времени продолжался мой полусон, но открыв глаза, я увидел, что вокруг что-то изменилось. Да, по-прежнему играла музыка, звучали детские голоса, было много людей и ярко сияло солнце. Но часть аттракционов куда-то исчезли. Слева от меня сидел какой-то пожилой мужчина. Он посмотрел на меня, улыбнулся:

- Вы так сладко спали, очевидно, гуляние по городу вас утомило. Я тоже устал и чуть не уснул. В день города отключаешься от рутины каждодневных событий, все хочется посмотреть на сохранившуюся старину, посетить музеи.

- Да, в этот день особенно ощущаешь бег времени. Ижевску уже 250 лет!

- Почему? Вы ошибаетесь, Ижевск основан в 1760 году, и нынче, 10 апреля, ему исполнилось три века - 300!

- Извините, это вы что-то путаете...

- Нет же, дорогой мой, сегодня 12 июня 2060 года... Считайте...

Я понял, что со мной произошло что-то невероятное.

- Как? Сегодня 2060 год? Почему? Этого не может быть! Когда я присел на эту скамейку, был 2010 год!

- Что бы вы ни говорили и что бы вы не думали, но сейчас 2060 год. Я не знаю, что и когда с вами произошло, но сейчас особенно часто пишут о каких-то необъяснимых явлениях, происходящих с природой, людьми, и вообще с живыми существами... Бывает...

- Хорошо, мы с вами не сможем объяснить, что произошло. Возможно, мне придется смириться с этой реальностью... Или нереальностью...

Я задумался. Мне очень не хотелось бы встречаться здесь с моими уже престарелыми внуками. И город за 50 лет, вероятно, сильно изменился.

- Да, особенно большие изменения произошли за последние десять лет, - как будто прочитал мои мысли мой новый знакомый. - Хотя я инженер, но много лет занимаюсь историей города, поэтому кое о чём могу вам рассказать.

- Удивительно, какое совпадение! Я тоже инженер и тоже всегда был увлечен историей Ижевска!

- Тогда, несмотря на разницу в полвека, нам будет более-менее легко понять друг друга. Кстати, недавно мы отметили рождение миллионного жителя.

- Неужели? И за счет чего Ижевск стал миллионным городом? Просто за счет высокой рождаемости?

- Нет, рождаемость держится на среднем уровне. Но в черту города вошли целый ряд сел: Июльское, Завьялово, Бабино, Подшивалово, Лукшудья, Чур и Селычка. За последние десятилетия сам город и эти поселки расширились за счет строительства индивидуальных коттеджей. Такой рост площади города привел к расширению сети трамвайного и автобусного сообщения. Окружная дорога, построенная в начале

Об авторе. Сергей Николаевич Селивановский (1937) живёт в Ижевске, доцент ИжГТУ, краевед, член Союза журналистов РФ.

XXI века, оказалась внутри города, и сейчас строится уже новое транспортное кольцо вокруг Ижевска, протяжённостью свыше 240 км.

- А как насчет промышленности? Ведь когда-то Ижевск имел развитую, может быть, даже чересчур развитую промышленность.

- Возрождение промышленности началось довольно давно, но металлургическое производство и завод пластмасс пришлось вынести за пределы города. В ваше время металлургический завод был практически в центре города, доставляя много хлопот жителям своими выбросами из многочисленных труб. В основном сейчас город известен электроникой и, как и раньше, своим машиностроением. Вы помните, 40-50 лет назад почти вся электроника завозилась из Китая? А кризисы, через которые периодически проходила Россия, заставили-таки правительство изменить экономическую политику и вплотную заняться развитием собственной промышленности.

- А что, мы... вы сейчас ничего не покупаете из Китая?

- Нет, почему, мы продолжаем покупать и у Китая, и у других стран новинки, но исключительно с тем, чтобы постепенно научиться делать подобное у себя в стране.

- Но ведь развитие промышленности обычно ухудшает экологию города?

- Эта проблема, хотя и не полностью, но была решена 10-15 лет назад. Во-первых, как я уже говорил, вредные производства были вынесены за пределы города и одновременно оснащены мощными очистными сооружениями. Внутри города остались лишь приборостроительные предприятия, также оснащенные очистными сооружениями. А транспортные магистрали, связывающие город с заводами, позволяют работникам быстро добираться до места работы.

- В наше время горожане уже страдали от транспортных пробок. Единственным надежным транспортом был трамвай. Удалось ли решить эту проблему?

- Да, но это стоило больших средств. На основных транспортных магистралях нет регулируемых перекрестков, нет светофоров. В нашем городе, как и в других крупных городах, перекрестки двухуровневые и такие путепроводы практически не задерживают транспорт.

Далее мой новый знакомый рассказал мне, что еще в конце двадцатого века появлялись планы двухуровневых развязок на основных магистралях центральной части города. В то время основными магистралями были улица Удмуртская, Пушкинская и Горького, которые пересекали улицу Кирова, Советскую и ряд других. Я хорошо помню, что часть перекрестков этих улиц еще тогда планировалось выполнить двухуровневыми. Предполагалось, что трамвай будет ходить по нижнему уровню, а автотранспорт - по верхнему. Но перестройка примерно на сорок лет задержала реализацию этих планов, и в полной мере их удалось осуществить только в последние десять лет. Оказывается, что сейчас, несмотря на возросшее число автомобилей, в городе нет пробок. А обилие недорогих подземных и многоэтажных стоянок позволило решить проблему парковки автотранспорта. Но надо отметить, что это стало возможным только после смены экономической политики, ориентированной полвека назад на продажу нефти и газа. А ориентация на развитие промышленности и сельского хозяйства произошла только после того, как и должности министров, и главы правительства заняли настоящие профессионалы. Росту экономики и жизненного уровня способствовало принятие закона о прогрессивном налоге и уменьшение налога на мелкий и средний бизнес. Кроме того, возвращаясь к экологии, выяснилось, что абсолютное большинство автомобилей уже давно электромобили.

- А какие у них источники энергии? - мне, как инженеру, это показалось наиболее интересно.

- В основном, суперконденсаторы. Возможно, вы знаете, что их применение в транспорте началось полвека назад. В ряде стран, например в Китае, суперконденсаторы, которые еще называют ионисторами, использовались для привода электромоторов троллейбусов. Пройдитесь по городу и вы поймете, как бесшумно движутся автомобили, не оставляя никаких выхлопов, как это было раньше, в век бензиновых и дизельных двигателей.

Для меня, технаря, было очень интересно узнать об автоматизированном транспорте, который все больше приходит на смену обычным автомашинам. Такой транспорт появился еще в начале XXI века, но это были единичные экспериментальные образцы. Водитель-2060 практически не участвует в управлении автомобилем, который движется под управлением навигатора и мощного бортового компьютера. Лет 40 назад американцы даже построили целый город для отработки таких автомобилей. Сейчас эти автомобили широко используются, они надежны благодаря совершенной навигации, резервированию датчиков и компьютеров и связью с дорожными системами регулирования движения. В случае отказа одной из систем управления автомобилем, можно продолжать движение в обычном ручном режиме, но желательно в ближайшее время обратиться на станцию обслуживания.

- А что такое дорожная система регулирования движения?

- Эта система включает приемники и передатчики, расположенные в придорожной полосе или над дорогой. Система передает сигналы о режимах дорожного движения на данном участке пути, принимает кодовый номер автомобиля, регистрируя его проезд по данному участку. В свою очередь бортовой компьютер автомобиля, приняв сигнал, не позволяет автомобилю превысить скорость движения «на автомате». В ручном же режиме, сколько бы водитель ни давил на педаль газа, автомобиль также не может превысить установленную принятым сигналом скорость. Эта достаточно сложная система значительно снизила аварийность на дорогах. Кстати, скеанирование проезжающих автомобилей позволяет определять угнанные или незарегистрированные машины. Жаль, что она пока внедрена только на крупных магистралях, но это дело времени.

- А как решается проблема стоянок?

- Еще полвека назад в Москве и нескольких крупных городах начался снос панельных пятиэтажек,

построенных в 1960-70-е годы. Когда-то они позволили, хотя и частично, решить жилищную проблему в стране. В Ижевске снос подобных зданий начался значительно позже - не было средств, нищие бюджеты регионов не позволяли реализовать крупные проекты. Но когда мы всё-таки начали сносить эти пятиэтажки или хрущевки, как вы их тогда окрестили, на освобождавшихся площадках стали строить подземные стоянки, а над ними появились скверы и парки. Центральная часть города, превращенная полвека назад в замусоренные каменные джунгли, в чем немалую роль сыграла так называемая точечная застройка, стала приобретать совершенно другой вид. Из города для машин, каким в то время был Ижевск, он постепенно превращался в город для людей. В 2013-16 годах, как мне видится ситуация сегодня, в городе угасла роль главного архитектора. Формально он существовал, но ничего не решал. Архитекторы тогда были просто послушными исполнителями воли крупного строительного бизнеса. Строительные компании покупали землю, выбирали проекты, в основном, жилых зданий, и роль архитекторов сводилась к привязке этого здания к назначенному строителями участку. Сейчас нам особо понятно, что ни о какой стратегии развития города и речи не было. Так вот и появились жилые микрорайоны, где не было ни школ, ни детских садов. О генеральном плане города никто не вспоминал, как будто его и не было. Но вы-то еще в 2010-ом, вы об этом ещё ничего не знаете.

- Действительно, я же ещё в 2010-ом. А тогда мне интересно, по-вашему, с высоты вашего времени, куда смотрели тогда наши городские власти?

- А им было выгодно продавать земельные участки. Якобы, пополнялся бюджет.

- Меня всегда волновали проблемы нашего пруда. Может быть, подойдем к беседке, хотелось бы взглянуть на панораму пруда. Кстати, мы столько общаемся - как вас зовут?

- Алексей Васильевич Кручинин. Можете звать меня просто Алексей.

Я тоже представился. Мы прошли мимо красочных киосков с обилием рекламы. Я заметил, что в рекламе встречаются знакомые английские слова, написанные русскими буквами. Но, естественно, я не смог угадать их истинное новое русское значение, учитывая многозначность этих английских слов, и решил спросить об этом моего собеседника.

- Алексей, я вижу много рекламы, но многие слова мне не понятны.

- Естественно, ведь за полвека появилось много новых слов. Развитие науки и техники, появление новых технологий и вещей в жизни и быту людей неизменно приводит со временем к появлению новых терминов. Вспомните, века полтора назад в русском языке для создания новых слов и явлений применялся простой принцип. Брали два слова, характерных для нового объекта, соединяли их корни одной гласной буквой и получали новое слово. Действительно, подумалось мне, таких слов достаточно много, например, пароход, самолет, вертолет, зверолов. Но постепенно, на фоне огромного количества французских, немецких, а во второй половине двадцатого века английских терминов, этот принцип исчез. А обобщенные понятия, появляющиеся при возрастающей сложности жизни общества, в русском языке просто нельзя выразить одним словом. Часто требуется целая фраза, поскольку русский язык основан на конкретных понятиях. Вот тут-то на «помощь» приходит английский язык с его гигантской многозначностью слов и легкостью образования обобщенных понятий. В нем есть одна грамматическая форма, называемая герундий, которой нет в русском языке. В этой форме используется универсальный суффикс -инг (-ing). Достаточно присоединить его к глаголу, и мы получаем, в зависимости от построения предложения, существительное, причастие настоящего времени или деепричастие. И вот английские слова с этим суффиксом нашли массовое применение в русском языке, поскольку одно английское слово позволило заменить длинные фразы, описывающие новые явления в жизни общества. Например, как вы замените одним русским словом каждое из таких понятий как маркетинг, листинг, роуминг, армрестлинг, сноубординг и многие другие? Никак! Каждое из них требует целые фразы для расшифровки значения, а чтобы описать значение слова маркетинг, требуется несколько десятков слов!

Как я понял, этот агрессивный процесс образования новых слов оставался долгое время неуправляемым, желание некоторых ученых мужей увековечить свое имя введением новых терминов иногда доходило до абсурда. К счастью, были приняты законы, запрещающие применять те иностранные слова, для которых существует русский эквивалент, а спорные вопросы разрешал специальный экспертный комитет.

Мы подошли к беседке. Передо мной открылась привычная живописная панорама пруда. Я увидел знакомые очертания плотины, старого корпуса оружейного завода и здание ТЭЦ. Несколько десятков небольших парусников, казалось, замерли на сверкающей водной глади.

- ТЭЦ? Да неужели она еще работает?

- Нет, она давно закрыта, сейчас это часть музейного комплекса Ижевска.

Вдруг я увидел то, чего никак не ожидал увидеть.

- Боже мой, пароход! Неужели это та самая «Свобода»?

- Вы угадали, это «Свобода», но только копия того колесного пароходика, который привезли из Воткинска более полутора веков назад и назвали «Шрапнель».

Почему было выбрано такое странное название? Потому что в Ижевском заводе изготавливали тогда шрапнель для артиллерии. Кому-то это французское слово просто понравилось, им и назвали пароход, а после революции 1917 года его переименовали. Этот пароход, оставляя за собой клубы дыма, бороздил воды Ижевского пруда более полувека. Кстати, до пуска трамвая в 1935 году он был единственным транспортным средством, доставлявшим рабочих в летнее время из северо-западной части города на завод и с завода.

- Но я не вижу дыма.

- Сейчас я вам объясню. Этот пароход восстановил один из ижевских меценатов несколько лет назад. Туристы и горожане любят ездить до Воложки и далее по реке Иж до плотины второго пруда. А дыма нет потому, что колеса вращаются через редуктор от электродвигателя, а он питается от суперконденсаторов. Их зарядки с избытком хватает на несколько рейсов, а на пристани есть зарядная станция для автобусов и автомашин.

- Вы упомянули второй пруд. Когда-то я много читал о проектах второго пруда.

Еще в 1875 году предлагалось построить второй пруд примерно на 30 километров выше по реке Иж, чтобы создать запас воды, необходимый для бесперебойной работы завода. Был сделан проект, составлена смета и даже заготовили запас бревен для строительства новой плотины. Ранней весной 1876 года предполагалось начать работы по сооружению плотины второго пруда, но по каким-то причинам это проект не был реализован. Через сто лет подобный проект снова рассматривался уже с точки зрения очистки пруда. Предполагалось, что воду из основного пруда будут частично выпускать, пруд будут чистить и заполнять водой из второго пруда. Кроме того, наличие второго пруда увеличило бы скорость водообмена, а это способствует росту рыбных запасов.

- Второй пруд в Ижевске существует уже более десяти лет. Его построили выше по течению реки Иж, площадь около 20 квадратных километров. Первая окружная дорога как раз проходит по плотине пруда. Такое совмещение плотины и дороги оказалось наиболее экономически выгодным. Важно еще то, что, находясь в черте нового города, второй пруд тоже стал любимым местом отдыха. Там несколько водных и лодочных станций, масса развлечений, а в пятисотметровой водоохранной зоне нет никаких частных жилых зданий, только то, что необходимо для отдыхающих. При обустройстве его берегов учли ошибки прошлого. Существующее природоохранное законодательство строго соблюдается.

- Интересно, решена ли проблема загрязнённости старого, основного пруда?

- Да, нам удалось решить эту проблему, частично и за счет создания второго пруда. Но для того, чтобы вода была чистой, пришлось вложить много средств в очистку реки Иж и её притоков. Например, большое внимание уделили разведению ракушек-перловиц, которые хорошо очищают воду.

К середине 1950 годов ракушки в нашем Ижевском пруду практически исчезли. Сказалась их варварская добыча для производства пуговиц. Кстати, производство этих пуговиц размещалось в здании бывшей частной оружейной фабрики Евдокимова. В 2060 году это стало частью музейного комплекса.

- Алексей, а когда в Ижевске и республике стали серьезно заниматься экологией?

- Ну, экология - удел богатых стран. Если в бюджете страны нет денег, можно сколько угодно говорить о защите природы, но практических результатов не будет. Реальная защита природы требует огромных инвестиций, поскольку она включает широкий спектр мероприятий, таких, как организация сортировки бытовых, промышленных и медицинских отходов при их сборе, проектировании и строительстве заводов по переработке отходов, и много других технических мероприятий. Кроме того, необходимы большие затраты на содержание природоохранных органов, на подготовку специалистов, на пропаганду экологических знаний среди всего населения, включая детей. Кстати, вы помните Ельцина? Это, вроде бы, ваше время?

- Да, конечно.

- При нем планировали создать министерство охраны окружающей среды, но ученым-экологам удалось убедить руководство страны в том, что нужен независимый комитет, и такой комитет был создан. Были также созданы экологические фонды, средства в которые поступали от предприятий в зависимости от выбросов вредных веществ в атмосферу и в водную среду. Но в 2000 году комитет был ликвидирован, затем Государственная Дума приняла новый закон об охране окружающей среды, создали министерство.

Вы же знаете, чем занимаются министерства. Это развитие экономики, промышленности... Все они базируются, в конечном счете, на использовании ресурсов. Деятельность в области экологии призвана сдерживать чрезмерное и неэффективное потребление природных ресурсов. Поэтому в принципе не может быть министерства охраны окружающей среды, поскольку премьер-министр не может одновременно руководить потреблением природы и её защитой. Это нарушает основной принцип классической науки управления - кибернетики: в сложной системе управления должна обязательно присутствовать отрицательная обратная связь, которая обеспечивает стабильность системы. Поэтому охраной природы должен заниматься независимый от премьер-министра государственный комитет. Значительным ударом по охране природы стало изменение величины водоохраных зон. Например, водоохранная зона Ижевского пруда, составлявшая в течение многих лет 500 метров, была совершенно необоснованно сокращена до 50 метров. В 2000-е годы было много нарушений, но, к счастью, они уже давно устранены.

- То есть все проблемы экологии решены?

- Ну, не все, но сделано очень много. Налажена система сортировки и сбора отходов, построено несколько заводов по их переработке. Кстати, эта самая переработка стала наконец прибыльной. За счет массовой посадки деревьев на расширившейся более чем в два раза территории города значительно увеличилась площадь парков и скверов. Новые технологии очистки воды, например, применение подводных фильтров, позволили увеличить рыбные запасы пруда. Все это удалось осуществить лишь после того, как начался бурный рост экономики, и в бюджете наконец появились средства на экологию. Но время идет, появляются новые проблемы, связанные с изменением климата. Поэтому говорить о решении всех экологических проблем, конечно, еще рано.

- Алексей, я рад, что так много сделано в

экологии. Эти вопросы меня особенно волнуют, поскольку когда-то я возглавлял городскую депутатскую комиссию по экологии. Но как инженера, работавшего в области электроники, меня интересует развитие сотовой связи.

- Современная сотовая связь абсолютно не похожа на ту, которая была 50 лет назад. Во-первых, она стала абсолютно безопасной за счет значительного уменьшения мощности излучения как при приеме, так и при передаче. Вы помните, что в начале 2000-х годов в стране были построены тысячи приемопередающих станций с вышками, и связь на значительном расстоянии от них требовала повышенной мощности излучения телефона.

- Да, публиковали даже статьи о вреде сотовых телефонов, например, о том, что при длительном разговоре область мозга вблизи телефона нагревается, что могло приводить к различным заболеваниям. Однако капитальные исследования в этой области долгое время не проводились.

- Сейчас в каждой квартире установлены маломощные роутеры, которые обеспечивают прием и передачу сигналов сотовой связи. Это позволило уменьшить мощность излучения телефонов. На улицах городов и в сельской местности установлено также множество (почти на каждом доме) роутеров, связанных с Интернетом. Раньше это было затруднительно из-за низкой скорости передачи информации через сети, но благодаря возросшему быстродействию компьютеров и полному переходу с проводных систем на стекловолоконные кабели это стало возможно.

- Как насчет кражи и защиты информации?

- Это происходит довольно редко, хотя число объектов, с которых хакеры заинтересованы снять информацию или воздействовать на работу программ и оборудования, невероятно возросло. Уже в течение двух десятков лет любое оборудование в квартирах (холодильник, стиральная машина, видеокамеры, счетчики воды, газа, электроэнергии и другие), не считая бесчисленное число видеокамер, банковских и других карт, имеют свой регистрационный номер и связаны с Интернетом. Специалистам в области программирования и кодирования информации удалось надежно защитить эту информацию. Кроме того, любой несанкционированный выход в Интернет считается серьезным преступлением и немедленно регистрируется. Именно интернет стал серьезной и неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому значительная часть принимаемых в последние годы законов прямо или косвенно касаются Интернета и правил работы в сетях.

Кстати, если вы пройдете по городу, вы заметите, что на крышах домов нет телевизионных антенн. Они уже давно не нужны, так как 20 лет назад завершилась прокладка во все здания города оптических кабелей, которые при желании позволяют принимать тысячи телевизионных и радиоканалов, осуществлять телефонную связь и работу в Интернете с необычайно высокой скоростью.

- Как насчет туризма в таком большом городе, каким стал Ижевск?

- Туризм как внутренний, так и иностранный, занимает большое место в жизни города. Рекомендую вам сесть на туристский трамвай и проехать по городу. Вы многое увидите сами, многое узнаете, воспользовавшись автоматическим гидом.

- Что это такое?

- Это автоматическая система представления информации для туристов. Вы занимаете, например, место на правой стороне вагона, надеваете головные телефоны и выбираете на пульте перед вами русский, английский или другой язык. Проезжая по маршруту, вы слышите рассказ об улицах и зданиях, мимо которых проходит трамвай. Более подробную информацию о истории города можно получить на экране монитора, расположенного перед вами. На пути предусмотрены специальные разъезды, где туристский трамвай делает более продолжительную остановку, пропуская другие трамваи. Кстати, кроме трамвая, можно воспользоваться туристскими автобусами.

- Спасибо, обязательно воспользуюсь вашими советами. А каковы главные достопримечательности города?

- О, их довольно много, и все перечислить трудно. За последние годы восстановлено много памятников, музеи расширили свои постоянные тематические экспозиции, получили большие помещения в сохранившихся старинных зданиях. Все это многократно увеличило приток туристов. Кроме того, туризм привел к экономическому и социальному улучшению торговли, общественного питания, транспорта и т.д., а также к дополнительным налоговым поступлениям в местные и государственные бюджеты. Кстати, в киосках вы можете найти множество проспектов, подробно рассказывающих о музеях и достопримечательностях.

По словам Алексея, наиболее интересными являются музейный комплекс города Ижевска и Национальный музей республики. В составе музейного комплекса находится главная достопримечательность Ижевска - старый заводской корпус с башней, строительство которого завершилось около 220 лет назад. Чем привлекательно это уникальное здание, находящееся как памятник истории и промышленной архитектуры под международной охраной? В этом здании находится большое число станков и приспособлений, часть которых является подлинниками, часть воссоздана по чертежам XVIII-XIX веков. Посетители знакомятся с технологией изготовления деталей оружия того времени, могут увидеть работу макетов водяных колес, молотов и другого оборудования. Экраны и голографические изображения дают возможность получить практически любую информацию о прошлом нашего уникального оружейного завода. К услугам туристов автоматизированный тир с широким выбором стрелкового оружия.

А посетив старинное здание пивомедоваренного завода, можно познакомиться не только с технологией изготовления напитков XIX века, но и продегустировать многочисленные сорта пива, кваса и других напитков, настоянных на целебных травах. Кстати,

у владельца завода, купца Ивана Бодалева, работал профессиональный пивовар, приглашенный из Германии, а разнообразные сорта пива (Кабинетное, Пильзенское, Венское и другие) пользовались большим спросом за пределами Вятской губернии.

- Туристы любят гулять по живописной набережной пруда, а поднявшись по крутому склону, они оказываются перед уникальным Генеральским домом, проект которого был лично утвержден российским императором в середине XIX века. В этом здании, построенном по классической трехчастной схеме, воссоздана обстановка конца XIX века. Здесь можно увидеть множество экспонатов разных времен, познакомиться с историей города, представленной многочисленными современными мультимедийными и голографическими методами. Это центр музейного комплекса, где часто проводятся краеведческие конкурсы, балы, лекции. Вот, кстати, американская газета «New York Times» на английском языке, которую я приобрел вчера в киоске. В разделе путешествий и туризма есть любопытная реклама об Ижевске. Вы владеете английским?

- Да, я довольно долго занимался переводами и работал в качестве переводчика за рубежом. Я уже прочитал газету, возьмите себе.

Я начал читать рекламу об Ижевске, а мой собеседник переговаривался с кем-то по телефону. Вот что я прочитал:

"Visit Izhevsk, the town of attractive scenery, combined with a fascinating historical heritage. You have a chance to visit unique showplaces including the incomparable Kalashnikov Museum and the world largest small arms museum situated in a huge factory palace-like building erected in the beginning of the XIX century. You will also see Peter Tchaikovsky birthplace in Votkinsk (40 miles from Izhevsk), the site of ancient town Idnakar (IX-XIII centuries), and other museums and masterpieces of industrial architecture. You'll enjoy a sight-seeing tour on board of the old-time steamer across the 300 years old artificial lake..."

Привожу перевод для читателей: «Посетите Ижевск, город, расположенный на живописной местности и имеющий интереснейшие исторические традиции. Вам предоставляется возможность посетить уникальные достопримечательности, включая несравненный музей Калашникова и самый большой в мире музей стрелкового оружия, расположенный в огромном заводском здании, похожем на дворец, которое построено в начале XIX века. Вы также посетите город Воткинск, где родился П. Чайковский (40 миль от Ижевска), городище IX-XIII вв. Иднакар и другие музеи и шедевры промышленной архитектуры XIX в. Вы хорошо проведете время на борту старинного колесного парохода во время путешествия по искусственному озеру, созданному 300 лет назад...».

Алексей закончил разговор по телефону, и мы снова вернулись к нашему разговору.

- Алексей, разрешите взглянуть на ваш телефон.

- Пожалуйста, но вам трудно будет понять его работу.

- Пока я хочу только внешне сравнить его с моим телефоном. А затем расскажите о его работе.

Я держал в руках телефон, внешне похожий на мой смартфон. Его размеры были практически такими же, но он имел экраны с обеих сторон. Я заметил несколько разъемов, очевидно, для подключения внешних устройств.

- Алексей, ваш телефон внешне похож на мой, больше о нем сказать я ничего не могу.

- Это классическая конструкция. Конструкция любого массового бытового изделия со временем становится классической. Возьмите, например, автомобиль. За более чем сто лет его конструктивная схема практически не изменилась, поскольку назначение автомобиля осталось прежним - служить в качестве наземного транспорта. Хотя такие показатели, как безопасность, экономичность и экологичность многократно возросли за счет использования кардинально новых принципов работы многих его узлов, их новых материалов и конструкций. Это же относится и к телефону. Его возможности за последние 50 лет невероятно расширились, но его основное функциональное назначение осталось прежним - обеспечивать связь, получать, хранить и передавать информацию.

- На что способен ваш телефон?

- Во-первых, у современных телефонов значительно снижена мощность излучения при использовании в городах и других населенных пунктах, там они не связаны с приемопередающими станциями, имеющими вышки с антеннами. Раньше тысячи вышек строились по всей стране, сейчас они остались лишь в малонаселенных районах. В основном, наши телефоны работают с роутерами.

Понятно, что мне было интересно, какие еще функции выполняет этот телефон? Оказалось, что, работая через Интернет, можно пользоваться сотнями услуг. Вообще телефон-2060 представлял собой мощный оптоэлектронный компьютер, который вбирал большой объем информации и способен в любое время связываться с домашним компьютером, установленным в каждой квартире или коттедже. И телефон, и домашний компьютер связаны с банком, который выбирает владелец квартиры; все денежные операции выполняются только в электронном виде через сеть. Счетчики воды, газа и электроэнергии подключены к домашнему компьютеру, и учет и оплата осуществляется автоматически. Домашний компьютер следит за температурой в помещении, подсказывает, какие мероприятия и когда надо выполнять согласно плану, который вы вводите в память компьютера, например, раз в неделю. Широко используется голосовая связь, но часть пользователей предпочитают общаться с компьютером с помощью обычной клавиатуры.

- Вы упомянули оптоэлектронику. А обычная электроника, она разве уже не используется?

- Конечно используется, но значительно реже. Кстати, вы инженер по какой специальности? Мне желательно это знать, чтобы как-то ориентироваться, насколько подробно объяснять.

- У меня несколько специальностей, одна из них инженер-электроник.

- Ну, тогда вы легко поймете. Я, между прочем,

тоже долгое время имел дело с электронными схемами.

И Алексей рассказал мне, что любой компонент электронной схемы обладает собственной емкостью и индуктивностью. При низкой частоте следования импульсов эти емкости и индуктивности не оказывают влияния на передаваемые сигналы. Но когда частота следования импульсов достигает десятков миллиардов в секунду, они просто могут не дойти по проводнику из одной точки в другую. С этой проблемой столкнулись, когда пытались повысить быстродействие компьютеров. Использование электрических сигналов уже не позволяет повысить быстродействие компьютеров и других устройств. Переход на световые сигналы вместо электрических дал возможность во много раз повысить быстродействие и создать новые типы памяти. Широкое применение оптоэлектроники изменило очень многое и в нашем быту.

- Кстати, и в наше время много говорили о роботах, их применении, особенно в Японии, пугали, что они могут стать умнее человека, захватить власть и прочее. Что вы можете сказать об этом.

- Роботы играют сейчас большую роль. Разнообразие их конструкций поражает. Есть роботы, которые трудно отличить от человека. С таким роботом можно разговаривать на многие темы, особенно если он подключен к Интернету. Он может обучать ребенка или взрослого, например, иностранным языкам, отрабатывать правильность произношения, и вообще любому предмету. Другие роботы способны выполнять комплекс простых, но тяжелых для человека работ, в зависимости от введенной программы. Роботы широко применяются на производстве, в ресторанах, кафе, скверах и парках (стрижка газонов, уборка листьев) и в других местах.

Потом Алексей рассказал мне о нашей проблеме - влиянии компьютеров и телефонов на детей.

Это всегда было серьезной проблемой для родителей, педагогов и психологов. Доступность информации из Интернета, возможность получать ее практически без приложения усилий, отучает детей от усидчивости, от желания глубже изучить какой-либо вопрос. Кроме того, наиболее опасно то, что из средства получения информации Интернет часто становился для молодежи средой обитания, меняющей психику и отключающей их от реальной жизни. Все это сказывалось на уровне образования среднего школьника и студента. Зачем учить, когда все есть в Интернете - вот такой подход просто отталкивает молодежь от стремления получить более глубокие знания о каком-либо предмете.

- Ну и как всё-таки эта проблема решена?

- Частично, да. Сейчас компьютеры и телефоны имеют режим голосовой связи. При работе на компьютере он периодически задает простые вопросы, и если не получает ответа, происходит его блокировка или даже закрытие программы. Если же вы отвечаете на вопрос, то компьютерная программа анализирует ваш голос и определяет, имеете ли вы доступ к данной программе или к данному разделу Интернета. Таким образом, дети могут работать лишь с определенными программами и входить только на разрешенные родителями или преподавателями группы сайтов Интернета.

- В моё время в абсолютном большинстве школ дети учились в две смены, и те дети, у которых родители днем работают и нет бабушек или дедушек, полдня предоставлены сами себе. В некоторых школах существовала так называемая «продленка», когда младшие школьники проводят целый день в школе. Как решены эти проблемы у вас.

- Только недавно нам удалось перевести все школы на односменную работу. Это потребовало колоссальных затрат - надо было построить довольно много новых школ не только в пригороде, но и в центре. Хорошо, что при массовом сносе пятиэтажных панельных домов освобождались площадки, и на них были выстроены современные школьные комплексы с обязательными подземными стоянками для транспорта. Это началось лет двадцать назад и стало возможно только после того, как был принят закон о прогрессивном налоге, и началась реальная борьба с коррупцией. А главное - когда руководство страны наконец осознало масштабы негативных последствий модных «реформ» и варварских «оптимизаций». Ликвидация их последствий потребовала колоссальных затрат материальных средств, времени, кадровых решений и изменения законодательства. К счастью, пусть спустя годы, но стало понятно, что и в рыночной экономике ответственное государство и элементы планирования должны играть значительную, если не главную роль.

- Алексей, спасибо! Вы прочитали мне целую лекцию! Вижу, что у нас в будущем не все потеряно.

- Но вам придется пройти через многие трудности и много поработать. Вообще я был рад такой неожиданной и необычной встрече, но мне пора уходить. Может быть, проводите меня, а заодно и пройдетесь со мной по городу?

- Спасибо, но я уже переполнен впечатлениями от вашего рассказа. Посижу, успокоюсь, возможно, прогуляюсь вокруг Летнего сада.

Мы попрощались. Алексей ушел, а я перебирал в памяти услышанное от него. Закрыв глаза, я пытался представить уровень техники, жизни и быта человека второй половины XXI века. Конечно, технически все это возможно, и автомашины без водителя, и роботы, и оптические компьютеры и все остальное. Нужно лишь проявить здравый смысл и в экономике, и в кадровой политике, и закон не нарушать.

Очевидно, я занимался этими размышлениями достаточно долго, пока не почувствовал, что стало довольно прохладно. Открыв глаза, я увидел, что солнце уже зашло, играла музыка, хотя людей в саду поубавилось. Я встал и огляделся вокруг. Аттракционы... Генеральский дом - знакомая картина 2010 года.

Что со мной произошло? Неужели это был всего лишь сон? Неужели все будет так хорошо? Неужели всего лишь через полвека мы всё-таки осуществим такие преобразования и будем жить в удобном красивом городе? Давайте надеяться на такой оптимистический вариант развития и Ижевска, и России.